

**МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Методическое пособие

Печатается по решению
Научно-методического совета
ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России

**Москва
2018**

УДК 343.148
ББК 67.53
С30

Авторский коллектив:

Плотникова А. М., докт. филол. наук (предисловие, пп. 3.2.2–3.2.8, ч. 4 в соавт.),
Кузнецов В. О., канд. филол. наук (ч. 2; пп. 3.1, 3.1.1, 3.1.2, 3.2.10, 3.3; ч. 4 в соавт.),
Саженин И. И., канд. филол. наук (п. 3.2.9), *Акуленко Е. В.* (п. 1.1 в соавт.),
Бойцов А. А. (п. 1.4, 3.2.1 в соавт.), *Губаренкова Е. О.* (п. 1.2 в соавт.),
Крюк Е. К. (пп. 1.3, 3.2.11), *Кумкова Т. Н.* (п. 1.1 в соавт.),
Портнова В. Б. (пп. 1.4, 3.2.1 в соавт.), *Чумакова Е. Н.* (п. 1.2 в соавт.)

Научный редактор

доктор юридических наук, профессор *С. А. Смирнова*

С30 Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : Методическое пособие / *А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин* и [др.] ; Под ред. профессора *С.А. Смирновой* ; М-во юстиции Рос. Федерации, Федер. бюджет. учреждение Рос. федер. центр судеб. экспертизы. – М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. – 136 с.

ISBN 978-5-91133-191-7

В настоящем пособии изложены теоретические и методические основы семантических исследований в судебной лингвистической экспертизе. Рассмотрены основные виды объектов, предмет и задачи такого вида исследований. Подробно изложены методы, методики и технологии семантических исследований в лингвистической экспертизе. На основе обобщения экспертного опыта СЭУ Минюста России, учета достижений теоретической семантики, а также с опорой на теорию судебной экспертизы сформулированы стратегии и тактики экспертного исследования, созданы экспертные методики семантически ориентированного исследования.

УДК 343.148
ББК 67.53

ISBN 978-5-91133-191-7

© Федеральное бюджетное учреждение
Российский федеральный центр судебной
экспертизы при Министерстве юстиции
Российской Федерации (ФБУ РФЦСЭ
при Минюсте России), 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Часть 1.	
Объекты судебной лингвистической экспертизы	8
1.1. Письменный текст	9
1.2. Звучащий (устный) текст.....	10
1.3. Поликодовый (креолизованный) текст.....	13
1.4. Электронный текст.....	16
Часть 2.	
Типология задач, решаемых в рамках семантических исследований в лингвистической экспертизе	23
2.1. Выявление значения (смысла) единиц различных уровней: слова, словосочетания, предложения (высказывания), текста	24
2.2. Установление наличия/отсутствия в тексте информации определенного содержания	25
2.3. Выявление значения/формы выражения значения и отнесение их к определенному классу.....	26
2.4. Установление степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста (семантическое сравнение речевых произведений).....	27
Часть 3.	
Семантическая методология в лингвистической экспертизе	29
3.1. Всеобщий метод познания и общенаучные методы исследования в лингвистической экспертизе.....	32
3.2. Частнонаучные методы семантических исследований в лингвистической экспертизе.....	38
3.3. Специальные методы семантических исследований в лингвистической экспертизе: предметно-тематический, экспрессивно-оценочный, целевой	95
Часть 4.	
Экспертные методики решения задач лингвистической экспертизы с использованием семантических методов	98
4.1. Методика выявления значения (смысла) единиц различных уровней: слова, словосочетания, предложения (высказывания), текста.....	100
4.2. Методика установления наличия/отсутствия в объекте информации определенного содержания	105

4.3. Методика выявления значения/формы выражения значения и отнесение их к определенному классу	109
4.4. Методика установления степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста (семантическое сравнение речевых произведений).....	126
Литература	130
Словари.....	135

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возникшая в конце XX века и активно развивающаяся судебная лингвистическая экспертиза переживает сегодня очень важный период методологического становления.

В практике лингвистической экспертизы остро стоит проблема необходимости выработки единых критериев оценки исследуемого речевого материала, однозначности выводов, верифицируемости методик. Как справедливо указывают авторы коллективной монографии под ред. О. Н. Матвеевой, «сложность ситуации с лингвистической экспертизой усугубляется тем, что в отличие от других видов экспертиз, компетентным себя здесь считает каждый <...>. Неразличение языковой и специальной лингвистической компетенции приводит к тому, что данный вид экспертизы становится одним из самых обсуждаемых за пределами профессионального сообщества» [Судебная лингвистика, 2015: 5–6].

Расширение интернет-пространства обуславливает широкое общественное обсуждение лингвистических экспертиз, выполненных государственными и негосударственными экспертами, трансляцию не только экспертных выводов, но и всех экспертных заключений в блогосфере, средствах массовой информации. Наличие экспертиз с противоположными выводами по резонансным делам становится мишенью для общественной критики всего института судебной лингвистической экспертизы. Можно связывать сложившееся положение дел с естественной для любой социальной и научной сферы «болезнью роста», однако есть и объективные методологические причины, связанные с недостаточной разработанностью методологии лингвоэкспертной деятельности.

Нельзя не согласиться с авторами вышеуказанной монографии, отмечая, что «само существование различных методик и методических рекомендаций как ведомственного, так и вневедомственного происхождения (даже при наличии в них спорных моментов, что естественно как для современного уровня развития судебной лингвистики, так и для логики развития науки в целом) является несомненной ценностью в аспекте совершенствования лингвистической экспертизы, поскольку подобные работы обобщают практику, наработанную за определенный период времени, и позволяют при накоплении соответствующего опыта работы в соответствии с конкретным алгоритмом решения экспертных задач критически осмыслить данный алгоритм и перейти к новым способам и методам работы» [там же: 24].

Остроумно разделяя экспертов по используемым ими методам и методам на «глобалистов» и «жертв современной системы лингвистического об-

разования», А. Н. Баранов убежден в том, что все методы лингвоэкспертного анализа сводимы к процедуре синонимических преобразований: «Синонимическими преобразованиями в первом приближении можно назвать такую модификацию исходного текста (в широком понимании), при которой одни аспекты его семантики сохраняются, приобретая более эксплицитную форму, а другие могут редуцироваться вплоть до полной элиминации. При синонимических преобразованиях и весь объектный текст может подвергаться экспликации, т. е. таким синонимическим преобразованиям, когда весь смысл (или его значительная часть) представляется в более эксплицитном виде» [Баранов, 2016: 121]. Действительно, синонимическое перифразирование – это универсальная процедура, используемая для экспликации имплицитных смыслов в устной и письменной речи, которая лежит в основе системы методов лингвоэкспертной деятельности и встраивается практически в любое экспертное исследование.

О. В. Кукушкина, считая базой современной методологии лингвистической экспертизы семантический подход, предлагает следующее определение общего метода проведения лингвистических экспертиз семантического типа: «Метод исследования заключается в экспликации смысловых компонентов, важных для решения вопроса (=результат, данные для решения вопроса), путем семантической декомпозиции и синонимического перифразирования смысла сообщения (=операциональная часть) на основе его лингвистического анализа (=научная база)» [Кукушкина, 2016: 124].

Поддерживая данную позицию, отметим, что экспертные задачи всегда ситуативно обусловлены и требуют привлечения широкого спектра разнообразных технологий при сохранении единого семантического подхода к анализу содержания сказанного.

Методическое пособие, адресованное в первую очередь экспертам-лингвистам СЭУ Минюста, ставит целью рассмотреть проблемные вопросы и предложить некоторые пути решения практических задач в области судебной лингвистической экспертизы, связанные с применением методов семантического анализа.

Применительно к судебной лингвистической экспертизе, которая представляет собой прикладную область лингвистики, круг этих вопросов обусловлен практическими задачами и связан с определением объектов лингвистической экспертизы и выработкой методов лингвистического анализа, систематизацией задач и способов их решения, представлением результатов исследования и формулированием выводов, понятных правоприменителю, формулированием пределов компетенции эксперта-лингвиста.

Методы семантических исследований касаются практически всех видов лингвистических экспертиз – экспертиз, связанных с делами об оскорблении, клевете, защите чести и достоинства, противодействии экстремизму, корруп-

ции и многих других. Необходимость применения семантических методов обусловлена стремлением избежать умозрительных представлений о значении сказанного, формализацией процедур экспертного анализа, возможностью проверить выводы, к которым пришел эксперт-лингвист.

Семантический вектор развития лингвистической экспертизы был задан как в теоретических трудах, так и в методической литературе, адресованной экспертам [Баранов, 2007; Цена слова, 2002; Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2011, 2014].

В настоящем пособии на основе обобщения экспертного опыта СЭУ Минюста и учета достижений теоретической семантики сформулированы стратегии и тактики экспертного исследования, созданы алгоритмы семантически ориентированного экспертного исследования.

Часть 1

ОБЪЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Под объектами в теории судебной экспертизы понимаются «материальные носители информации о фактических данных, связанных с расследуемым событием и содержанием экспертного исследования» [Эджубов, 2012в: 222]. Для проведения семантических исследований в рамках судебной лингвистической экспертизы поступают различные материальные носители информации – листовки, оптические диски, периодические издания, книги, флеш-накопители и др., на которых зафиксированы непосредственные (специальные) объекты судебной лингвистической экспертизы – продукты речевой деятельности: от отдельного слова до целого текста или группы текстов как в устной (звучащие тексты), так и в письменной форме. При этом в последнее время объект лингвистической экспертизы расширил свои границы, что связано с развитием информационных технологий и масс-медиа: «текст как продукт речевой и коммуникативной деятельности и поведения человека (его автора). Текст понимается в данном случае широко, как объединенная смыслом последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014: 14]. То есть сейчас объектами лингвистической экспертизы являются не только звучащие (устные) и письменные тексты, но и объекты самых разных форматов, являющиеся поликодовыми (креолизованными) текстами. Основанием этой классификации является форма речи (устная – письменная) и вид используемых знаковых систем (вербальная – невербальная).

В последнее время все чаще объектами семантических исследований в судебной лингвистической экспертизе становятся электронные тексты, которые вбирают в себя черты устных, письменных и поликодовых текстов. Это обуславливает расширение классификации объектов судебной лингвистической экспертизы за счет включения еще одного основания – формы коммуникации: реальная – виртуальная, т. е. «осуществляемая посредством информационных технологий, без личного контакта, на удаленных расстояниях, служащая как задачам традиционной формы общения, так и выполняющая новые функции» [Баева, 2014: 6]).

Таким образом, в настоящее время объектами семантических исследований, проводимых в рамках судебной лингвистической экспертизы, являются тексты четырех типов:

- письменный текст;
- звучащий (устный) текст;

- поликодовый (креолизованный) текст;
- электронный текст.

1.1. Письменный текст

Наиболее традиционный объект семантических исследований в судебной лингвистической экспертизе – письменный текст. С письменным текстом как объектом эксперт-лингвист имеет дело при проведении экспертиз по различным категориям дел, при исследовании текстов деловых документов и т. д. Для проведения семантических исследований предоставляются письменные тексты различных функциональных стилей (художественные, публицистические, научные, официально-деловые, разговорно-бытовые), форм и жанров: статьи, книги, отчеты, надписи, жалобы, частные письма, объяснения, протоколы, записки, предсмертные записки, анонимки, договоры, расписки, заявления, обращения и др.

К такому объекту вполне применимо традиционное определение текста, предложенное И. Р. Гальпериным: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 1981: 18].

В аспекте семантических экспертных исследований особый интерес представляет семантика письменного текста, средства передачи значений в тексте. Как отмечает Н. С. Валгина, «семантика текста обусловлена коммуникативной задачей передачи информации» [Валгина, 2003: 12]. В семантико-структурном отношении письменный текст состоит из объединенных в определенной последовательности вербальных средств (высказываний, сверхфразовых/ межфразовых единств). При этом заключенные в тексте значения передаются не только вербальными, но и невербальными средствами: «в рамках высказывания и межфразового единства это может быть порядок слов, соположение частей, знаки препинания; для акцентирования значений – средства выделения (курсив, разрядка и др.)» [там же: 13]. С семантической и композиционной структурой письменного текста тесно связаны его стилевые и стилистические особенности: «Каждый текст обнаруживает определенную более или менее выраженную функционально-стилевую ориентацию (научный текст, художественный и др.) и обладает стилистическими качествами, диктуемыми данной ориентацией и, к тому же, индивидуальностью автора» [там же].

Исследование письменных текстов представляет определенную сложность, обусловленную необходимостью учета большого количества факторов:

«помимо того, что существует бесчисленное количество способов создания искомого смысла, здесь важен учет жанровой и стилевой специфики объекта исследования, сферы функционирования исследуемого текста, времени создания, культурной традиции и т. п.» [Судебная лингвистика, 2015: 54]. Кроме того, методологические принципы стилевой и жанровой принадлежности: «исследовательские презумпции в отношении текстов документов кардинально отличаются от исследовательских презумпций в отношении художественных текстов, анализ естественной письменной речи отличен от анализа текстов публицистической сферы или сферы бытования текстов индивидуализации, лингвистическая оценка одних и тех же признаков разнится для сферы интернет-коммуникации и религиозного дискурса, в частности вероучительных текстов и т. д.» [там же].

1.2. Звучащий (устный) текст

Звучащие тексты (разговоры, отдельные высказывания), становящиеся объектом семантических исследований в рамках судебных лингвистических экспертиз по разным категориям как уголовных, так и гражданских, арбитражных и административных дел, могут функционировать в различных коммуникативных ситуациях и иметь самое разное происхождение, в частности это могут быть:

- фонограммы, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий (наружного наблюдения, прослушивания телефонных переговоров и др.);
- фонограммы, полученные в результате документирования официальных и публичных мероприятий (заседаний, собраний, конкурсов, митингов, шествий и пр.);
- аудиозаписи, сделанные гражданами с помощью диктофонов, телефонов и т. п.;
- иные фонограммы различного происхождения, в том числе радио-, телепередачи, интервью, сценическая речь и т. п.

Для производства судебной лингвистической экспертизы звучащие тексты поступают на различных материальных носителях информации: оптических дисках, флеш-накопителях и др.

Объектом исследования становятся как полностью спонтанные (например, разговорные диалоги), так и подготовленные или частично подготовленные звучащие тексты (телепередачи, официальные мероприятия, интервью).

Другим следствием, связанным с жанровой природой устных текстов, является их разделение на монологические и диалогические тексты. К первым могут относиться различного рода выступления на радио, телевидении, в Интернете, на митингах и пр.; ко вторым – контактные и дистантные разговоры

различной природы (телефонные разговоры, разговоры с использованием Skype, официально-деловые переговоры, бытовые разговоры, интервью и пр.) [Судебная лингвистика, 2015: 44–45]. Именно диалогический звучащий текст в последнее время все чаще становится объектом судебной лингвистической экспертизы. Это связано с ростом количества назначаемых лингвистических, а зачастую и комплексных психолого-лингвистических экспертиз по делам о взяточничестве, коммерческом подкупе (ст. ст. 204, 290, 291, 291.1, 291.2, 304 УК РФ), вымогательстве (ст. ст. 163, 221, 226, 229 УК РФ), угрозе (ст. ст. 119, 296 УК РФ), незаконном обороте наркотиков (ст. ст. 228, 228.1, 228.3, 228.4, 229.1, 230, 231 УК РФ), контрабанде (ст. ст. 200.1, 200.2, 226.1 УК РФ) и др. По перечисленным категориям дел на экспертизу в основном представляются аудио- и видеозаписи разговоров (фонограммы/видеофонограммы, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий (наружного наблюдения, прослушивания телефонных переговоров и др.), записанные гражданами с помощью диктофонов, телефонов и т. п.).

Особенности исследования диалогического звучащего текста как объекта семантических экспертных исследований обусловлены спецификой диалогической формы речи, состоящей из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта [Винокур, 1990: 135]. На формирование смысла диалогического высказывания влияют, с одной стороны, особенности акта коммуникации, в котором участвует разговорная речь, с другой стороны, особенности системы самой разговорной речи.

К условиям коммуникации относятся следующие:

- сильная опора на внеязыковую ситуацию (конситуацию). Контекст ситуации (один человек или несколько людей; то, что они говорят; то, что происходит в настоящее время; то, что происходило до настоящего диалога и известно участникам коммуникации) прямо и непосредственно воздействует на семантику высказывания в целом и семантику каждой отдельной лексической единицы, в результате внеязыковая ситуация становится составной частью акта коммуникации;
- неподготовленность, непосредственность речевого акта;
- общность апперцепционной базы партнеров коммуникации, которая понимается как наличие общих предварительных сведений, общего житейского опыта у говорящих или членов какого-либо коллектива. Л. П. Якубинский в понятии «апперцепционная база» различает элементы «постоянные и устойчивые» и «элементы преходящие, возникающие в условиях момента». Это разграничение является принципиально важным, так как общность апперцепционной базы может объясняться как многолетним знакомством партнеров коммуникации, так и кратковременным опытом, важным лишь для данного речевого акта;

– разговорная речь строится как система коммуникации, в которой основную роль играют слуховой и визуальный каналы связи. Структура коммуникативного акта в разговорной речи должна описываться как соединение по некоторым правилам вербальных и невербальных компонентов. Для передачи информации наряду с собственно языковыми средствами выступают и другие средства, которые могут быть реализованы человеческим голосом: интонация (движение тона, изменение тона), тембр голоса, регистр и др. Кроме того, в коммуникативном акте важную роль играют жесты и мимика [Якубинский, 1986; Земская, 1981, 1997; Винокур, 1990].

Перечисленные факторы обуславливают специфические лингвистические особенности разговорной речи, основными из которых являются следующие:

- для разговорной речи характерен принцип экономии средств словесного выражения. Чем больше ситуационная обусловленность и общность апперцепционной базы, тем меньше средств словесного выражения достаточно для обеспечения информационной полноты. В разговорной речи могут быть не выражены многие элементы сообщения, непосредственно содержащиеся в ситуации, сопровождающей речь. Например, «Сюда! – Сырку?» (говорящие идут мимо магазина);
- тенденция к имплицитности, проявляющая в сильной информационной компрессии;
- сочетание тенденции к свободе построения единиц, к речетворчеству и тенденции к автоматизму (стремление к использованию готовых единиц);
- разные виды эллипсиса. При анализе звучащего текста эксперт сталкивается со специфическими способами конденсации содержания, когда обширная информация укладывается в минимум вербальных знаков. Говорящие не называют все лица, события, признаки, факты, фигурирующие в плане содержания высказывания, но понимают их однозначно. В разговорной речи опускается все, что известно собеседнику либо в силу общности апперцепционной базы, либо из самой ситуации;
- наличие семантически опустошенных или полупустошенных слов, выступающих на месте почти любого слова, слова-указатели, прономинализированные существительные, слова, не имеющие конкретного содержания вне контекста и получающие его в речи, слова с ситуативными значениями. Партнеры устной коммуникации способны оперировать как с конкретными вербальными единицами, так и с недифференцированными их коррелятами со сложным семантическим наполнением. Для семантически точного (адекватного) толкования значения слова разговорного языка необходим полный анализ типовой ситуации, для называния которой используется данное слово;

- наблюдается активное использование метонимических номинаций (например, *Красноармейскую вчера изъяли* – речь идет об изъятии игровых автоматов из помещения, находящегося на ул. Красноармейской);
- для передачи информации наряду с собственно языковыми средствами выступают и невербальные просодические средства: интонация (движение тона, изменение тона), темп речи, тембр голоса, регистр и др. Например, информативная нагрузка слова может меняться в зависимости от конкретных коммуникативных задач высказывания. Это отражается на динамическом строении разговорной фразы: ударность приобретают слова, содержащие самую существенную информацию. Менее информативно значимые слова становятся слабоударными или безударными. Также во многих случаях темп речи регулируется смысловыми отношениями. Наиболее важные с точки зрения говорящего фрагменты произносятся медленней, чем менее значимые. Кроме того, в разговорной речи в роли актуализаторов наиболее важных частей сообщения широко используются повторы. Говорящий, для того чтобы подчеркнуть особую коммуникативную значимость слова, группы слов или целой фразы, всегда имеет возможность повторить их. Такой повтор-подчеркивание наиболее информативно весомых участков высказывания обычно сопровождается замедлением темпа речи.

Особое внимание при анализе звучащих текстов следует обращать на интонационное оформление высказываний. Коммуникативное назначение интонации состоит в том, что с ее помощью говорящий организует и выделяет в потоке речи смысловые части (целое высказывание или его фрагменты – синтагмы), «сообщая» при этом слушателю некую общую цель своего высказывания (повествования, волеизъявления, вопроса) и свое субъективное отношение к высказываемому. Из всех компонентов интонации наиболее существенными для выражения и восприятия смысловых различий являются изменения основного тона, который называют иногда мелодикой.

Учет указанных особенностей разговорной речи важен при проведении лингвистических экспертиз, объектами которых являются звучащие тексты (разговоры).

1.3. Поликодовый (креолизованный) текст

Еще одним объектом лингвистической экспертизы являются креолизованные тексты. Это тексты, «в структурировании которых задействованы коды разных знаковых систем» [Анисимова, 1992: 72] и «смысл которых создается совокупностью различных знаковых систем, например, с помощью слова и изображения, слова и музыки, музыки и танца и пр.» [Судебная лингвистика, 2015: 56]. В научной литературе для обозначения таких объектов также

встречаются названия «поликодовые тексты», «семантически обогащенные тексты», «негомогенные тексты».

В основном в научной литературе говорится о взаимодействии вербального и визуального компонентов, однако лингвистическую экспертизу интересуют креолизованные тексты, в которых сочетаются вербальный (обязательно) и невербальный компоненты, образующие «одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова, 1992: 73]. Так, возможны сочетания «вербальный + аудиальный компонент» (например, когда звучащий текст имеет музыкальное сопровождение), а также «вербальный + визуальный + аудиальный» (например, видеоролики). Использование разных каналов связи для передачи информации выполняет функцию дополнительного воздействия на адресата.

В лингвистической экспертизе необходимость анализировать креолизованные тексты может возникнуть практически в любой категории дел, но чаще всего это касается производства экспертиз по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму (это различные изображения с надписями, в том числе демотиваторы, мемы, граффити, видеоролики, песни), по делам об оскорблении и защите чести, достоинства и деловой репутации (изображения с различными надписями или изображения, сопровождающие текст, например, статья в газете), по делам, связанным с нарушением законодательства о рекламе (в том числе когда речь идет о рекламе запрещенной в стране продукции) и др.

И вербальный, и невербальный компоненты в рамках креолизованного текста работают на передачу одного и того же смысла, но достигается это разными «отношениями», в которые они вступают. Для обозначения этих отношений можно взять за основу классификацию, предлагаемую А.-М. Ариас:

- интегративные отношения, при которых компоненты невозможно отделить друг от друга без потери смысла для всех компонентов;
- дополнительные отношения, при которых компоненты поясняют друг друга, конкретизируют смысл;
- оппозиционные отношения, при которых значения компонентов креолизованного текста противоречат друг другу;
- отношения двойного (или тройного) кодирования, при которых содержания компонентов текста дублируют друг друга;
- смешанные отношения, когда частично компоненты вступают в интегративные отношения, частично – в дополнительные [Ариас, 2011: 63–64].

Несмотря на то, что в экспертной среде встречается мнение, что исследование в рамках лингвистической экспертизы подлежит только вербальный компонент, креолизованный текст нельзя анализировать без учета невербальной составляющей (возможно, за исключением случаев неоднозначной их интер-

претации, когда исследование текста также нецелесообразно): «Если в тексте имеются невербальные фрагменты, которые функционально связаны со спорными высказываниями, их значение должно быть объектом лингвистического анализа. Невербальные составляющие текста могут быть важным средством выражения его смысла» [Кукушкина, Сафонова, Секараж, 2011: 138].

Отдельного внимания заслуживают заголовки и комментарии к креолизованному тексту. Если они сделаны тем же лицом, которое является предполагаемым автором креолизованного текста, или же его публикатором, их также необходимо исследовать в совокупности.

В контексте исследования креолизованных текстов стоит сказать о криптограммах, значение которых понятно массовому адресату (например «14/88», «НН»), а также о символике, так как значение символа неотрывно от его «формы», внешнего оформления. Так, если мы видим черную свастику, вписанную в белый круг на красном фоне, мы однозначно говорим, что речь идет о нацистской свастике. А вот если свастика желтая, с закругленными концами, – то мы такой вывод сделать не сможем. Таким образом, исследовать символику возможно при условии однозначности ее интерпретации.

Существенным коммуникативным фактором общения является использование паралингвистических средств. Участники разговора могут использовать паралингвистические (невербальные) средства общения (жесты, мимику, определенные позы), включенные в речевое сообщение и передающие вместе с вербальными средствами информацию. При этом паралингвистические средства могут выполнять следующие функции по отношению к вербальной составляющей высказывания: внесение дополнительной информации (в том числе противоречащей вербальной), замещение вербального элемента, а также сочетание с вербальными средствами для выражения общего смысла. Так, жесты могут выступать в качестве отдельных реплик диалога (в таком случае они функционально эквивалентны высказыванию), составлять часть высказывания, замещающая отсутствующие или вербальные члены (жест занимает определенной позиции в синтаксической структуре высказывания, восполняя нереализованную валентность вербальных членов). Например: А. *А куда же Сашиа-то делься?* Б. *Он (наклоняет голову к сложенным вместе ладоням, показывая жестом «спит»)*. Реплика Б. получает лишь частичное интонационное и словесное оформление, однако все высказывание в целом является завершенным в смысловом отношении за счет включения в акт коммуникации жеста.

Особое внимание семантике жестов необходимо уделять при анализе звучащих текстов по делам антикоррупционной направленности, когда ответ на вопрос, например, «Куда положить деньги» дается не вербально, а с помощью указания пальца или взглядом. Важно это отмечать и в исследованиях видеозаписей в рамках производства экспертиз по влиянию на содержание показаний.

Здесь стоит отметить, что в ситуациях исследования видеозаписей объектом у нас будет не сама видеозапись, а содержание зафиксированной на ней речи, соответственно мы не должны говорить о построении кадра, композиции, фоне, цвете как о дополнительных средствах передачи информации (в данном случае визуальный канал – это лишь способ фиксации происходящего). В отличие, например, от ситуации, когда на исследование представлен видеоролик, содержащий обращение террористов, и на котором все зафиксированное, в том числе и то, в какой позе сидит человек, и его окружение, «работает» на передачу общего смысла. То же можно сказать и о рекламных видеороликах.

1.4. Электронный текст

Электронные тексты – особый вид объектов лингвистического исследования, который в зависимости от его характера может быть соотнесен с одним из видов объектов, описанных ранее (письменный текст, звучащий текст, креолизованный текст). Определяющим фактором для такого соотнесения будут условия коммуникации, характер объекта и задачи, поставленные перед экспертом. Так, к электронным текстам можно отнести переписку в мессенджере или в социальной сети, групповую переписку, электронное письмо, СМС-сообщение, пост/публикацию на сайте или в социальной сети, перепост публикации, комментарии к публикациям и др. сходные типы коммуникации в электронной среде. В настоящем разделе рассмотрим лишь специфику электронной коммуникации.

Электронные тексты могут стать объектом семантического исследования при производстве экспертизы в любом виде судебных дел: в уголовном, гражданском, арбитражном, административном делах.

Практика позволяет говорить, что каждому подвиду объектов чаще всего характерна определенная категория дела. Так, переписка в мессенджере или в социальной сети встречается в делах о педофилии, вербовке, склонении к самоубийству, о взятках или коммерческом подкупе; групповая переписка – в делах по мошенничеству группой лиц; электронное письмо, СМС-сообщения – угроза, оскорбление, вымогательство, мошенничество; публикации на сайтах – реабилитация нацизма, дела о защите чести, достоинства и деловой репутации, или о клевете; публикации в социальных сетях, перепосты, комментарии – экстремизм, оскорбление чувств верующих.

Для производства судебной лингвистической экспертизы электронные тексты поступают на различных материальных носителях информации – чаще всего оптических дисках, флеш-накопителях, которые сопровождаются актом осмотра (или иным подобным документом), фиксирующем перенос объектов на электронный носитель и сами объекты в бумажном виде.

Электронный текст в большинстве своем не спонтанен, поскольку существует только в печатном виде, т. е. требует осмысления перед публикацией. Однако для таких разновидностей электронных текстов, как комментарии и переписка в мессенджере, характерны некоторые признаки разговорной речи: использование междометий, звукоподражаний, упрощенный синтаксис, разговорная и сниженная лексика и др. Однако в электронном тексте использование этих языковых средств специфично и в целом носит более принужденный, намеренный характер, чем в живой разговорной речи.

Вместе с этим следует учитывать, что электронный текст в целом (не только в подражающих разговорной речи разновидностях) используется его автором в целях создания электронной личности в виртуальной реальности (особенно это актуально для пользователей интернет-сообществ – «соцсетей»: выбор никнейма, аватара, указание статуса, заполнение профиля, создание контента и др.). То есть создание электронного текста в некоторой мере сходно с созданием художественного произведения, что привносит в электронный текст особенности художественного стиля речи. Электронный текст может быть избыточно насыщен средствами художественной выразительности (метафоры, аллюзии, аллегории, гиперболы), при этом не являясь художественным произведением. Такая ситуация может быть связана с желанием автора создать свой образ в виртуальном пространстве, который отличается от реального, но может также быть отражением того, как пишущий видит свою устную (диалогическую или монологическую) речь, с желанием показать свою языковую личность и выделить какие-то ее стороны.

В этой связи можно говорить о том, что стилевая специфичность электронного текста даже в самых обыденных его разновидностях (не говоря о жанрах статей, заметок публицистического характера) образуется на границе разговорного и художественного стиля. Так, использование междометий в электронном тексте служит не для непосредственного выражения чувств, ощущений, эмоционального состояния говорящего, а, как и в художественном тексте при передаче разговорной речи персонажа, сообщает о том, как адресат должен оценивать (а точнее, как автор хотел бы, чтобы адресат оценивал) состояние говорящего в связи с той или иной информацией, актуализированной в диалоге, только в данном случае это касается не чужой речи изображаемого персонажа, а собственной речи автора.

В некоторой степени сходным образом в электронном тексте используются знаки эмодиконы («смайлики», «стикеры»), которые стилизуют электронный текст под реальное (не виртуальное) общение. Эмодикон служит для информирования адресата об эмоциональном состоянии автора сообщения, о том, как собеседник должен видеть, понимать состояние автора. Однако совершенно не обязательно, что автор находится именно в том состоянии, которое обозначает эмодикон. То есть, в отличие от реального проявления

эмоций (которое не может в полной мере исследоваться лингвистом в связи с выходом за границы его специальных знаний), в электронном тексте эмоджикон выступает в роли текстового знака, который добавляет и меняет значение текста. Эмоджикон – это коммуникативно значимое действие, коммуникативно значимый знак, который может использоваться с разными целями и в разных функциях, например: может выполнять реактивную функцию (информировать о том, что информация воспринята собеседником: А – *Я тебе взял грамм.* Б – :); о том, что автор разделяет отношение собеседника к изложенной последним информации: А – *Рекс цапнул его за задницу, ему было больно и смешно.* Б – ;) ну вот, зато не будет больше в щипки накуриваться), фатическую функцию (А – *Привет.* Б – :)), может побуждать обсудить состояние автора (А – :(:(: (:(: (:(: Б – *Что случилось? Почему ты плачешь?*)), может выражать значение унижительной оценки лица или другое значение (А – *Это ты:* А – <стикер¹ «дохлая крыса»>. Б – *Сам ты урод!*) и др.

Но наиболее значимой и распространенной функцией эмоджикона в судебной лингвистической экспертизе является выражение иронии², указание на ироничный характер высказывания. В таком качестве эмоджикон в некоторых случаях может «переворачивать» и/или нивелировать значение. Особенно важным это может быть при исследовании побуждений, где эмоджикон может служить дополнительным средством, указывающим на то, что содержание побуждения не соответствует тому, которое прямо выражено, например: *Если 200 тысяч это обязательное требование, тогда пусть мне в камеру еще и телефон проведут, Интернет, телевизор, холодильник, бар с алкоголем, радио и душ горячий с девочками!!! =>))* А так это стоит не больше 20 кусков. И то сомневаюсь. В приведенном примере прямо выражено побуждение провести телефон, Интернет и др. в камеру, однако из контекста видно, что при сохранении побудительной семантики содержание побуждения направлено на снижение стоимости какой-то услуги, за которую запросили 200 тыс., а не на реальное выполнение указанных требований (использованный эмоджикон =)) указывает на необходимость отнестись к перечисленным требованиям несерьезно). Однако случаи, когда ирония выражена только эмоджином, встречаются крайне редко, зачастую эмоджикон лишь косвенно подтверждает наличие иронии в тексте, которая выражена другими средствами.

Передача интонации и тона упрощенными графическими средствами, например, использование клавиши Caps Lock и набор текста в верхнем регистре

¹ В норме значение, передаваемое стикерами, эгоцентрично, т. е. стикер «дохлая крыса» без вербализации отнесенности к адресату – «это ты» – будет обозначать «я дохлая крыса» = «я устал». Перенос значения на другое лицо должен быть либо вербализован, либо следовать из контекста беседы.

В аналогичной функции могут использоваться фотографии, в том числе самого себя (селфи).

² См. также: [Трофимова 2009: 261].

для обозначения крика (*А – ВОЗЬМИ ТВЕРДОГО. Б – Не ори на меня. А – Я не ору, капс случайно нажался. Гarik не забудь, а то придется опять пиво пить.*).

Таким образом, важной особенностью электронных текстов является то, что электронное общение протекает в отсутствие визуального и аудиального контакта между собеседниками при стремлении имитировать живую речь. И эта ситуация приводит к образованию лакун в местах, характерных для проявления эмоций, для передачи значения интонационными средствами и в других свойственных устной речи моментах. Если эти лакуны значимы для говорящих, то они заполняются специальными эквивалентами, которые были выработаны в интернет-среде ранее или же создаются коммуникантами на ходу. В противном случае говорящие вербализуют те значения, которые обычно не вербализуются в устной речи.

Другим характерным свойством электронного текста является частое нарушение норм орфографии и пунктуации. Зачастую это связано с высокой скоростью набора текста или отражает индивидуальную грамотность пишущего, однако встречается и намеренное, и потому значимое в смысловом аспекте искажение написания слов. Оно может быть как связано с отсылкой к какому-то мему, так и указывать на то, что автор употребляет слово иронично (например, использование *блеать* вместо *блядь*, во-первых, указывает на употребление данного слова в значении междометия, во-вторых, снижается степень негативной экспрессии).

Говоря о тех типах объектов, которые сходны с устной диалогической речью (переписка в мессенджерах), важно учитывать и возможность мгновенно получать и отправлять сообщения, возможность мгновенно реагировать, а также возможность реагировать на сообщения с опозданием или вовсе оставлять сообщения без ответа (12.03.2017, *А – Привет, как дела?* 10.04.2018, *Б – Привет, нормально.* 13.04.2018, *А – Ты чего сдурел? Год прошел.*). Возможности временного манипулирования ходом диалога часто воспринимаются собеседниками как смыслообразующие, их значение в этой связи эксперту следует эксплицировать при смысловой нормализации текста (03.06.2017 *А – Встретимся в реале?* 03.06.2017 *Б – Так быстро:*) 06.06.2017 *Б – Ну ты чего:*) не обижайся <эмодикон поцелуй> 06.06.2017 *А – Норм, занят был.*

В одном сообщении может содержаться ответ на несколько предшествующих реплик собеседника, причем ответ может как сохранять последовательность, заданную предшествующими репликами, так и нарушать, не соблюдать эту последовательность (*А – Привет. А – Ты сегодня поедешь? А – Возьми по граммке мне и Васе. Б – Кто такой Вася? Не знаю. Привет.*). Эксперту следует восстанавливать соотнесенность вопросных и ответных реплик в диалогических единствах, «разорванных» таким образом.

Одной из особенностей электронных текстов является мультимедийность, связанная с техническими возможностями, предоставляемыми Интернетом.

Как отмечает О. В. Дедова, «стало возможным соединение в едином информационном пространстве текста со звучанием, видеозаписями, различного рода графическими образами, анимацией» [Дедова, 2010: 29]. Указанные мультимедийные объекты зачастую в электронном диалоге выступают как отдельные реплики либо ее части. Например, при электронном общении коммуникация может осуществляться при помощи фотографий (*А – Ты где? Б – <фотография МГУ>.*). В этой связи можно согласиться с тем, что пишет Е. И. Горошко о ситуации, связанной с развитием в Интернете гипертекстовых и мультимедийных технологий: «Электронные тексты все чаще и чаще совмещают в себе не только текст <...>, но и разнообразную аудиовизуальную информацию, несущую дополнительные смысловые нагрузки»¹. Е. И. Горошко отмечает, что «обычный текст в Интернете преобразуется в многослойный продукт вербальной и невербальной деятельности человека», поскольку в его создании принимает участие большое количество людей (от самого автора до дизайнеров и программистов, создавших сайт, на котором публикуется материал), а «основное наполнение текста на электронном носителе эксплицируется, в первую очередь, в его вербальном компоненте, невербальный же иллюстрирует и усиливает воздействие информации, содержащейся в словесной форме». При этом также важно учитывать, что «невербальные компоненты часто несут самостоятельную информативную нагрузку, например, дополняя вербальную информацию, или же выполняют фатическую функцию, влияя на восприятие этой информации читателем».

Наиболее частым элементом электронных текстов является гиперссылка² (в том числе фото- и видеоссылки). В функциональном назначении гиперссылки заложена речевая цель «побуждение» – любая ссылка предполагает необходимость кликнуть, перейти по ней. Вместе с этим ссылка также может использоваться как для выражения речевой цели «убеждение» (*«разделите позицию, выраженную в видеоролике»*), так и для аргументации позиции публикатора (*«посмотрите, они считают так же, как я»*). В аналогичной функции в электронных текстах могут использоваться хештеги, которые указывают, что информация, собираемая под хештегом, может быть по какой-то причине значима для автора.

При установлении предмета на изображении может быть значима информация о месте, в котором сделано фото, выражаемая ссылкой на геопозицию объекта на карте.

Также в электронном тексте могут содержаться ссылки на профили других пользователей социальной сети, например, в комментариях к публикации при ответе на конкретный предшествующий комментарий пользователя,

¹ Здесь и далее цит. по: [Горошко, 2009: 40–50].

² См. также: [Дедова, 2007].

что может быть важным при установлении предмета речи и других аспектов значения, наследуемых из информационного повода (*Нурислам: Если вам не нравится катитесь из нашего Крыма к себе домой, русские мигранты. Иван: Нурислам, катитесь обратно к себе в монголию, пришьлые мигранты*).

Одним из видов ссылки на другого пользователя является отметка его на публикуемом изображении. Такая отметка может использоваться как для указания на реальное лицо (на объект внеязыковой действительности), так и для указания на то, что отмеченное лицо является адресатом данного изображения (например, к фотографии двух людей будет добавлена ссылка в виде «пользователь А с пользователем Б» – в этом случае ссылка используется для указания на предмет речи «реальное лицо – пользователь Б», либо к фотографии флаера, афиши, баннера какого-то события будет добавлена аналогичная ссылка «пользователь А с пользователями Б, В, Г, Д и т. д.» – в этом случае ссылки используются для указания на тех, кто является адресатом).

При проведении лингвистического исследования может оказаться важным значение, содержащееся в таком элементе электронного текста, как аватар. Основной функцией аватара является самоидентификация (указание на свою принадлежность). И, как следствие, в аватаре может содержаться значение оценки и речевая цель «убеждение разделить/принять эту оценку». Например, в тексте исторической статьи о нацистах и совершенных ими преступлениях может быть не выражено никакой оценки таких действий. Однако если статья опубликована под знаком перечеркнутой свастики, можно говорить о негативной оценке автором нацизма, поскольку в соответствии с принципом наследования модальностей негативная оценка будет распространяться и на коммуникативное действие, связанное непосредственно с публикацией статьи. Вместе с этим, также необходимо учитывать, что с лингвистической точки зрения аватар может передавать оценку не во всех публикациях, поскольку одной из функциональных особенностей смены аватара является автоматическое появление нового аватара во всех предшествующих публикациях пользователя. Положение о том, переходит ли выраженная аватаром оценка на публикации, сделанные до его установки, но существующие под этим аватаром на момент фиксации электронного текста, является дискуссионным. В этой связи необходимо четкое и уверенное обоснование экспертной позиции, а в тех случаях, когда аватар является единственным носителем искомого признака, использовать аватар для аргументации экспертной позиции относительно публикаций, сделанных до его установки, нужно с крайней осторожностью. Аналогичным элементом электронного текста является и никнейм, за тем лишь исключением, что никнейм является менее спорным элементом в плане лингвистического анализа, поскольку значение в нем вербализовано.

Характерной особенностью электронных текстов, не относящихся к межличностной коммуникации, является возможность адресации неограни-

ченному кругу лиц. В некоторых случаях целевой адресат может сужаться до группы с характерными интересами или группы, ограниченной знанием языка, на котором сделана публикация, или до пользователей ресурса, на котором сделана публикация, однако если группа или ресурс, на котором был размещен текст, не являлись закрытыми, адресат в первую очередь будет массовым – все те, кто сможет получить доступ к публикации (кто имеет доступ к Интернету).

Часть 2

ТИПОЛОГИЯ ЗАДАЧ, РЕШАЕМЫХ В РАМКАХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Прежде чем перейти к вопросу о задачах, решаемых в рамках семантических исследований в лингвистической экспертизе, необходимо остановиться на определении предмета таких экспертных исследований.

Как известно, предметом судебной экспертизы является «установление фактов (фактических данных), суждений о факте, имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела либо дел об административных правонарушениях, путем исследования объектов экспертизы, являющихся материальными носителями информации о происшедшем событии» [Аверьянова, 2006: 77]. Исходя из этого определения, родовым предметом судебной лингвистической экспертизы является установление имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела либо дела об административных правонарушениях фактов (фактических данных) путем исследования продуктов речевой деятельности. Видовым предметом судебной лингвистической экспертизы, т. е. предметом семантических экспертных исследований, является установление имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела либо дела об административных правонарушениях фактов (фактических данных) путем исследования семантического аспекта продуктов речевой деятельности.

Предмет экспертизы очерчивает основные (типовые) экспертные задачи. Исходя из вышеприведенного определения предмета семантических экспертных исследований и с учетом экспертной практики можно выделить следующие основные (типичные) задачи, решаемые в рамках семантических исследований в судебной лингвистической экспертизе:

I. Выявление значения (смысла) единиц различных уровней: слова, словосочетания, предложения (высказывания), текста.

II. Установление наличия/отсутствия в тексте информации определенного типа/содержания.

III. Выявление значения/формы выражения значения и отнесение их определенному классу.

IV. Установление степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста (семантическое сравнение речевых произведений).

Все перечисленные типы задач предполагают установление свойств и состояния продуктов речевой деятельности как объектов семантических экспертных исследований, т. е., исходя из теории судебной экспертизы, являются диагностическими, а также классификационно-диагностическими. Решение этих задач представляет собой «выделение и анализ признаков, используемых в целях диагностирования как выразителей свойств объекта» [Корухов, 2012: 86]. Например, в рамках семантических исследований может быть установлено свойство текста выражать определенное значение, являющееся юридически значимым (пропаганда взглядов, оправдание действий, угроза, побуждение и др.), состояние текста адекватно передавать содержание другого текста, и т. п.

Каждая из вышеперечисленных задач может выступать как в качестве конечной задачи, соотносимой с предметом доказывания, так и задачей вспомогательной, промежуточной (частной задачей, подзадачей), «разрешение которой является необходимым элементом для решения задачи конкретного экспертного исследования» [Словарь, 2007: 68]. Подавляющее число семантических исследований строится по иерархическому принципу, который определяется характером объекта, решаемой задачей, используемыми методами и пр. Например, задача, связанная с отнесением значения к определенному классу, включает ряд подчиненных промежуточных задач, подлежащих разрешению в ходе решения указанной задачи: выявление значения различных языковых (речевых) единиц, установление наличия/отсутствия в тексте информации определенного типа и др.

Переходим к рассмотрению задач вышеприведенной типологии.

2.1. Выявление значения (смысла) единиц различных уровней: слова, словосочетания, предложения (высказывания), текста

Данная задача является собственно диагностической и решается практически в каждой лингвистической экспертизе, при этом она в большинстве случаев является промежуточной, вспомогательной задачей: при решении задач других типов зачастую возникает потребность в выявлении значения (смысла) единиц различных уровней. Так, такая потребность имеет место при определении предмета речи, например, группы лиц, выделяемой по тому или иному признаку. Также зачастую для решения задач в экспертизах, объектом которых является диалогический текст, требуется на первоначальном этапе выявление его смыслового содержания.

В качестве конечной задачи выявление значения (смысла) единиц различных уровней (прежде всего слова, словосочетания, предложения) в основном выступает в экспертизах документных текстов. В экспертизах такого рода в задачи эксперта-лингвиста входит выявление того, что сказано в тексте, ха-

рактика всех возможных интерпретаций сказанного и, с опорой на лингвистическую методологию, либо установление единственно верного варианта толкования, либо фиксация допустимости вариативных толкований.

Как показывает экспертная практика, данная типичная задача семантических экспертных исследований конкретизируется рядом следующих задач:

- выявление значения слова/словосочетания;
- установление семантических отношений между словами/словосочетаниями;
- выявление значения предложения/высказывания;
- установление семантических отношений между частями синтаксической конструкции;
- выявление смыслового содержания текста (фрагмента текста);
- выявление информации о лице/организации/группе лиц/предмете в тексте.

2.2. Установление наличия/отсутствия в тексте информации определенного содержания

Данная задача связана с исследованием предметного содержания текста и оценочного компонента значения. Во многом она сходна с предыдущей задачей. Различаются же они тем, что рассматриваемая задача не ограничивается фиксацией содержащегося в объекте значения, а предполагает исследование выявленного значения с точки зрения его соответствия/несоответствия, с одной стороны, интересующей судебно-следственные органы информации, с другой стороны, информации, важной с точки зрения решения определенной экспертной задачи. В первом случае данная задача является конечной, самостоятельной, например, в экспертизах рекламных текстов, когда необходимо установить наличие/отсутствие в тексте информации, запрещенной законодательством о рекламе (сравнения товаров, основанного на несопоставимых критериях, или неполного сравнения товаров; о преимуществах рекламируемого товара перед находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами; указания на то, что объект рекламирования одобряется органами государственной власти или органами местного самоуправления либо их должностными лицами, и др.). Во втором случае данная задача является промежуточной (вспомогательной). Например, в экспертизах по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, для решения задач, связанных с установлением наличия/отсутствия в тексте «экстремистского» значения, необходимо установить, содержится ли в тексте информация о группах лиц, выделяемых по определенному признаку, о насильственных, дискриминационных, разрушительных действиях, о лице, замещающем государственную должность, выражена ли оценка определенного типа и т. п.

2.3. Выявление значения/формы выражения значения и отнесение их к определенному классу

Данная задача является классификационно-диагностической, поскольку предполагает установление характеристик (свойств) объекта для отнесения его к общепринятому классу. В судебной лингвистической семантической экспертизе такие задачи связаны с отнесением установленного в процессе исследования значения или формы к определенному классу юридически значимых языковых форм или значений.

Данный тип задач семантической экспертизы относится к конечным, автономным задачам. Их решение завершается установлением факта, ближе стоящего к предмету доказывания, чем решение промежуточных задач, например, связанных с выявлением значения высказывания или содержащейся в нем негативной оценки, поскольку предполагает установление путем применения специальных знаний языковых феноменов, которые лежат в основе коммуникативных/речевых действий, соотносимых с определенными аспектами объективной стороны так называемых «речевых» преступлений и правонарушений [Смирнова, Секераж, Кузнецов, 2017: 9] (например, оскорбления, клеветы, пропаганды исключительности, превосходства, неполноценности групп, призыва к экстремистским действиям и т. п.). К таким языковым феноменам относятся упоминаемые выше юридически значимые языковые формы и значения: неприличная форма, утверждение о фактах и событиях, мнение, предположение, побуждение к действиям, оправдание действий, пропаганда взглядов, унижение человеческого достоинства и т. п. Данные понятия буквально пронизывают все законодательство, связанное с «речевыми» преступлениями и правонарушениями, повторяются в правовых нормах. В зависимости от категории дела в задачи эксперта-лингвиста (а в ряде случаев и эксперта-психолога) входит установление того или иного языкового феномена или их комплекса.

Многие из приведенных категорий уже описаны как экспертные понятия через набор составляющих их лингвистических и психологических диагностических признаков в пособиях, утвержденных и рекомендованных к применению в СЭУ Минюста России:

- в пособиях О. В. Кукушкиной, Ю. А. Сафоновой и Т. Н. Секераж, посвященных психолого-лингвистической экспертизе по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму ([Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2011, 2014]), описаны диагностические комплексы семи типов «экстремистских» значений, описанных в законодательстве: пропаганды взглядов, побуждения (в том числе в форме призыва), угрозы, обвинения, оправдания, унижения, возбуждения вражды, ненависти;

- в пособии Т. М. Изотовой, В. О. Кузнецова и А. М. Плотниковой ([Изотова, Кузнецов, Плотникова, 2016]) описаны диагностические комплексы «унизительная оценка лица» (данное значение соотносится с унижением) и «неприличная форма выражения».

Лингвистические части из диагностических комплексов указанных категорий (прежде всего «побуждение», «угроза»), которые приведены в [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014], могут быть использованы при проведении судебных лингвистических экспертиз по другим категориям дел, поскольку в целом их сущность не меняется.

Диагностические комплексы остальных языковых феноменов описаны ниже, в разделе, посвященном методикам проведения семантических исследований в судебной лингвистической экспертизе (см. п. 4.3 настоящего пособия).

2.4. Установление степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста (семантическое сравнение речевых произведений)

Данная задача является диагностической, в большинстве случаев конечной, автономной. Этот тип задач возникает при необходимости сравнения как минимум двух текстов с целью определения того, искажает ли один текст смысл другого текста, и установления характера искажений.

Особую значимость решение данных задач приобрело в последнее время при производстве судебных лингвистических экспертиз в рамках расследования дел, связанных с противодействием экстремизму и терроризму. Это связано с тем, что различные материалы, уже внесенные в Федеральный список экстремистских материалов, воспроизводятся вновь путем трансформации (например, изменяется название материала, производится сокращение текста, изменение лексического наполнения путем синонимических замен и т. п.). Н. С. Бельская для обозначения таких текстов использует термин «клоны», под которыми понимает тексты, «обработанные и преднамеренно искаженные с тем, чтобы привести искусственно созданные отличия, не направленные на реальное различие данных текстов при восприятии» [Бельская, 2014: 5].

Данная задача также актуальна при исследовании текстов на предмет плагиата, текстов официально-деловых документов (например, созданных в одну и ту же дату протоколов), текстов, фиксирующих устную речь в письменном виде и др. В отличие от текстов-клонов, в указанных случаях вторичные тексты создаются с целью различения первичного и вторичного текста при восприятии.

Во всех этих случаях эксперт сталкивается с необходимостью исследования как первичных, так и вторичных текстов. В лингвистической экспертизе вторичный текст рассматривается в широком понимании, т. е. как любой текст, который возник на основе другого. Как отмечает Л. Ю. Левкова, в таком понимании к вторичным текстам относятся почти все тексты, которые опираются или созданы на основе другого текста, а также отсылают к источнику. Если рассматривать «вторичные тексты» в широком понимании этого термина, то возникает проблема дифференциации вторичных текстов от текстов первичных. Это можно объяснить тем, что одной из особенностей всех текстов (в том числе и вторичных) является их индивидуальность и неповторимость, поэтому создание вторичного текста на основе исходного – это не только сохранение первичного текста в сжатой форме, но и образование нового текста, так как происходит перекодировка полученной информации [Левкова, 2010: 25].

Как показывает экспертная практика, данная типичная задача семантических экспертных исследований конкретизируется рядом следующих задач:

- выявление совпадений и различий в текстах;
- установление характера совпадений;
- выявление наличия/отсутствия искажений при пересказе высказывания/фрагмента текста/текста;
- установление соблюдения/несоблюдения правил цитирования при цитировании высказывания/фрагмента текста/текста.

Часть 3

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

В настоящее время в теории судебной экспертизы укрепилась точка зрения, согласно которой «экспертиза – разновидность практической деятельности, опирающейся на науку, но не являющейся научным исследованием» [Аверьянова, 2006: 234]. Как практическая деятельность экспертиза понимается и в специальной литературе: «Экспертное исследование, безусловно, является в какой-то мере процессом творческим. Но в отличие от научного мышления элемент творчества проявляется в меньшей степени, поскольку оно более “алгоритмизировано”, но не в силу неспособности сведущего лица к научному мышлению, а как гарантия обеспечения достоверности и обоснованности экспертного заключения» [Трапезникова, 2004: 129]. Экспертиза как разновидность практической деятельности использует положения ряда наук, но, в отличие от научного исследования, «эти положения, научные методы и средства используются в деятельности судебных экспертов и экспертных учреждений не для открытия новых законов и закономерностей природы и общества, не для установления научных фактов, не для создания теории и проверки научных гипотез, а для решения практических задач по установлению истины по гражданскому или уголовному делу либо по делу об административном правонарушении» [Судебно-экспертная деятельность, 2017: 111].

Методология судебной экспертизы как разновидности практической деятельности отличается от методологии научного исследования: «Методология судебно-экспертной деятельности представляет собой учение о структуре, логической организации, методах и средствах этой деятельности и включает в качестве необходимых элементов методы и методики судебной экспертизы» [там же].

В «Словаре основных терминов судебных экспертиз» дается следующее определение метода экспертизы: «Метод экспертизы – система логических и (или) инструментальных операций (способов, приемов) получения данных для решения вопроса, поставленного перед экспертом» [Словарь основных терминов судебных экспертиз, 1980: 43]. Как видно из приведенного определения, метод в судебной экспертизе в отличие от метода в других областях знания связан с решением экспертной задачи. Этим обусловлено и наличие, помимо критериев оценки метода, общих для научного исследования и практической деятельности, такого специфического критерия, как допустимость метода, играющего в судебной экспертизе особую роль.

Общими принципами допустимости использования метода в экспертном исследовании являются законность, этичность, научная обоснованность, эф-

фактивность, безопасность метода, надежность, точность, наглядность, доступность результатов, возможность их проверки в заданных условиях, воспроизводимость экспертизы и др. [Основы судебной экспертизы, 1997: 245; Судебно-экспертная деятельность, 2017: 112–114].

Исходя из перечисленных принципов, применяемые в судебной экспертизе методы должны отвечать специфическим требованиям, предъявляемым к решению экспертных задач:

- применяемые методы исследования не должны вести к порче или существенному изменению вещественных доказательств;
- рекомендуемые для экспертной практики методы должны быть научно обоснованы и экспериментально апробированы;
- результаты применения методов должны быть очевидны и наглядны для всех участников уголовного (гражданского, арбитражного, административного) процесса;
- применение методов в процессе экспертизы не должны ущемлять законные интересы и права граждан, унижать их честь и достоинство [Винберг, Шляхов, 1997].

Указанным требованиям должны в полной мере соответствовать и методы, применяемые в семантических исследованиях в лингвистической экспертизе.

Важным является вопрос об источниках формирования экспертных методов, в частности методов, применяемых при проведении семантических исследований. В теории судебной экспертизы в качестве таких источников выделяются следующие:

- область научного знания, являющаяся базовой при производстве экспертизы;
- экспертная практика;
- специфика конкретного объекта, представляемого на экспертизу;
- особенности конкретной экспертной задачи [Основы судебной экспертизы, 1997: 246].

История развития судебной лингвистической (в частности, семантической) экспертизы свидетельствует о невозможности выделить какой-либо один из приведенных источников формирования экспертных методов. Так, до появления методик проведения лингвистической экспертизы источником формирования методов была экспертная практика, а также конкретные объекты и экспертные задачи. В первых лингвистических экспертизах экспертами приводились целые списки методов, построенные на разных основаниях и затрагивающие разные уровни и аспекты анализа языковых единиц (например, лексический анализ, морфологический анализ, семантический анализ, синтаксический анализ, грамматический анализ, стилистический анализ, лексико-семантический анализ, семантико-синтаксический анализ, лексико-сти-

листический анализ). Появление экспертных методик и очерчивание круга экспертных задач обусловили конкретизацию области научного знания, являющейся базовой при производстве экспертизы, в связи с чем выступающей в качестве источника формирования экспертных методов. В настоящее время, исходя из экспертных задач, решаемых в рамках семантических экспертных исследований, такой областью научных знаний является лингвистическая семантика.

О. В. Кукушкина, опираясь на положения теории судебной экспертизы о том, что в структуре экспертного метода необходимы три элемента – обосновывающая, операционная и техническая части¹, – отмечает, что в семантических исследованиях обосновывающей частью, т. е. научной базой, является лингвистическая семантика. В качестве ожидаемого результата выступает установление наличия/отсутствия смысловых компонентов, важных для решения вопроса. Операционная часть заключается в следующем: (а) производится семантическая декомпозиция содержания высказывания, то есть разбиение его на семантические компоненты определенного типа; (б) затем устанавливается то конкретное значение, которое имеют выделенные компоненты; (в) установленное значение эксплицируется, т. е. вербализуется при помощи синонимического перифразирования, и предъявляется. Техническую часть составляют прежде всего простые и электронные базы данных и знаний, в качестве которых выступают словари, грамматики, корпуса текстов, справочники и др. На основе сложения всех трех составляющих О. В. Кукушкина предлагает следующее определение общего метода проведения лингвистических экспертиз семантического типа: «Метод исследования заключается в экспликации смысловых компонентов, важных для решения вопроса (=результат, данные для решения вопроса), путем семантической декомпозиции и синонимического перифразирования смысла сообщения (=операционная часть) на основе его лингвистического анализа (=научная база)» [Кукушкина, 2016: 124].

В приведенном определении указываются 2 метода анализа – семантическая декомпозиция и синонимическое перифразирование, которые относятся к методам лингвистической семантики, т. е. к частнонаучным методам. Согласно теории судебной экспертизы, помимо методов этого класса в судебной экспертизе также применяются методы других классов – всеобщий метод познания, общенаучные методы исследования и специальные методы исследования.

¹ В обосновывающей части содержится изложение научной базы, на которой создан метод, и представление о результате его применения. В операционную часть входят действия, операции и приемы осуществления метода. Техническая часть включает различные материальные средства и приборы, которые позволяют реализовать метод [Основы судебной экспертизы 1997: 246].

Прежде чем перейти к рассмотрению классов методов экспертного исследования применительно к семантическим экспертным исследованиям, необходимо кратко остановиться на втором необходимом элементе методологии судебно-экспертной деятельности – экспертной методике. Под ней понимается «программа действий эксперта, основанная на системе научно обоснованных методов, приемов и средств, применяемых для изучения свойств объектов судебной экспертизы, используемая для установления фактов, относящихся к предмету определенного рода, вида и подвида судебной экспертизы, решения экспертной задачи» [Смирнова, Омельянюк, Микляева, 2012: 184]. В настоящее время в системе СЭУ Минюста России методики лингвистической экспертизы только начинают появляться. Однако их создание уже позволило расширить объем представляемых следствию и суду фактических данных, повысило научный уровень и полноту решения экспертных задач.

3.1. Всеобщий метод познания и общенаучные методы исследования в лингвистической экспертизе

3.1.1. Всеобщий метод познания

Л. Г. Эджубов, рассматривая всеобщий метод познания, отмечает: «К этому классу относятся методы, которые имеют всеобщий характер, т. е. определяют уровень познания, относящийся к любым проявлениям действительности, следовательно, и к любым видам исследования» [Эджубов, 2012а: 191].

Всеобщий метод познания включает в себя три основных элемента:

- материалистический подход;
- диалектический подход;
- логика.

Первые две категории связаны с таким направлением философии, как диалектический материализм, согласно которому материальность мира интегрируется с принципом его постоянного диалектического изменения. Третий элемент – логика – определяет всеобщие законы мышления.

Всеобщий метод познания является базовым, «т. е. таким, на котором основаны и из которого вытекают все другие методы, применяемые для изучения и овладения предметом науки, изучения конкретных объектов познания – отдельных фактов и явлений объективной действительности» [Судебно-экспертная деятельность, 2017: 116]. Он включает в себя такие формально-логические операции познания, как анализ, синтез, сравнение, обобщение, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, абстрагирование и др. Эти формально-логические операции, являясь элементами всеобщего метода, не обращены непосредственно к материальной действительности. Перечисленные методы познания широко применяются в экспертизах всех родов и

видов, в том числе семантических, на основных стадиях исследования. Так, в ходе подготовительной стадии исследования эксперт изучает обстоятельства дела и вопросы, т. е. производит анализ. На основании такого изучения эксперт строит экспертные версии и вырабатывает план исследования, т. е. имеет место синтез полученных экспертом при анализе знаний. На аналитической и сравнительной стадиях исследования как методы познания применяются и анализ, и синтез.

Относительно всех этих категорий Л. Г. Эджубов замечает, что они очевидны для большинства исследователей, используются ими на интуитивном уровне, обычно воспринимаются как само собой разумеющееся [Эджубов, 2012а: 67].

3.1.2. Общенаучные методы исследования

Как известно, к общенаучным относятся методы, которые используются в подавляющем большинстве наук. Т. В. Аверьянова особенно выделяет общенаучные методы в экспертных исследованиях, поскольку, по ее мнению, они «выполняют не только познавательную, но и организующую роль. Они – ядро экспертной методики, определяющее содержание организации процесса экспертного исследования. В рамках экспертной методики эти методы могут применяться в чистом или комбинированном виде, с использованием тех или иных технических средств или без такового» [Аверьянова, 2006: 253].

Традиционно к числу общенаучных методов экспертного исследования относят наблюдение, описание, сравнение, измерение, эксперимент, моделирование. Остановимся на их содержании и использовании в экспертных семантических исследованиях.

Наблюдение. Этот метод является одним из наиболее широко распространенных методов в экспертной практике. Как в науке в целом, так и в теории судебной экспертизы этот метод заключается в восприятии объекта с целью его изучения для решения определенной задачи. При этом в судебной экспертизе наблюдение не является простым восприятием, созерцанием объектов, а оно рационально обусловлено, является избирательным, направленным только на существенное с точки зрения экспертной задачи. В теории судебной экспертизы исходя из условий применения этого метода различают простое и квалифицированное, непосредственное и опосредованное наблюдение¹.

¹ Простое наблюдение предполагает восприятие объектов без применения специальных средств, а квалифицированное осуществляется только с помощью таких средств [Белкин 1966: 146]. Непосредственное наблюдение осуществляется экспертом лично, без промежуточных звеньев, опосредованное же наблюдение происходит при недоступности объектов для непосредственного восприятия, в таких случаях информация о наблюдаемом объекте эксперт получает из других источников, например, из протоколов следственных действий [Судебно-экспертная деятельность 2017: 117].

Наблюдение применяется и при проведении семантических исследований. Причем этот метод используется экспертом в первую очередь. Так, эксперт с помощью простого наблюдения воспринимает объекты, представленные на бумажном носителе (публикация в газете, журнале, плакат, надписи на городских объектах и т. п.). Квалифицированное наблюдение имеет место при предоставлении объектов на электронных носителях информации (аудио-, видеоматериалы, сохраненные копии интернет-страниц и т. п.). В таких случаях эксперт-лингвист прибегает к использованию технических средств. В основном эксперт-лингвист осуществляет наблюдение непосредственно, т. е. лично, однако во многих случаях эксперт прибегает и к опосредованному наблюдению. Это зачастую имеет место при проведении экспертиз по делам об оскорблении, поскольку в таких случаях информацию об объекте исследования, а также о коммуникативной ситуации эксперт большей частью получает из протоколов следственных действий.

Описание. Метод наблюдения не может применяться в отрыве от такого метода, как описание, суть которого заключается в фиксации результатов наблюдения. Этот метод в теории судебной экспертизы рассматривается как указание признаков объекта, выражение посредством этих признаков его образа: «любое описание в конечном счете представляет собой выражение идеального образа объекта, сформировавшегося в сознании субъекта описания» [Аверьянова, 2006: 260].

Такое указание признаков объекта используется в том числе при проведении семантических исследований. О. В. Кукушкина, ссылаясь на методическое пособие «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму», отмечает, что в нем в качестве одного из важных методических принципов было выдвинуто положение о необходимости описания в лингвистических экспертизах, функцией которого является фиксация того, как понимается спорное высказывание и какие варианты понимания допускаются. Такое описание представляет собой своего рода «семантический протокол» – сделанную в свободной форме запись, «нормализующую» смысл сообщения, то есть эксплицирующую обязательные, но имплицитно выраженные элементы смысла. Его можно предъявлять, и оно создает объективную и устойчивую основу для анализа значения компонентов, выводов и их проверки. Только сравнив две зафиксированные интерпретации «понимания», можно понять, почему два эксперта могли прийти к противоположным выводам. Одна из главных причин неверных и противоположных выводов – это неполное или искаженное установление экспертом смысла сообщения [Кукушкина, 2016: 125–126].

Важным вопросом при описании объекта является проблема необходимого объема признаков, указываемых экспертом. Относительно этого Р. С. Бел-

кин писал: «при описании могут отмечаться все признаки объекта, существенные и несущественные, с целью дать наиболее полное представление об объекте; могут указываться не только некоторые, наиболее существенные с криминалистической точки зрения признаки» [Белкин, 1966: 165]. При проведении семантических исследований такое полное указание признаков объектов не во всех случаях необходимо, да и вряд ли возможно, поскольку в больших по объему объектах содержится огромное количество элементов смысла, однако только небольшая их часть будет важна для решения экспертной задачи. При составлении «семантического протокола» необходимо исходить из вопроса, поставленного на разрешение эксперта. Например, при решении экспертной задачи, связанной с выявлением лингвистических признаков побуждения (в форме призыва), целесообразно отразить в описании большей частью те компоненты семантической структуры высказывания, которые составляют значение «побуждение» (предмет речи – действия, которые необходимо совершить адресату, отношение – положительная оценка этих действий, речевая цель – побуждение). Вместе с тем при решении ряда экспертных задач фиксация всех признаков объектов, напротив, необходима. Это, прежде всего, задачи, связанные с установлением значения высказывания, смыслового содержания текста и некоторых других.

Сравнение. Метод сравнения занимает особое место среди общенаучных методов в экспертном исследовании, поскольку результаты сравнения являются основанием для экспертных выводов почти в каждой экспертизе: на сравнительной стадии исследования (название которой дал этот метод) эксперт сравнивает полученные результаты, после чего формирует вывод.

В семантических экспертных исследованиях этот метод прежде всего применяется при решении задач, связанных с выявлением значения и отнесением его к определенному классу, например, «угроза», «обвинение», «оправдание» и др. В таких случаях эксперт сопоставляет выявленные им на аналитической стадии исследования признаки диагностируемого объекта с отображением этих признаков на объекте диагностирующем, т. е. том или ином диагностическом комплексе. В ходе такого сопоставления экспертом выявляются совпадающие и различающиеся признаки, что служит основой для формирования вывода эксперта.

В некоторых видах семантических исследований метод сравнения является ключевым, организующим весь процесс исследования. Это относится к таким задачам, как установление сходства наименований до степени смешения, а также установление степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста. При решении указанных задач познание объектов с целью решения экспертной задачи происходит только при сопоставлении этих объектов. В таком случае имеет место понимание метода сравнения «как одновременного исследования двух или более объектов по общим для них

признакам» [Аверьянова, 2006: 263]. Эксперт с помощью метода сравнения изучает объект, устанавливая сходства и различия с другим объектом. При этом сходства и различия устанавливаются путем сравнения тех признаков и свойств объектов экспертизы, которые необходимы для решения экспертной задачи. Например, при установлении сходства наименований до степени смешения сравниваются графические, фонетические и семантические свойства объектов.

Эксперимент. В теории судебной экспертизы эксперимент рассматривается как «метод познания, основанный на постановке научного опыта с целью проверки гипотезы, воспроизведения определенных явлений или событий, определения связи с другими явлениями и пр.» [Эджубов, 2012г: 416]. Такой научный опыт заключается в «создании искусственных условий или использования естественных условий для выявления соответствующих свойств, характеристик и других особенностей объекта» [Судебно-экспертная деятельность, 2017: 119]. Нередко при проведении семантических исследований эксперт-лингвист прибегает к такому созданию условий, прежде всего с целью выявления семантических свойств объекта. О. В. Кукушкина в связи с этим отмечает: «Язык – постоянно изменяющаяся и развивающаяся система, и одними словарями, которые не могут успеть за жизнью и не обязаны фиксировать все важные для эксперта аспекты значения, обойтись нельзя. Поэтому эксперту-лингвисту приходится выходить за пределы анализируемого текста и дополнительно исследовать многообразный и меняющийся узус. В качестве главного инструмента здесь используется материал корпусов текстов и результатов поисковых запросов Интернета. Практически, при этом имеет место такой экспериментальный метод, как работа со случайной выборкой» [Кукушкина, 2016: 126].

Использование корпусных технологий в лингвистической экспертизе в настоящее время позволяет решать следующие основные задачи:

- построение толкования (семантической экспликации) и определение значения слова и свободного словосочетания;
- уточнение словарного толкования;
- оценка употребительности слова или словосочетания в определенном значении в современном русском языке;
- оценка наличия/отсутствия в плане содержания слова тех или иных смысловых компонентов;
- раскрытие эллипсиса [Баранов, 2007: 479].

В настоящее время чаще всего для проведения лингвистической экспертизы используются «Национальный корпус русского языка» и корпусы текстов русскоязычного Интернета. Как отмечает А. Н. Баранов, по сути, это динамический гипертекст, находящийся в состоянии постоянного изменения. Использование его оказывается довольно продуктивным при проведении линг-

вистических экспертиз. При этом необходимо учитывать проблему, связанную с достижением, точнее обоснованием репрезентативности информации. Известно, что поисковые машины специальным образом организуют информацию, ориентируясь как на существующие заказы от держателей и пользователей сайтов, так и на принципы собственной информационной политики. В первом случае при запросе пользователя на те или иные слова он в качестве первых ссылок получает те ссылки, которые были «заказаны». Во втором случае могут игнорироваться целые группы тематических сайтов. Поскольку информационная политика поисковых сайтов представляет коммерческую тайну, обосновать репрезентативность выборки довольно трудно. При этом для многих задач лингвистической экспертизы факторы «информационного заказа» и «информационной политики» являются внешними. Кроме того, сравнение результатов поиска по разным поисковым машинам (например, на сайтах Google и Yandex) может помочь скорректировать информационные искажения [там же: 483].

Моделирование. В теории судебной экспертизы традиционно метод моделирования понимается как «создание модели изучаемого объекта с целью проведения исследования не на анализируемом объекте, а на его аналоге» [Эджубов, 2012в: 197]. В свою очередь, под моделью понимается «такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [Штофф, 1966: 19]. Таким образом, традиционно в судебной экспертизе моделирование связано с исследуемым объектом, а именно с созданием и исследованием аналога исследуемого объекта, т. е. оригинала.

Напротив, при проведении семантических исследований эксперт прибегает к методу моделирования с целью создания своего рода сравнительного образца, т. е. объекта, с которым сравнивается исследуемый объект. Такая ситуация имеет место при решении диагностических задач, связанных с отнесением установленного значения к определенному классу. В этом случае диагностирующим объектом выступает мысленная (идеальная) модель определенного языкового феномена (диагностический комплекс/эталон того или иного значения или языковой формы, например, «угроза», «побуждение», «неприличная форма» и др.), с которой по аналогии сопоставляются признаки исследуемого (диагностируемого) объекта.

Наиболее обобщенной моделью значения как языкового феномена, используемой при проведении семантических экспертных исследований, является трехкомпонентная модель «предмет речи – отношение – речевая цель». Эта модель конкретизируется исходя из экспертной задачи. Например, при решении задачи, связанной с установлением в тексте значения «побуждение к действиям», эксперт может использовать диагностический комплекс «по-

буждение», являющийся конкретной мысленной моделью этого значения, состоящей из следующих компонентов:

- предмет речи: адресат/аудитория, предмет, на который направлено действия; описание действий, которые необходимо совершить адресату с этим предметом;
- отношение: положительная оценка описываемых действий;
- речевая цель: выражено побуждение адресата к совершению описываемых действий [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014: 61].

Своего рода мысленные (идеальные) модели разных языковых явлений широко представлены в научной литературе. Это различные типы речевых актов (работы Дж. Остина, Дж. Р. Серля, А. Н. Баранова и др.), речевых жанров (работы А. Вежицкой, Т. В. Шмелевой и др.), целеустановок (работы М. Г. Безяевой). Часть из рассмотренных в этих работах языковых явлений пересекается с так называемыми речевыми правонарушениями и преступлениями, представленными в кодексах (угроза, побуждение, требование и др.).

3.2. Частнонаучные методы семантических исследований в лингвистической экспертизе

3.2.1. Дефиниционный анализ (анализ словарного толкования)

Теоретический комментарий о сущности методики

Словарный метод представляет собой поиск зафиксированного в словаре толкования значения слова, сопоставимого с тем, в котором оно используется в анализируемом контексте. Существо словарного метода заключается в установлении и верификации значения слова, использованного в определенном контексте или в определенной коммуникативной ситуации. Использование словарного метода позволяет наглядно подтвердить результаты исследования, полученные путем применения специальных знаний лингвиста на этапе предварительного анализа.

Объекты, на которые направлена методика, – слово в контексте предложения; слово, произнесенное в определенной коммуникативной ситуации.

Словарный метод применяется в лингвистической экспертизе достаточно широко, в том числе используется для решения семантических задач, основными из которых являются следующие:

- установление значения слова, не ясного из контекста;
- экспликация контекстуально значимого аспекта значения слова;
- отнесение слова к определенному семантическому полю;
- установление оценочной составляющей значения;
- установление неузуального характера значения слова.

Наиболее распространенной в экспертной практике семантической задачей, для решения которой применяется словарный метод, является экспликация контекстуально значимого значения или аспекта значения слова. Использование словарного метода в таких случаях имеет много общего с методом синонимической перифразировки (см. п. 3.2.2), при этом преобразование слова с целью экспликации его контекстуального значения, сделанное с опорой на зафиксированные в словарях толкования, отличается большей степенью верифицируемости и воспроизводимости, чем самостоятельный подбор синонимов экспертом [Баранов, 2017: 23–24]. Однако, опираясь на словарь, эксперту следует помнить, что контекстуальное значение слова первично, и не подменять его анализ анализом соответствующей словарной статьи. См. ниже пример 1 (Установление контекстуального значения).

Необходимость в отнесении слова к определенному семантическому полю возникает, к примеру, при решении экспертных задач по делам о преступлениях в сексуальной сфере (педофилия, организация занятия проституцией), а также по делам о коррупции. Это те случаи, в которых эксперту необходимо установить наличие в тексте предметов речи, относящихся, например, к темам «секс» или «деньги», а также инициатора темы в диалоге. См. ниже пример 2 (Отнесение слова к семантическому полю).

При решении задачи по обнаружению в тексте негативной информации изучение помет, содержащихся в словарных статьях, позволяет эксплицировать оценочный компонент значения слов в текстах, содержание которых само по себе может представляться эксперту нейтральным (в том числе в тех случаях, когда из самого текста невозможно установить, являются ли события или действия, о которых в нем сообщается, противоправными, аморальными, неэтичными и т. п.). См. ниже пример 3 (Установление оценочного компонента значения).

Использовать словарный метод для установления значения слова, не ясного из контекста, необходимо в тех случаях, когда слово незнакомо эксперту, представляется ему редким, относится к необщеупотребительной лексике (жаргонизмам, диалектизмам и т. д.), является сложным для понимания большинством носителей языка, или же ни в одном из своих общеизвестных, общеупотребимых значений не соответствует окружающему контексту в анализируемом употреблении. При обнаружении соответствующего контексту значения слова в словарях его следует внести в исследование для прояснения смысла контекста. В случае же отрицательного результата поиска значения слова в словарях эксперт может установить неузуальный характер слова или его значения как признак скрытой коммуникации, однако для этого следует предварительно попытаться установить незафиксированное в словарях значение спорного слова, используя метод корпусного анализа (см. п. 3.2.9 настоящего пособия).

Алгоритм использования метода в экспертной практике

- Установление контекстуального значения слова путем выявления сем, выраженных в окружающем исследуемое слово тексте.
- Верификация значения слова в нескольких словарях путем сопоставления установленного контекстуального значения со словарным толкованием.
- Анализ исследуемого текста с опорой на верифицированное словарными толкованиями контекстуальное значение слова.
- Отнесение слова в верифицированном контекстуальном значении к определенному семантическому полю при помощи выявления содержащихся в словарном толковании сем.
- Анализ имеющихся в словарной статье помет, отражающих оценочный компонент значения¹.

Примеры анализа

Пример 1. Установление контекстуального значения

Я не допустил К. к участию в соревновании, потому что он был одет как бродяга.

Допустимо:

В выражении «одет как бродяга» слово «бродяга» используется в следующем значении:

БРОДЯГА – 1. Обнищавший человек без постоянного места жительства и определенных занятий [Большой толковый словарь русского языка, 2006: 97].

Данное значение вписывается в семантику предложения в целом, занимая в нем позицию аргумента, использующегося говорящим для обоснования небенефактивных действий в отношении К. Таким образом, в выражении «одет как бродяга» выражена негативная оценка внешнего вида К. (как несоответствующего ситуации, требованиям общества) за счет сравнения с внешним видом представителя маргинальной прослойки общества, человека, выпавшего из привычной социальной группы (обнищавшего, лишившегося места жительства, работы).

Недопустимо:

В выражении «одет как бродяга» слово «бродяга» используется в одном из следующих значений:

БРОДЯГА – 1. Обнищавший человек без постоянного места жительства и определенных занятий. 2. Разг. О том, кто любит странствовать, менять место жительства, работы. / О том, кто часто и надолго отлучается из дома, кто возвратился домой после длительной отлучки (о человеке или животном). 3. Разг. О том, кто вызывает удивление, восхищение своим проворством, изворотли-

¹ Два последних пункта касаются алгоритма решения соответствующих специфических задач, т. е. не являются типовыми и используются в соответствующих случаях.

востью. Бродяжий, Б-ья жизнь. Б. дух (любовь к странствиям, к свободной, беззаботной жизни). По-бродяжьи, нареч. Ночевал по-бродяжьи: под открытым небом [Большой толковый словарь русского языка, 2006: 97].

Приведенные значения слова «бродяга» в целом имеют положительный оценочный компонент – «восхищение» человеком, который «любит странствовать», для которого характерна «любовь к свободной жизни». Таким образом, в выражении «одет как бродяга» не содержится негативной оценки К.

Пример 2. Отнесение слова к семантическому полю

Кто бы вам ни нравился, блондинки, брюнетки или рыжие, вы найдете их в нашем массажном салоне.

НРАВИТЬСЯ – 2. Вызывать интерес, влечение у лиц другого пола [Большой толковый словарь русского языка, 2006: 658–659].

Слово в данном значении относится к семантическому полю «секс (отношения полов)», поскольку имеет в своем составе семы «влечение» и «пол / половая принадлежность лица» и вписывается в семантику предложения в целом, в котором идет речь о характеристиках внешности лиц, выделенных по половому признаку (блондинки, брюнетки, рыжие – женщины).

Ты же понимаешь, что за спасибо никто ничего делать не станет.

ЗА (ОДНО) СПАСИБО (сделать что-н.) (разг.) – Бесплатно, не получив никакой выгоды [Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов, 2008: 926].

Устойчивое выражение в данном значении относится к семантическому полю «деньги», поскольку имеет в своем составе сему «плата» и вписывается в семантику предложения в целом, в котором идет речь о вознаграждении за совершение действий.

Пример 3. Установление оценочного компонента значения

Председателем правления дочерней компании оказался небезызвестный господин Н. – один из так называемых олигархов.

НЕБЕЗЫЗВЕСТНЫЙ – (обычно ирон.). Достаточно, хорошо известный [Ожегов и Шведова, 2003: 400].

ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ – 2. Пренебр. Употребляется для выражения иронического или презрительного отношения к кому-либо или к чему-либо, имеющему какое-нибудь название [Федоров, 2008: 391–392].

Таким образом, в тексте при помощи слова «небезызвестный» и фразеологизма «так называемый» выражено негативное отношение автора к сообщаемой информации об Н.

3.2.2. Экспликация содержания (синонимическое перифразирование, смысловая нормализация)

Экспликация содержания – это метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, состоящая в замене слова (словосочетания, предложения) синонимичным.

Объекты, на которые направлена методика, – слово, словосочетание и предложение.

Теоретический комментарий о сущности метода

Синонимическое перифразирование активно применяется для семантического анализа и представляет собой замену одного слова или предложения другим, синонимичным ему, но с иным лексическим составом [Москвин, 2017: 138–139]. Например, Ю. Д. Апресян предлагает для глагола *жаловаться* в особом медицинском употреблении (сообщать врачу о симптомах возможного заболевания) перифразирование с помощью конверсивного глагола *беспокоить*: *На что вы жалуетесь? = Что вас беспокоит?* [Апресян, 1995: 323]. По А. Н. Баранову, «семантический анализ слова заключается в представлении плана содержания слова на одном из семантических метаязыков, позволяющих более эксплицитно передать его значение и описать системные отношения с другими словами, связанными с ним отношениями (квази)синонимии, антонимии, части и целого, рода и вида и т. п.» [Баранов, 2007: 300]. При этом А. Н. Баранов отмечает, что «рамки лингвистической экспертизы текста существенно ограничивают возможности использования формализованных семантических метаязыков» [там же]. Прагматические причины этого очевидны: текст экспертного заключения должен быть понятен всем участникам судебного разбирательства.

При экспликации содержания сказанного стоит помнить о тех принципах, которые предъявляет Ю. Д. Апресян к толкованиям значения: 1) нетавтологичность; 2) необходимость и достаточность; 3) ступенчатость; 4) эксплицитность [Апресян, 1995].

«Нетавтологичность» означает, что толкуемое значение должно определяться через более простые значения и тем самым в конечном счете сводиться к небольшому набору элементарных (неопределяемых) значений – слов семантического языка, что позволяет избегать тавтологического круга в толкованиях. «Необходимость и достаточность» означает, что определяющие значения должны быть необходимы и достаточны для определяемого значения, то есть должны быть перечислены все семантические компоненты толкуемого слова, и только они. Требование ступенчатости означает, что толкуемая единица должна быть представлена в виде возможно более крупных семантических блоков. Если достаточно сложное лексическое значение сразу сведено к примитивам, оно, при всей своей точности, может стать практически неузнаваемым. Тре-

бование эксплицитности означает, что толкование должно непосредственно содержать все семантические компоненты, с которыми взаимодействуют значения других лексических и грамматических единиц высказывания [Апресян, 1995].

Авторы методики (О. В. Кукушкина, А. А. Коростелева, Ю. В. Зайцева и др.), обращаясь к анализу устной речи, пишут о том, что в ходе пересказа эксперт должен обязательно произвести смысловую нормализацию устного текста, то есть (а) найти эксплицитное выражение для всех тех компонентов смысла, которые имплицитно выражены в тексте диалога; (б) описать одинаковые компоненты по возможности единообразно. Чтобы адекватно произвести смысловую нормализацию реплик, эксперт должен хорошо представлять себе семантическое устройство высказывания, а также в полной мере учитывать возможность неоднозначной интерпретации. В их работе отмечается: «В ходе пересказа реплик создается описание следующего типа: *X сказал/спросил/попросил/возразил/ответил/приказал/согласился...* {целеустановка}, *что (чтобы)* {содержание реплики}... Если в тексте прямо не сказано “я приказываю тебе, требую” и т. п., то правильнее передавать ее как можно более нейтрально (*сказал, спросил, сообщил* и т. п.)» [Отчет, 2008: 32].

Сказанное позволяет ввести важное для экспертной практики требование безоценочного характера экспликаций. При этом содержание сказанного дополняется анализом коннотаций (в том числе стилистических) и модальных смыслов предложения. Анализ содержания сказанного невозможен без привлечения элементов контекстологического анализа и семантической декомпозиции, о которых речь пойдет ниже. В результате проведенного анализа установленное значение эксплицируется, то есть вербализуется при помощи синонимического перифразирования и предъясняется в тексте экспертного исследования.

Алгоритм использования метода в экспертной практике

- Определить, какое понятие или какая референтная ситуация стоит за значением слова, словосочетания, предложения.
- С опорой на данные толковых и синонимических словарей найти языковые средства для выражения всех необходимых компонентов смысла.
- Сформулировать значение сказанного, отразив в экспликации все необходимые смыслы.

Примеры анализа

1. Каково значение высказывания *З. была уволена в апреле 2010 г. за некомпетентность на фоне прогрессирующего амбиционизма?*

В высказывании сообщается информация о том, что З. в апреле 2010 г. была освобождена от работы по инициативе работодателя, причиной уволь-

нения явилась ее «некомпетентность», то есть отсутствие необходимых для выполнения профессиональных обязанностей знаний и наличие личных качеств, которое обозначены при помощи словосочетания «прогрессирующий амбиционизм».

Смысловая связь слова «некомпетентность» и словосочетания «прогрессирующий амбиционизм» создается использованием производного предлога «на фоне»: «В окружении кого-, чего-либо, при сопутствующих условиях» [Большой толковый словарь русского языка, 2006: 1428].

Словосочетание *прогрессирующий амбиционизм* включает неузуальное слово *амбиционизм* (см.: в толковых словарях зафиксированы «амбиция» и «амбициозность»). Слово *амбиционизм* с учетом словообразовательной модели и значения является синонимом зафиксированного в словарях слова *амбициозность*, которое реализует следующее значение: «Чрезмерное проявление чувства собственного достоинства, обостренное самолюбие; необоснованные претензии на что-либо».

По данным Русской грамматики, существительные с суффиксом *-изм* называют общественно-политические и научные направления, системы, качества, склонности, связанные с тем, что названо мотивирующим словом [Русская грамматика, 1980, т. 2, § 355: 193]. Определение *прогрессирующий* означает «усиливающийся, увеличивающийся, возрастающий». Это параметрическое слово, которое, будучи употребленным по отношению к социальному качеству человека, выражает оценочное значение. Словосочетание *на фоне прогрессирующего амбиционизма* построено по модели конструкций, называющих заболевания человека, например, *на фоне алкоголизма, на фоне прогрессирующего атеросклероза*. Как дополнительная причина увольнения З. назван «прогрессирующий амбиционизм». Это качество рассматривается говорящим как сопоставимое с болезнью.

Итак, в высказывании сообщается информация о причинах, по которым работодатель в апреле 2010 г. освободил З. от занимаемой ею должности, такой причиной стала ее «некомпетентность», которой сопутствовало ее отрицательно оцениваемое личное качество, уподобляемое болезни, – чрезмерно обостренное самолюбие.

2. Каково значение высказывания *Приходил Вова. Его там все знают как облупленного, он пришел там, пятьсот всадил и ушел, короче, там еще с одним, с каким-то там?*

В высказывании, помещенном в диалог, предметом речи в котором являются игровые автоматы, сообщается, что приходил человек по имени *Вова*, который *там* (в некоем месте, известном собеседникам) всем известен очень хорошо. *Вова* совершил действие, обозначенное как *пятьсот всадил*, и покинул это место с другим человеком, неизвестным говорящему.

Для уточнения значения словосочетания *пятьсот всадил* необходимо проанализировать глагол «всадить»:

«ВСАДИТЬ. *что*. 1. *в кого-что*. С силой воткнуть; вонзить. *В. топор в дерево. В. лопату в землю. В. нож в спину (также: разг.; убить таким способом)*. 2. *Разг. в кого-что*. С силой бросив, ударив, выстрелив, попасть. *В. мяч в ворота противника. В. пулю в мишень*. 3. *во что*. *Разг.* Употребить, затратить в большом количестве (обычно без пользы, ожидаемого результата). *В. все деньги в убыточное предприятие*» [Большой толковый словарь русского языка, 2006: 158].

Приведенные толкования показывают, что для актуализации значений 1 и 2 глагола *всадить* необходимо, чтобы в позиции прямого дополнения находилось существительное с конкретно-предметным значением (например, слова *топор, лопата, нож, мяч, пуля*, указанные в словарях в зоне речений). В исследуемом контексте позицию прямого дополнения занимает числительное *пятьсот* с нулевой валентностью (говорящий указывает количество объекта, не называя сам объект). Отсутствие в исследуемом контексте существительных с предметным значением позволяет предположить, что глагол *всадить* реализует третье значение. Учитывая, что типичным для данного значения глагола является наличие объектного актанта, обозначающего деньги, можно сделать вывод, что словом *пятьсот* говорящий, вероятно, называет некую денежную сумму. Следовательно, значение высказывания: *Приходил Вова в место, известное говорящим. Его в этом месте все хорошо знают. Он пришел, потратил пятьсот и ушел с неизвестным говорящему лицом*.

3.2.3. Семантическая декомпозиция

Семантическая декомпозиция – это метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, состоящая в разложении значения на составляющие с целью эксплицитного представления значения языковых единиц. Исходной теоретической предпосылкой семантической декомпозиции является мысль о том, что все значения, кроме тех, что совпадают с элементарными понятиями, состоят из компонентов, связанных зависимостями.

Объекты, на которые направлена методика, – слово и предложение.

А. Семантическая декомпозиция слова

Теоретический комментарий о сущности метода

Представление значения слова в виде набора семантических компонентов и разложение значения на простейшие составляющие восходит к идеям структурной лингвистики и связано с развитием оппозиционной методики.

Наиболее ярко и последовательно этот способ семантического описания реализовался в рамках подхода, называемого *компонентным анализом*. Первоначально предложенный американскими этнолингвистами для описания

терминов родства, компонентный анализ превратился из методики, «дававшей представление значения отдельно взятого слова в виде неупорядоченного набора однотипных минимальных компонентов, в метод анализа слова в типовом синтаксическом контексте, результаты которого представляются в виде разнообразных семантических метаязыков» [Кобозева, 2004: 120–121].

При различии в технологиях компонентного анализа его результатом является иерархия сем – минимальных, далее неразложимых компонентов. В семантической (семной) структуре слова выделяются архисема (категориальная сема), дифференциальные семы и потенциальные семы – скрытые элементарные смыслы, возможность выявления которых обеспечивается актуализацией слова в речи. Конкретные процедуры компонентного анализа не совпадают.

Можно согласиться с А. Н. Барановым, отмечая, что в том виде, в каком компонентный анализ существует в семантике как наука, в экспертной практике он не используется [Баранов, 2017: 121]. Компонентный анализ используется как вспомогательный метод, позволяющий уточнить значение слова, он связан с дефиниционным анализом и применяется для решения конкретной экспертной задачи.

Алгоритм использования метода в экспертной практике

- Определить значение слов/словосочетания с опорой на данные толковых словарей.
- Уточнить выявленные компоненты значения, применяя дефиниционный анализ, при необходимости – процедуру ступенчатой идентификации, оппозитивный метод, рассматривая системные связи слова и их влияние на лексическое значение.
- Охарактеризовать (если имеются) коннотативные компоненты значения (экспрессивные, эмоционально-оценочные, функционально-стилистические).

Примеры анализа

1. Какое значение имеет в русском языке слово *планирую*, использованное во фразе *Планирую открыть бесплатный кабинет юридической помощи населению*? Является ли слово «планировать» близким по значению к слову «обещать»?

Глагол *планировать* реализует в контексте предложения значение «иметь намерение сделать что-либо». Уточнение значения слова при помощи методики ступенчатой идентификации позволяет сопоставить значения этого слова и выделить повторяющиеся компоненты:

«НАМЕРЕНИЕ. Замысел, желание, предположение сделать, совершить что-л.» [Большой толковый словарь русского языка, 2006: 588].

«ЗАМЫСЕЛ. Задуманный план действий; намерение» [там же: 334].

«ПЛАН. Предположение, замысел, предусматривающий ход, развитие чего-л.» [там же: 837].

Выделенные в словарных толкованиях повторяющиеся лексические единицы указывают на то, что глагол обозначает интеллектуальное действие, связанное с осуществлением намерения, замысла в будущем.

Обращение к синонимическому ряду планировать, намереваться, предполагать, собираться позволяет соотнести семантику данного ряда с семантикой глагола обещать, который реализует другое значение:

«ОБЕЩАТЬ. Дать – давать какое-л. обещание, обязаться – обязываться сделать что-л.; поступить каким-л. образом» [там же: 667].

«ОБЕЩАНИЕ. Добровольное обязательство выполнить что-л.» [там же].

Глагол *обещаю* является перформативом, то есть словом, произнесение которого означает выполнение действия (произнося *обещаю*, говорящий дает обещание, принимает на себя обязательство). Глагол *планирую* не относится к перформативным, он выражает лишь сообщение о желании, намерении говорящего осуществить действие. Таким образом, глагол *планировать* и глагол *обещать* не являются синонимичными.

Используя глагол *планировать* в форме 1-го лица единственного числа (*планирую*), говорящий заявляет о своем желании выполнить намеченное им действие – открыть кабинет бесплатной юридической помощи.

2. Какое значение имеет глагол *уничтожить* в контексте *Передайте ей, что я уничтожу судьбу О-ву?*

Предложение *Передайте ей, что я уничтожу судьбу О-ву* с точки зрения его структурной организации состоит из двух частей: в первой содержится просьба говорящего передать информацию, во второй сообщается та информация, которая должна быть передана адресату. Во второй части предложения автор формулирует свои намерения, используя глагол *уничтожить*.

По данным словаря, глагол реализует следующее значение:

«УНИЧТОЖИТЬ. 1. Разрушая, убивая, истребляя и т. п., прекратить существование кого-, чего-л.» [там же: 1390].

Глагол *уничтожить* относится к лексико-семантической группе глаголов физического воздействия на объект, принадлежит к базовым глаголам этой группы и не содержит в своем значении признака «способ уничтожения», в отличие от других глаголов (например, *задушить*, *застрелить* и др.). В отношении глаголов, входящих в эту лексико-семантическую группу, *уничтожить* выступает как гипероним, то есть родовое слово.

Таким образом, используемый в анализируемом высказывании глагол *уничтожить* не называет способ осуществления действия (см. в словарном толковании: «разрушая, убивая, истребляя и т. п.») и может обозначать и физическое, и социальное воздействие на адресата речи.

Б. Семантическая декомпозиция предложения

Теоретический комментарий о сущности метода

Применительно к синтаксическим единицам декомпозиция используется как способ анализа пропозиционального содержания предложения и направлена на установление состава пропозиций и их структуры.

Основу пропозиции составляет предикат, который «открывает места» для участников обозначаемой предложением ситуации – актантов (аргументов). При декомпозиции устанавливается также тип пропозиции – событийная или логическая. С-пропозиции «портретируют» действительность – происходящие события и их участников. Л-пропозиции представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях. Например: *Он следует за ней неотступно* – С-пропозиция движения; *За творческим взлетом следуют усталость и разочарование* – Л-пропозиция временной соотнесенности [Шмелева, 1988: 10].

При анализе пропозитивного содержания предложения стоит учитывать, что пропозиция может быть представлена в свернутом виде (при помощи отглагольных существительных, полупредикативных конструкций, сравнительных оборотов и др.). В предложении *Мысль о предстоящей встрече тревожила меня* отражено четыре пропозиции. Первая – в предикативной конструкции *мысль тревожила меня*, две пропозиции – в словосочетаниях *предстоящая встреча* (*встреча предстояла*), *мысль о встрече* (*я думал о встрече*), четвертая пропозиция заключается в слове *встреча* (*я встречался с кем-то*).

При семантической декомпозиции предложения необходимо помнить о тех компонентах его семантики, которые относятся к имплицитным. Как известно, имплицитными являются смыслы, которые выявляются на основе дополнительного анализа значения выражений, входящих в высказывание, и на значении контекста этого высказывания. Например, в высказывании *Вся хирургическая деятельность реанимационного отделения могла быть на порядок успешнее под другим руководством* представлен имплицитный оценочный смысл: «при нынешнем руководстве хирургическая деятельность не является успешной».

Выделяется два основных типа имплицитных смыслов – пресуппозиции (презумпции) и импликации (см.: [Баранов, 2007; Кобозева, 2004; Падучева, 1981]), анализ которых оказывается необходимым в экспертной практике.

Пресуппозиции (презумпции) и импликации – это компоненты высказывания, которые выявляются на основании анализа семантики предложения, в отличие от имплицитных дискурса. Последние связаны с нарушением постулатов П. Грайса и не обусловлены знаниями языка, а выводятся на основе соотнесения информации в предложении со знаниями о мире: «...имплицитности дискурса – компоненты содержания высказывания, не входящие

в собственно смысл предложения и в то же время передаваемые с достаточной надежностью от говорящего к слушающему. Иначе говоря, импликатуры дискурса – это те компоненты содержания высказывания, которые слушатель “вычитывает” из него, опираясь на принцип кооперации, и, с другой стороны, то, что говорящий может “опустить” при выражении своей мысли, поскольку этот компонент его речевого намерения не требует эксплицитного выражения, а будет и без того понят слушающим в силу того же принципа кооперации» [Падучева, 1981: 26]. Воспользуемся приводимым в статье Е. В. Падучевой примером: *Левый глаз у него видит прекрасно*, из которого следует, что с правым глазом у него что-то не в порядке. Эти имплицитные сведения не являются компонентами смысла данного предложения, их интерпретация в экспертной практике представляет собой большие сложности и связана с текстовым анализом (см. ниже).

Алгоритм использования метода в экспертной практике

- Эксплицировать содержание высказывания (см. метод семантической экспликации).
- Выявить в составе высказывания событийные пропозиции, проанализировать состав и способ выражения каждой пропозиции.
- Охарактеризовать логические пропозиции и средства их выражения.

Примеры анализа

1. Содержится ли во фрагменте текста *Появление свалок в городе было связано с заходом компании «Х»*. После появления «Х» управляющие компании перестали заключать договоры с «У», которая ранее отвечала за вывоз мусора информация о том, что причиной свалок в городе стали действия компании «Х», и что компания «Х» организовала свалки мусора?

В данном фрагменте текста сообщается информация о причинах появления свалок в городе, которые связаны с ситуацией в сфере коммунальных услуг: в городе появилась компания «Х», и управляющие компании перестали заключать договоры с компанией «У», ранее отвечавшей за вывоз мусора. В составе фрагмента выделяются следующие пропозиции:

(1) *Компания «Х» появилась на рынке коммунальных услуг* (пропозиция выражена при помощи конструкции, в которой позицию предиката занимает отглагольное существительное *заход*. Это слово является разговорным контекстным синонимом слов *возникновение, появление*).

(2) *В городе появились свалки* (пропозиция выражена при помощи конструкции, в которой позицию предиката занимает отглагольное существительное *появление*).

(3) *Ранее за вывоз мусора отвечала компания «У»* (пропозиция выражена конструкцией (предикативной частью сложноподчиненного предложения; в

ее составе также содержится свернутая пропозиция *вывоз мусора* (мусор вывозили) в функции сентенциального актанта).

(4) *Управляющие компании перестали заключать договоры с компанией «У»* (пропозиция выражена конструкцией, в которой в качестве предиката использован глагольно-именной оборот *заключать договоры*).

В оспариваемом фрагменте текста устанавливается зависимость между свалками в городе и появлением компании «Х». Эти два события рассматриваются как взаимосвязанные, причинно-следственная логическая пропозиция связывает событийные пропозиции (1) и (2), а также (2) и (4).

Страдательная конструкция *было связано с...* включает причастие от каузативного глагол *связать*, который реализует следующее значение (оттенок значения):

«СВЯЗАТЬ. 9. // Влечь за собой, быть сопряженным с чем-л.» [Большой толковый словарь русского языка, 2006: 1164].

В тексте отсутствует информация о том, что компания «Х» организовала свалки мусора, является непосредственным виновником появления этих свалок. Связь между свалками и деятельностью компании «Х» представлена как носящая опосредованный характер и обусловлена тем, что управляющие компании перестали заключать договоры с компанией «У», ранее занимавшейся вывозом мусора, после появления на рынке компании «Х».

2. Содержится ли в приведенном фрагменте текста негативная информация о Д. Матвееве?

Более года Елена Попова пишет жалобы в ОП № 5 о совершении в отношении нее преступления. Указывает обстоятельства и место его совершения. Называет фамилию, имя, отчество лица, совершившего это деяние. Предоставляет доказательства. Но все тщетно...

Печальная история Елены Поповой началась в 2013 г. Некто Дмитрий Матвеев взял у нее немалые деньги (1,15 млн руб.), пообещав взамен предоставить ей благоустроенную квартиру в доме, построенном его силами. Однако квартиру не предоставил и деньги не вернул. Ведь дом, построенный Матвеевым в переулке Татарский, суд еще в ноябре 2013 г. признал самовольной постройкой и приговорил к сносу.

В данном фрагменте описывается ряд взаимосвязанных ситуаций, участником которых представлен Д. Матвеев:

- (1) Д. Матвеев взял у Е. Поповой 1,15 млн руб.;
- (2) за эти деньги Д. Матвеев обещал Е. Поповой предоставить квартиру;
- (3) Д. Матвеев не предоставил Е. Поповой квартиру;
- (4) Д. Матвеев не вернул Е. Поповой деньги;
- (5) Д. Матвеев построил дом в переулке Татарский;
- (6) суд признал дом, построенный Д. Матвеевым, самовольной постройкой;
- (7) дом, построенный Д. Матвеевым, подлежит сносу.

Сведения, отмеченные пунктами (1) и (2), представляют собой описание договоренности между Д. Матвеевым и Е. Поповой. Информация, отмеченная под пунктами (3) и (4), указывает, что Д. Матвеев не выполнил свою часть договоренности и не вернул взятый у Е. Поповой ресурс. Информация, отмеченная под пунктами (6) и (7), представляет собой объяснение, почему Д. Матвеев не смог предоставить Е. Поповой квартиру.

Из семи представленных событийных пропозиций негативно характеризующими Д. Матвеева являются отмеченные под пунктами (3), (4) – информация о невыполненном обязательстве и наличии денежного долга, а также под пунктами (5), (6) – информация о том, что Д. Матвеев возвел в переулке Татарском самовольную постройку.

3.2.4. Контекстологический (контекстуальный) анализ

Контекстологический (контекстуальный) анализ – это методика анализа значения слова (словосочетания) с опорой на его окружение. Объекты анализа – слово, фразеологизм, словосочетание.

Теоретический комментарий о сущности метода

Контекстуальный анализ позволяет разграничить значения многозначного слова и охарактеризовать значение слова с позиций сочетаемости. По объему различаются два типа контекстов:

- микроконтекст, или минимальный контекст, реализуемый синтаксической сочетаемостью слов, то есть связями, возникающими при управлении, согласовании и примыкании и формирующими ближайшее лексическое окружение слова как ключ к пониманию его смысла, ср. *золотые монеты / волось*;
- макроконтекст, или широкий контекст (то есть текст в целом) [Москвин, 2015: 111].

Под влиянием контекста значение слова может претерпевать семные модификации, то есть такие видоизменения значения, которые связаны с актуализацией, редукцией, погашением сем (см.: [Стернин, 1985]).

Алгоритм использования метода в экспертной практике

- Определить лексическое значение слова, опираясь на данные толковых словарей.
- Подобрать фразы, в которых реализовано такое же значение слова, как в данном контексте (можно использовать иллюстрации толковых словарей или корпусные данные). Выявить и обобщить повторяющиеся позиции контекста.
- Сформулировать значение, реализуемое в контексте, объяснить трансформации значения (семные модификации).

Примеры анализа

1. Каково значение слова «вкус» в рекламном тексте *Идти по жизни со вкусом. Со вкусом Bergauer?*

В исследуемом контексте дважды использовано слово *вкус*. В первом высказывании рекламного слогана *вкус* рассматривается как эстетическая категория, что подтверждается и контекстом, в котором использована коллокация *идти по жизни* (ср.: *идти по жизни смеясь; идти по жизни легко; идти по жизни с оптимизмом*). Данное слово реализовано в следующем значении: словоформа *со вкусом* в контексте всего высказывания означает «в соответствии с чьими-либо эстетическими представлениями».

Во втором высказывании, оформленном как парцеллят, слово *вкус* в сочетании с маркой пива приобретает значение физического, то есть сенсорного ощущения. Слово «вкус» имеет следующее значение:

«ВКУС. 1. Ощущение, возникающее в результате раздражения рецепторов, расположенных на языке, мягком небе и задней стенке глотки различными веществами; способность ощущать такие воздействия – одно из пяти внешних чувств» [Большой толковый словарь русского языка, 2006: 135].

Выделенная в качестве самостоятельного предложения конструкция *со вкусом Bergauer* переносит представления об удовольствии на сенсорное восприятие – ощущение вкуса пива. Усложняет значение представленного слогана фразеологизм «вкус жизни», который также оказывается «встроенным» в структуру слогана. В тексте использован известный прием столкновения прямого и переносного значений слова «вкус» (амфиболия), а также прием переразложения фразеологизма.

В результате используемых языковых техник выразительности создается сложный смысл рекламного слогана: вкус пива «Bergauer» становится атрибутом вкуса жизни.

2. Какое значение имеет словосочетание «люди Бурмина» в контексте *Людей Бурмина подозревают в вымогательстве?*

Данное высказывание представляет собой заголовок текста – это сильная текстовая позиция, которая определяет тему всего текста.

Словосочетание *люди Бурмина* реализует посессивное значение. Это словосочетание построено по модели именного управления, где зависимая словоформа в родительном падеже указывает на принадлежность объекта: *люди Бурмина* – это люди, находящиеся в подчинении у Бурмина или связанные с ним какой-то совместной деятельностью.

Современные толковые словари не выделяют у супплетивной пары «человек/люди» значение «лица, находящиеся в подчинении у кого-либо». В контексте статьи это слово взято в кавычки, что указывает на его особенное (неузуальное, то есть нетиповое) значение: *В Челябинске начался мощный бизнес*

конфликт между «людьми» экс-омбудсмена Алексея Севастьянова и депутата Госдумы Владимира Бурмина. Автор употребляет существующее слово или выражение в нетиповом значении; кавычки указывают читателю на то, что он должен искать нужный нетиповой смысл.

Обращение к корпусным данным позволяет увидеть, что это новое значение фиксируется в контекстах (1 608 вхождений на более чем 280 млн слов в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ]). Приведем несколько контекстов: *Новому председателю правления газового монополиста Алексею Миллеру пришлось выдержать жесткую конкурентную схватку с собственными подчиненными, вместе с ним вытеснявшими из компании людей Рема Вяхирева (И. Гальперин); Утверждают, что премьер был не против отставки руководителя аппарата правительства Игоря Шувалова, считающегося человеком Волошина (И. Гальперин); Люди Беспалова ведут активную «просветительскую» работу и разъясняют, кого «на самом деле» поддерживает Путин (А. Садчиков); В 1997-м, накануне выборов, к пивоварам с деловыми предложениями пришли люди губернатора Платова (Е. Толстых).*

Анализ корпусных данных позволяет говорить о том, что словосочетание, построенное по модели «N₁N₂», где позицию N₂ занимает антропоним (то есть собственное имя), указывает на реализацию отношений взаимодействия людей, используемых в каком-либо деле одним человеком, имеющим обычно более высокий социальный статус. При этом сам человек в данную группу лиц не включен, подобно тому как в контекстах «окружение Путина», «сторонники Зюганова» сами политики не включены в круг лиц, их поддерживающих.

Таким образом, контекстное значение словосочетания «люди Бурмина» – круг лиц, которые взаимодействуют с Бурминым, находятся в подчинении у Бурмина, отстаивают его интересы.

3.2.5. Анализ модальной организации предложения

Анализ модальной организации предложения – это метод, нацеленный на экспликацию модальных значений предложения. Метод анализа позволяет выявлять языковые показатели, значимые для квалификации высказываний как утверждений или субъективно-оценочных суждений. Отнесение высказывания к определенному типу (утверждение, мнение, предположение, оценка) осуществляется на основании совокупности методов семантической декомпозиции и анализа модальной организации предложения.

Теоретический комментарий о сущности метода

Модальность – это универсальная понятийная категория, изучению которой посвящены сотни отечественных и зарубежных исследований. Наиболее широкое понимание модальности связано с функционально-семантическим подходом (см. работы А. В. Бондарко, Г. А. Золотовой, Е. И. Беляевой,

С. С. Ваулиной, С. Я. Гехтляр, М. В. Ляпон, А. В. Зеленщикова и др.). По мысли А. В. Бондарко, модальность может рассматриваться как комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности/ирреальности. То или иное отношение к этим признакам представлено в значениях: 1) актуальности/потенциальности (возможности, необходимости, гипотетичности и т. д.); 2) оценки достоверности; 3) коммуникативной установки высказывания; 4) утверждения/отрицания; 5) засвидетельствованности (эвиденциальности) [Теория функциональной грамматики, 1990].

При дискуссионности вопроса о выделении объективной и субъективной модальности принцип такого разграничения последовательно проводится в академических грамматиках и отражен в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «Объективная модальность, – указывает М. В. Ляпон, – обязательный признак любого высказывания, одна из категорий, формирующих предикативную единицу – предложение. Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществленности или осуществляемости) и ирреальности (неосуществленности). <...> Субъективная модальность, то есть отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, является факультативным признаком высказывания. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 303].

Современный подход к изучению модальности, важный для экспертной практики, отражен в Русской корпусной грамматике, определяющей модальность как понятийную категорию, которая характеризует а) отношение говорящего к содержанию высказывания? или б) статус обозначенной в нем ситуации по отношению к реальному миру, или в) иллокутивную силу, то есть коммуникативную цель говорящего [Падучева, 2016].

Алгоритм использования метода в экспертной практике

- Охарактеризовать высказывание с точки зрения выраженности значения реальности/ирреальности (ситуация мыслится как происходящая в момент речи, отнесенная в план прошлого или будущего, представлена как гипотетическая).
- Определить тип высказывания в аспекте целеустановки (вопросительное/невопросительное).

- Охарактеризовать предложение в аспекте категории персуазивности (эвиденциальности). При наличии языковых показателей достоверности и недостоверности указать средства их выражения¹.
- Проанализировать необязательные модальные значения (при их наличии в предложении) и средства их выражения:
 - а) значение авторизации;
 - б) значение оценки.

Примеры анализа

1. *Как та же Карпушенкова, будучи честной, купила, по моей информации, более двадцати квартир и гостиницу?*

В высказывании ситуация покупки более 20 квартир и гостиницы Карпушеновой представлена как реальная, произошедшая в прошлом, мыслится говорящим как достоверная (так как отсутствуют показатели недостоверности информации или сомнений в достоверности). Предложение оформлено в виде риторического восклицания со значением экспрессивно окрашенного утверждения, которое усиливается за счет противопоставления декларируемой честности и тех действий, которые, по мнению говорящего, противостоят этой честности. Указание на источник информации, выраженной при помощи вводной конструкции «по моей информации», смягчает силу утверждения, однако не переводит высказывание в разряд мнений.

2. *Тренеры утверждают, что организаторы соревнований закрыли глаза на все нормы и правила, выставив на ринг ребенка, имеющего медицинские противопоказания.*

В предложении описывается ситуация, согласно которой организаторы допустили до соревнований ребенка, имеющего медицинские противопоказания. Эта ситуация мыслится как реальная, произошедшая в прошлом, сообщаемая информация представлена как достоверная. По целеустановке предложение невопросительное.

Предложение помещено в модальную рамку «тренеры утверждают», то есть информация маркирована в отношении источника ее получения. Выражение чужого мнения заключено также во фразеологизме *закрывать глаза*, относящемся не к сфере авторской речи, а к сфере чужой речи, то есть словам тренеров, которые сообщают о причинах случившегося.

¹ Рассматривается не соответствие высказывания действительности, а выраженность значения достоверности или недостоверности. Например, предложение Иванов украл деньги, выделенные на ремонт дороги может быть истинным или ложным, но синтаксически оно не имеет показателей недостоверности.

3.2.6. Семантико-прагматический анализ речевого акта

Семантико-прагматический анализ речевого акта – это метод анализа, направленный на определение совокупности признаков, позволяющих квалифицировать речевой акт в аспекте его иллокутивной цели.

Теоретический комментарий о сущности метода

В основе метода лежит анализ речевого акта. *Речевой акт* – это речевое действие говорящего, адресованное собеседнику для достижения определенного желаемого результата и реализующее речевую интенцию (то есть производимое с определенной целью).

Будучи единым образованием, речевой акт включает три составляющих: локутивный речевой акт, иллокутивный речевой акт, перлокутивный речевой акт. Они совершаются говорящим не последовательно, а одновременно. При речевом акте выражается психологическое состояние говорящего, то есть его отношение, касающееся речевого акта. Выражение такого психологического состояния является условием искренности речевого акта, например, намерение побудить слушающего выполнить действия объединяет речевые акты обещания, клятвы, угрозы, совета.

В центре внимания теории речевых актов оказывается иллокутивный акт как реализация коммуникативного намерения. В зависимости от иллокутивной цели создаются классификации речевых актов, наиболее известными из которых являются те, что были предложены Дж. Остином и Дж. Серлем. По Дж. Серлю, выделяется пять базисных речевых актов: репрезентативы, коммисивы, директивы, декларативы, экспрессивы. Для частных наименований речевых актов используются также обозначения типа *вопрос, ответ, обещание, описание, просьба, приказ, утверждение, сообщение, запрет, позволение, требование, возражение, поручение, предостережение, угроза, совет, наставление*.

В основе классификации речевых актов лежат такие признаки, как иллокутивная цель, способ достижения иллокутивной силы, интенсивность иллокутивной силы, условия пропозиционального содержания, предварительные обещания, условия искренности, интенсивный уровень искренности [Серль, Вандервекен 1986].

Для лингвоэкспертной практики принципиально важным является противопоставление констативов и перформативов. Констативы описывают положение дел и утверждают некоторые факты, такие речевые акты могут быть оценены с позиции истинности или ложности (например, *Сегодня солнечный и жаркий день*). В отличие от них, перформативы не описывают действия, а их произнесение является осуществлением действия (например: *Приветствую вас. Обещаю рассказать*). Эти речевые акты не могут быть истинными или ложными.

Одним из интересных открытий теории речевых актов является понятие косвенного речевого акта, то есть речевого акта со скрытой иллокутивной силой и, соответственно, с более сложно интерпретируемым смыслом. В косвенных речевых актах на фоне эксплицированной иллокутивной силы проявляется другая сила, можно сказать, что в речевом акте оказывается больше содержания, чем передает его поверхностная структура. Говорящий, употребляя косвенный речевой акт, рассчитывает на понимание слушающего, связанное с опорой на фоновые знания, а также на конвенции речевого общения.

Понимая сложность и неоднозначность разграничения терминов «речевой акт» и «речевой жанр» и не претендуя на полную охвата всех их видов, назовем только некоторые особенно значимые для лингвоэкспертной практики, с указанием в скобках авторов, в работах которых описаны особенности данного речевого акта (или шире – речевого жанра): возражение (И. В. Андреева); жалоба (Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская); запрет (И. В. Миляева, И. Б. Шатуновский); инвектива/оскорбление (В. И. Жельвис, Г. В. Кусов); одобрение (Л. Б. Никитина); осуждение (Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская, Т. В. Дубровская, О. А. Евтушенко, М. А. Кормилицына, Л. Б. Никитина); опровержение (И. В. Андреева); отказ (В. М. Боброва, Т. А. Быценко); побуждение (Н. И. Формановская); призыв (А. Н. Баранов); приказ (Т. В. Анисимова, Н. И. Формановская); угроза (А. Н. Баранов, М. Г. Безяева, В. В. Быстров, М. Я. Гловинская, Д. О. Жучков, А. Ю. Маслова, Т. И. Стексова, Н. В. Хохлова); упрек (Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев).

Например, структура речевого акта угрозы, его связи со смежными речевыми актами, такими как предостережение, предупреждение, побуждение, совет, описаны в работах А. Н. Баранова, А. Вежицкой, М. Г. Безяевой, М. Я. Гловинской, А. Ю. Масловой и др. Угроза рассматривается как конфликтный речевой акт, в семантике которого присутствует два компонента: это побуждение к совершению действия в интересах говорящего и обещание негативных последствий в случае неповиновения [Гловинская, 1983: 80].

Т. Б. Радбиль и В. А. Юматов, характеризуя угрозу в аспекте проблем лингвистической экспертизы, выделяют следующие условия успешности речевого акта «угроза»:

1) предварительные условия:

- наличие определенного психологического состояния враждебности говорящего и наличие адресата или объекта угрозы;
- физическая возможность говорящего осуществить требуемое действие;

2) существенное условие: четко оформленное намерение (обещание) нанести вред кому-либо, что, в общем, и относит данный акт к классу комиссивов (акты, в которых говорящий берет на себя обязательство совершить какое-либо действие);

3) условие искренности: говорящий искренне намерен совершить данное действие, но не в любом случае, а при условии неисполнения необходимых с его точки зрения требований;

4) условие пропозиционального содержания: акт угрозы должен относиться к плану будущего времени (как и любые другие речевые акты обещания или побуждения) [Радбиль, Юматов, 2015: 108–110].

Алгоритм использования метода в экспертной практике

- Установить пропозициональное содержание высказывания и его языковое оформление.
- Обозначить ситуативные и социальные позиции говорящего и адресата (например, для приказа, как и для императивных речевых актов, говорящий обладает определенными полномочиями; предупреждение, в отличие от угрозы, делается в интересах адресата).
- Выявить иллокутивную цель и способ ее достижения.
- Охарактеризовать условия успешности речевого акта.

Определение иллокутивной цели осуществляется с опорой на речевые акты, проанализированные в научной литературе. В экспертной практике необходимо соотносить исследуемое высказывание с комплексом признаков того или иного речевого акта, которые уже описаны в научной литературе, посвященной отдельным речевым актам.

Примеры анализа

1. Является ли фраза *Я тебе еще раз говорю! Я тебя, сука, казню! Ты понял меня, урод?*, употребленная в контексте диалога, угрозой, если да, то совершением каких действий угрожает автор?

Исследуемая фраза была произнесена в ходе устного речевого взаимодействия между двумя мужчинами, обозначенными в представленной стенограмме как «М1» и «М2».

Разговор посвящен вопросам исполнения «М1» своих служебных обязанностей. Коммуникативные роли участников диалога асимметричны: «М2» выступает как руководитель, «М1» – как подчиненный. В коммуникативном поведении «М2» такое распределение ролей находит отражение в следующих особенностях:

- «М2» прямо обозначает свою функцию (*Будешь меня перебивать как руководителя – я с тобой буду разговаривать по-другому*);
- «М2» использует в своей речи побудительные высказывания категоричного характера: требования, приказы (*Ежедневно будете получать письменные задания. Что нужно в течение дня сделать. И будет все организовано; Кошкин дает тебе задание на смену согласно ЕКТС, согласно твоего разряда, согласно твоей должности. Ты это делаешь!*);

- «М2» использует фамильярные обращения на «ты» (*Ты слесарь! Тебе будут давать задания, и ты будешь собирать!*).

В коммуникативном поведении «М1» такое распределение ролей находит отражение в следующих особенностях:

- «М1» использует обращения на «вы» или называет «М2» по имени и отчеству (*Не я должен организовывать работу, а бригадир, извините меня, Дмитрий Владимирович; Четвертого июня я к Вам зашел сюда*);
- «М1» в значительной части диалога придерживается стратегий конформного (неконфликтного) речевого взаимодействия.

Спорная фраза была произнесена «М2» в рамках обсуждения микротемы, связанной с дальнейшими условиями работы «М1». В данной микротеме «М2» сообщает, что в дальнейшем «М1» должен беспрекословно выполнять задания, которые получает от руководителей (*Ежедневно будете получать письменные задания. Что нужно в течение дня сделать. И будет все организовано. Ты же сварщик; Ты слесарь! Тебе будут давать задания, и ты будешь собирать! Понял меня?! Свои задания не выполнишь – вылетишь как пробка с рабочего места! Понял меня?!*).

«М1» отвечает на данные высказывания возражениями, касающимися как содержания речи «М2» (*Я слесарь; Кто сказал?*), так и ее формы (*Не надо голос на меня повышать!*).

«М2» реагирует на возражения «М1» рядом фраз, в том числе фразой, выступающей объектом исследования: *Я тебе еще раз говорю! Я тебя, сука, казню! Ты понял меня, урод; Ты меня понял?! Я тебе сказал! Тебе дадут задание, ты будешь его делать!*. Фразовый контекст позволяет установить, что исследуемая фраза по содержанию связана с предыдущими и последующими высказываниями «М2». Данная фраза состоит из трех простых предложений:

– *Я тебе еще раз говорю!* Говорящий отсылает адресата к предшествующей реплике: *Послушай, ты! Тебя уже один раз колотили, еще раз повторить, что ли?* В ней говорящий напоминает адресату о некоторых событиях, когда к нему были применены насильственные действия, а также указывает на возможность повторения этих событий.

– *Я тебя, сука, казню!* Говорящий сообщает о своем намерении выполнить действия, обозначенные глаголом «казнить». Контекст употребления слова указывает на то, что глагол «казнить» в исследуемой фразе реализует значение, близкое к значению глагола «наказать» (данное значение поддерживается сообщениями «М1», в которых он прямо говорит о намерении наказать «М2», например: *Не делаешь, я тебе еще раз говорю, я тебя наказываю!*). Инструмент (способ) наказания в данной фразе говорящим прямо не назван, но может быть восстановлен из контекста диалога. Ближайший контекст (предшествующая фраза), в котором говорящий напоминает адресату о совершенных в отношении него насильственных действиях, а также говорит о возможности повторе-

ния этих действий, указывает на то, что «М1» не исключает таких методов воздействия на адресата. Кроме этого, в качестве методов воздействия на адресата «М2» также указывает выговоры и увольнение (*Свои задания не выполнишь – вылетитишь как пробка с рабочего места; Не сделал – премия сегодня, завтра выговор, за систематические невыполнения; за два выговора – уволью*).

– *Ты понял меня, урод?* Данной фразой говорящий уточняет, усвоил ли адресат переданную информацию. Согласно контексту – информацию о том, что адресат должен выполнять требования говорящего. В следующих репликах «М2» неоднократно повторяет требование проявить внимание и подтвердить получение информации (*Ты меня понял?!; Слушай меня внимательно!; Ты слышишь меня, что ли? Слушай меня!; Я тебе еще раз говорю!; Я тебе говорю!; Понял меня?*). Кроме этого, данной фразой говорящий демонстрирует адресату свое негативное к нему отношение, что отражается в использовании сниженной оценочной номинации (*урод*) в качестве обращения.

Таким образом, высказыванием *Я тебе еще раз говорю! Я тебя, сука, казню! Ты понял меня, урод?* говорящий сообщает адресату, что если адресат не будет выполнять требования говорящего, то говорящий накажет адресата. Наказание (согласно контексту разговора) подразумевает как административные методы воздействия (выговоры, увольнение), так и насильственные (избиение). Кроме этого, данным высказыванием говорящий демонстрирует собственное негативное отношение к адресату.

Сопоставление компонентов исследуемого высказывания с ключевыми компонентами речевого акта угрозы позволяет прийти к выводу о полном их совпадении: а) говорящий сообщает, что намеревается совершить нежелательные для адресата действия (выговоры, увольнение, избиение); б) условием, при котором говорящий не будет совершать эти действия, является согласие адресата выполнять требования говорящего; в) говорящий стремится убедить адресата в необходимости выполнять требования.

Таким образом, в исследуемом высказывании содержатся признаки речевого акта угрозы. Говорящий, согласно контексту разговора, угрожает адресату как административными методами воздействия (выговорами, увольнением), так и насильственными (избиением).

3.2.7. Стилистический анализ

Стилистический анализ – это метод исследования функционально-стилевой принадлежности слова или текста. Стилистический анализ слова осуществляется с опорой на данные толковых словарей и корпусов, а также с опорой на контекст, в котором употреблено слово. Стилистический анализ текста основан на отнесении текста к определенному функциональному стилю (научному, официально-деловому, религиозному, публицистическому, разговорному). Стилеобразующие факторы для каждого из этих стилей, под-

стили и жанры хорошо представлены в учебной и научной литературе и стилистических словарях. В экспертной практике стилистический анализ текста применяется на этапе общей характеристики материала.

Примеры анализа

1. В каком значении употреблены слова «прачка» и «вразнос» в высказывании, являющемся заголовком *Финансовая прачка Тюмени пошла вразнос. Любовь Рахманова через силовиков плющит тех, кому должна?*

Для обозначения Л. Рахмановой в первом предложении заголовка использована номинация «финансовая прачка». Если предположить, что слово «прачка» в исследуемом контексте реализует свое прямое значение («Устар. Работница, занимающаяся стиркой белья // Разг. Хозяйка, стирающая белье для членов своей семьи» [Большой толковый словарь русского языка, 2006: 955]), то данное словосочетание является семантически аномальным, так как денежные средства («финансы») не являются бельем, предметом одежды или иным объектом, который может быть подвергнут стирке. Следовательно, в данном фрагменте реализуется метафорическое значение слова «прачка», представляющее деятельность Л. Рахмановой как нечто сходное со стиркой. Среди глаголов синонимического ряда, обозначающего стирку, чистку («стирать», «мыть», «чистить», «очищать», «отмывать» и др.), имеется глагол «отмывать», который в одном из своих переносных значений (жаргонном) допускает присоединение в качестве прямого дополнения слов со значением «деньги». Это позволяет сделать вывод о том, что именно указанное жаргонное значение глагола «отмывать» лежит в основе актуального метафорического значения слова «прачка».

Данный вывод поддерживается как контекстом (в разделе с заголовком «Академия» распила) содержится информация о том, что одно из подразделений компании «Р.» подделывало документы, уходя от уплаты налогов), так и метатекстовыми элементами (интернет-страница, на которой размещен текст, имеет заголовок «**Отмывательница** Люба Рахманова: семейные и уголовные дела!»). Таким образом, словосочетание «финансовая прачка» содержит информацию о том, что объект номинации (в данном случае – Л. Рахманова) занимается финансовыми операциями, связанными с переводом незаконно полученных денег в законный доход (отмыванием денежных средств). Оно мотивировано не только отношением автора к обозначаемому лицу (как номинации типа «подлец», «мерзавец»), но и конкретными действиями, которые обозначаемое лицо совершило или совершает (как номинации типа «вор», «взяточник», «убийца»). Использование такого словосочетания в синтаксической функции подлежащего в качестве основного способа именованности лица указывает на то, что автор приписывает Л. Н. Рахмановой занятие такой деятельностью как устойчивый признак.

Словосочетание «пошла вразнос», которым автор обозначает действия Л. Рахмановой, само по себе не содержит какой-либо конкретной информации о ее деятельности. Оно обобщает круг тех действий, о которых сообщается в тексте статьи, и характеризует их с точки зрения интенсивности. При этом наличие у слова «вразнос» вторичного специального значения с семантическими компонентами, обозначенными в толковании словосочетаниями «в режиме саморазрушения от больших перегрузок» [Большой толковый словарь русского языка, 2006: 156], говорит о том, что слово «вразнос» содержит ряд отрицательно-оценочных коннотаций, позволяющих говорящему с помощью данного наречия охарактеризовать какие-либо действия как слишком интенсивные и, следовательно, вредные или опасные. Таким образом, в данном словосочетании выражена негативная оценка тех действий Л. Рахмановой, о которых сообщается в основном тексте публикации.

2. На этапе общей характеристики книги «Откровения людям нового века» дана следующая стилистическая характеристика.

Исследуемый текст принадлежит религиозному стилю речи. Вынесенное в заглавие слово «откровение» маркирует принадлежность текста к религиозному дискурсу, см.: «Откровение. Религ. Духовное видение. О. пророков. Вера в Бога дана нам откровением. О. святого Иоанна Богослова (одна из книг Нового Завета – Апокалипсис)» [там же: 748]. Этот смысл поддерживается и подзаголовком *Эта Книга продиктована Высшим Космическим Разумом избранному Им человеку в России*, указывающим на то, что автор является лишь посредником, транслируя идеи некоего «Высшего Космического Разума». Изложение в книге ведется не от Я-автора, а от Я – некоего «Создателя», возможно, это Создатель Мира, «Высший Космический Разум». Автор выбирает композиционную форму, довольно распространенную для религиозного текста, когда фрагменты текста нумеруются, что требует от читателя особой сосредоточенности. В тексте книги используется множество слов не в узальном, а в особом, понятном только автору смысле, что создает ореол сакральности текста, делает его близким к эзотерическому дискурсу, утверждающему сложную онтологическую структуру мироздания, возможность инобытия человеческого сознания, синтез различных форм познания, в том числе иррациональных.

3.2.8. Текстовый анализ

Текстовый анализ включает совокупность методов, направленных на исследование функционально-стилистических, речжанровых, композиционных и др. особенностей текста. Единого метода текстового анализа нет, что обусловлено разным пониманием текста и текстовых категорий. В учебной и научной литературе существует множество методик анализа, направленных

на решение разных задач (см. обзор подходов к анализу текста в [Бабенко, Казарин, 2003]).

Теоретический комментарий о сущности метода

Поскольку текст представляет собой и лингвистическое, и семиотическое, и культурологическое, и когнитивное, и коммуникативное явление, его интерпретация зависит от множества факторов.

В экспертной практике исследуются следующие семиотические виды текстов: а) вербальный текст – то есть законченное, целостное вербальное речевое произведение; б) креолизованный текст (полимодальный), в котором взаимодействуют вербальная и иконическая составляющие.

Тексты могут классифицироваться по разным параметрам, в числе которых для судебной лингвистики чрезвычайно важным является понятие адресата: текст может быть адресован одному лицу или, напротив, неопределенно широкому кругу лиц. Такие разноплановые понятия, связанные с членением медиапотока, как газетная статья, радио- или телепередача, рекламный текст, текст интернет-СМИ объединяются в современной стилистике и теории текста термином «медiateкст»: «динамическая сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [Современный медiateкст, 2013: 13].

Применительно к экспертной деятельности можно назвать и прокомментировать основные случаи использования текстового анализа (некоторые из них связаны с семантикой текста, другие в большей степени касаются иных аспектов текстовой организации, однако мы считаем правильным не проводить демаркационную линию, так как при текстовом анализе граница между семантикой текста и коммуникативно-прагматическими особенностями достаточна условна).

Анализ высказывания в связи с его текстовой позицией заголовка, подзаголовка, эпиграфа, подписи к фотографиям и др.

Будучи сильной текстовой позицией, заголовок, по словам И. И. Саженина, выступает «катализатором реакции субъекта на публикацию» [Саженин, 2016: 120]. Естественно, заголовок должен рассматриваться как композиционная часть текста, при этом заглавие может представлять собой «выводное суждение», может быть цитатой, то есть представлять собой мнения неких лиц относительно положения дел, может представлять собой оценочное суждение. Иногда в качестве заголовка выбирают провокационные и намеренно двусмысленные высказывания, которые не подтверждаются основным текстом статьи. Т. И. Стексова приводит в качестве примера речевой манипуляции, основанной на эффекте обманутого ожидания, заголовок статьи «Его дело – труба», который ориентирует на восприятие печальной информации,

хотя в самой статье речь идет о музыканте, играющем на трубе, причем вся информация имеет позитивный характер [Стексова, 2015: 187].

В заголовке или подписи к фотографии автор может использовать механизмы лингвокреативности для оптимизации речевого воздействия, например, подпись к фотографии «Госпожа Соврамши» или заголовок «Зацепин землю зацепил». Все случаи игровых трансформ, используемых в качестве заголовков, требуют особенно тщательного семантического анализа.

Определение стилистических и речежанровых характеристик текста

На этапе описания материала и его общей характеристики эксперт обычно определяет функционально-стилевую и, возможно, жанровую принадлежность текста. В качестве самостоятельной экспертной задачи может выступать определение дискурсивного статуса текста, например, его принадлежности к рекламному жанру [Баранов, 2007: 149–160].

Очевидны проблемы лингвистической экспертизы художественных текстов. По справедливому замечанию О. Н. Матвеевой, «неразрешенные проблемы, касающиеся лингвистической экспертизы в целом, осложняются в данном случае специфическим объектом, в отношении интерпретации которого существуют давние филологические традиции и презумпции. Проблема включает в себя целый ряд вопросов, связанных именно со спецификой исследуемого объекта. Освобождает ли от ответственности использование автором художественной формы? Если да, то при каких условиях? Основывается ли квалификация художественного текста в рамках лингвистической экспертизы на традициях его филологической интерпретации либо она исходит из других презумпций? В какой степени возможно ассоциировать героев художественного произведения, в том числе автора, с реальными людьми?» [Матвеева, 2007: 370]. Единой позиции относительно возможности экспертного анализа художественных текстов не существует. Кроме того, границы понятия «художественный текст» оказываются подвижными, так как не всякое рифмованное произведение, наверное, можно считать поэтическим текстом лишь на основании формального критерия.

Постановлением Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» закреплено, что обращения граждан в государственные органы и органы местного самоуправления не могут быть использованы в качестве основания для привлечения к ответственности по ст. 152 ГК РФ. В Обзоре практики рассмотрения судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации Верховного суда от 16.03.2016 также отмечается: «Требования истца о защите чести и достоинства не подлежат удовлетворению, если им оспариваются сведения, изложенные в официальном обращении ответчика в государственный орган или к должностному лицу, а само обращение не

содержит оскорбительных выражений и обусловлено намерением ответчика реализовать свое конституционное право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления» [Обзор практики...]. Естественно, сказанное определяет необходимость квалификации жанра и типа текста, в частности, умение квалифицировать текст как жалобу или ходатайство.

Определение текстовой модальности (тональности текста)

Тональность текста – сложно формализуемая категория, во многом обусловленная психологической позицией автора по отношению к излагаемому и адресату; та категория, которая в наибольшей степени связана с внутренним миром человека – его эмоциями и волей. В практике лингвистической экспертизы текста наиболее частой является характеристика иронической тональности. А. Н. Баранов вводит понятие «дискурсивный режим», в качестве примера он анализирует дискурсивный режим иронии, которая «существенно снижает силу негативной оценки, указывая на «несерьезность», нарочитый характер речевого поведения» [Баранов, 2016].

Ироническая тональность в тексте выражается разнообразными языковыми средствами: экспрессивными фонетическими средствами (интонацией), эмоционально-оценочной лексикой, синтаксическими фразеологизмами, в письменной речи – при помощи такого формального показателя, как кавычки.

Например, в высказывании *Снова обратились в Роспотребнадзор, и уже знакомая горе-начальница дала «научный» совет поставить свечку в церкви во исцеление от порчи*. Автор иронически относится к действиям сотрудницы Роспотребнадзора, которая не выполняет свои профессиональные обязанности и вместо проведения экспертизы некачественного товара советует уповать лишь на Бога: показателем иронического отношения являются закавыченное слово «научный», которое в тексте имеет противоположный смысл, номинация *горе-начальница* («горе-» – первая часть сложных слов. *Ирон.* Вносит значение слову: плохой, негодный, неумелый и обозначает низкую ироническую оценку деятельности или социального статуса человека») [Большой толковый словарь русского языка, 2006: 219].

И. Р. Гальперин писал: «Коэффициент модальности... тем выше, чем отчетливее проявляется личность автора в его произведениях» [Гальперин 1981: 118]. Проявление авторского видения события зависит от жанра текста, выбранного способа его композиционной организации, личного отношения автора к происходящему (он может дистанцироваться от оценки события или, напротив, выражать собственное отношение к происходящему).

Например, авторы жалобы завершают текст эмоционально окрашенным фрагментом, состоящим из цепочки риторических вопросов: *Положительный или отрицательный герой Алферов? Почему продолжает уходить обученный квалифицированный персонал? Коррупция или нет – использовать*

государственные деньги в целях личной заинтересованности? Если да, почему все сходит с рук? Почему этот человек открыто продолжает демонстрировать свою безнаказанность? Потому что прав или не прав? Кто за всем этим стоит? Через используемый экспрессивный прием кодируется возмущенное отношение автора к персонажу, о котором он пишет.

Авторское отношение может быть прямо не эксплицировано, но оно присутствует в логике, задаваемой сюжетом, композицией, заглавием текста. Например, текст статьи о деятельности некоего лица включает фрагменты романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», посвященные такому персонажу, как Александр Иванович Корейко (подпольный миллионер, скопивший огромное состояние благодаря разнообразным жульническим операциям). Очевидно, что имя этого персонажа стало прецедентным и используется для обозначения людей, скрывающих свои доходы. Текст построен как чередование фрагментов романа и авторского повествования, причем автор никак не актуализирует связь человека, о котором он пишет, с персонажем романа. Например:

– Не лишено также любопытства появление моего подзащитного в Москве в 1922 году...

– Позвольте, господа присяжные заседатели, задать вам один вопрос. Конечно, из любопытства. Какой доход могут принести человеку две обыкновенные бочки, наполненные водопроводной водой?...

В августе 2009 Г-н Игорь Альбертович оказался в МУП «Центр ЖКХ» в качестве генерального директора. Масштабного строительства не предвиделось, но и подрячков у «Центр ЖКХ» много, и сотрудничество с ними построено на долгосрочной основе... Курочка по зернышку клюет (И. А. – по конвертику), да сыта бывает.

Во фрагменте романа говорится об осуществлении действий, которые, казалось бы, не должны приносить дохода, однако в силу своеобразных талантов Корейко приносят ему деньги. Точно так же «Г-н Игорь Альбертович» получает доходы от предприятия вопреки обстоятельствам.

Выбранная автором пословица имеет, как и всякая пословица, генерализованный смысл: можно получать какую-то выгоду понемногу, не обязательно получать сразу все. Слово «доход», используемое в предшествующем контексте из романа «Золотой теленок», позволяет интерпретировать значение слова «конвертик» как метонимию (перенос с объекта на его содержимое): И. А. получает «по конвертику», то есть получает какие-либо денежные средства с подрячков фирмы «Центр ЖКХ». Анализ текстовых связей позволяет увидеть аналогию, которая связывает героя публикации с персонажем известного романа, и показать, как автор переносит характеристики Корейко на описываемое им лицо, ассоциативно усиливая создаваемый портрет героя публикации чертами тайного миллионера и обманщика.

Интертекстуальность и интердискурсивность

Приведенный выше пример использования романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» в качестве прецедентного источника позволяет автору публицистического текста выразить негативное отношение к герою публикации косвенным способом. Безусловно, понимание текста должно опираться на фонд общих знаний автора и читателя, а успешность коммуникации определяется единством апперцепционной базы автора и адресата.

М. А. Венгранович пишет, что давать однозначную квалификацию выявленным семантическим приращениям в тексте как инвективным при наличии отсылки к прецедентным именам и текстам не представляется возможным хотя бы по той причине, что «в интерпретацию знака, содержащего фоновую информацию, включается человеческий фактор, делающий результирующий смысл непредсказуемым (где гарантия, что читатель сумеет опознать те маркеры, которые предлагает ему автор текста?)» [Венгранович, 2016: 77–78].

Пример индивидуальной интерпретации интертекста приводит Н. Д. Голев, рассказывая об экспертизе агитационного текста одного из кандидатов в депутаты, которая была назначена в связи с тем, что следственные органы увидели признаки экстремизма во фразе «Достойно ли безропотно терпеть позор судьбы? Иль надо оказать сопротивление? Восстать, вооружиться, победить?» (Шекспир). Эксперт в анализе оперировал понятиями «норма восприятия», «интертекстуальный тезаурус».

Эксперт анализирует не восприятие текста, а содержание сказанного. Поэтому при наличии интертекстуальных связей (аллюзий, реминисценций, использования прецедентных имен и высказываний) эксперт с опорой на словарные и корпусные данные сообщает, какой инвариант восприятия интертекста является эталонным для носителя русского языкового сознания.

Например, при формулировании угрозы в высказывании *В случае отказа либо подвоха с твоей стороны на каком-либо этапе я получу моральное оправдание и буду действовать по варианту «ворошиловский стрелок»* говорящий сообщает о негативных последствиях для адресата, используя прецедентное словосочетание «ворошиловский стрелок» («ворошиловский стрелок» – знак для награждения метких стрелков; в контексте ситуации, в которой общается о мести, это словосочетание отсылает к кинофильму С. Говорухина, где по сюжету герой вершит самосуд, мстит за поруганную честь внучки).

Выявление текстовых импликатур

Одним из самых спорных вопросов является квалификация в экспертной практике текстовых импликатур, или импликатур дискурса, то есть таких умозаключений, которые делает адресат высказывания, опираясь на максимы речевого общения [Кобозева, 2003: 124].

Вынося в заглавие статьи вопрос «Ответственен ли журналист за интерпретацию текста читателем?», Н. А. Кузьмина заключает: «Имплицитные смыслы могут возникать в соответствии с природой самого текста, его структурной, семантической, прагматической составляющими, а могут быть связаны с личностью воспринимающего субъекта, его когнитивной базой (общей и индивидуально-личностной составляющими). Только в последнем случае журналист “неподсуден”. Если же имплицитные смыслы рождены законами текста, то утверждения, что манипулятивные приемы “развязывают руки” автору – “от лукавого” и не могут освободить журналиста от ответственности за достоверность информации – как явной, так и затекстовой» [Кузьмина, 2011: 179].

Например, информационным поводом для написания заметки *Рестораторы Челябинска до сих пор обсуждают визит Лены Летучей, ведущей программы «Ревизорро», устроившей шумные разборки в кафе «Анталия». Между тем, болтают сплетники, Летучую в аэропорту встречал директор одной из крупнейших сетей ресторанов в Челябинске. И именно ресторан, входящий в эту сеть, был удостоен высшей похвалы со стороны Лены Летучей* послужил визит ведущей программы «Ревизорро» в Челябинск и произошедшие затем события (выбор лучшего ресторана).

Хотя связь между этими двумя фактами не эксплицирована, однако читатель неизбежно делает вывод о том, что встреча в аэропорту могла повлиять на решение Лены Летучей. Эта интерпретация основана на законах текстовой когезии, средствами которой являются частица «именно», местоимение «эту», помещение в рематическую часть высказывания сочетания «И именно ресторан, входящий в эту сеть...». Указание на то, что директор встречал Лену Летучую, в связи с расположенным ниже утверждением о «высшей похвале», служит намеком на возможность директора повлиять на решение Лены Летучей и программы «Ревизорро». Появление имплицитности обусловлено законами прагматической организации текста.

Семантический анализ текста, безусловно, зависит от множества разнообразных факторов, в том числе и от жанровой, стилевой, содержательной природы текста, а также от той конкретной задачи, которая ставится перед экспертом-лингвистом. Ситуативная обусловленность задач не дает возможности свести все их в единый алгоритм.

Итак, представленные методы обеспечивают объективность проводимого исследования и становятся основой для создания экспертных методик. Конкретные технологии исследования определяются задачами экспертизы.

3.2.9. Корпусный анализ

Что представляет собой корпус?

Активное развитие в последние десятилетия компьютерных технологий создало предпосылки для оптимизации исследовательского и образовательно-

го процессов. Компьютерные технологии и, в первую очередь, веб-технологии позволяют разрабатывать инструменты для решения задач исследовательского и прикладного характера в области лингвистики. Возможность оперативного доступа к различным видам информации, являющейся востребованной для проведения разнообразных исследовательских работ, и быстрая ее обработка открывают новые возможности для ученых-филологов. Ресурсами, позволяющими проводить исследования, посредством отбора информации, маркированной специальным образом, стали языковые корпуса. С их появлением расширились возможности работы с речевыми произведениями, в особое направление выделилась так называемая корпусная лингвистика – раздел языкознания, занимающийся теорией и практикой разработки и использования корпусов текстов. Выделяются три наиболее крупных направления использования корпусов: филологические исследования, прикладные виды работ, учебный процесс. Качество языкового корпуса определяется двумя его составляющими: объемом массива данных и разнообразием разметки.

В. П. Захаров под лингвистическим или языковым корпусом текстов понимает большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач [Захаров, 2005: 23].

Создатели Национального корпуса русского языка определяют корпус следующим образом: «Корпус – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на некотором языке в электронной форме. Национальный корпус представляет данный язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п.» [Цит. по Национальный корпус русского языка].

Как целостный инструмент лингвистических исследований, корпус имеет две основных составляющих, а именно:

- непосредственно массив данных (текстов);
- корпусный менеджер (специализированная поисковая система), которая и производит производство отбор необходимых исследователю единиц из всего массива данных на основании разметки (аннотации).

Лингвистическая разметка подразумевает присвоение словам особых кодов. Каждому коду соответствует определенный набор грамматических признаков, характеризующих данное слово. Коды также известны как тэги (от англ. tag – ярлык, метка), а сам процесс приписывания словам тэгов, соответственно, имеет название тэггинг (от англ. tagging). [Захаров, 2005]. Чем богаче и разнообразнее разметка, тем выше научная и учебная ценность корпуса. В настоящее время условно выделяются следующие виды разметки, которые может содержать корпус: лингвистические и экстралингвистические, такие

как особенности форматирования текста; сведения об авторе (имя, возраст, пол, годы жизни и т. д.) и тексте (название, язык, на котором он написан, год, место издания и т. д.).

Среди лингвистических типов разметки выделяют следующие.

- Морфологическая (включает признак части речи, признаки грамматических категорий, свойственных этой части речи).
- Синтаксическая (является результатом синтаксического анализа).
- Семантическая.
- Анафорическая.
- Просодическая (в корпусах затранскрибированной звучащей речи применяются метки, описывающие ударение и интонацию).

В Национальном корпусе можно осуществлять поиск на представительной выборке текстов XVIII–XXI вв., используя морфологические и семантические параметры и богатую систему жанровых и функциональных признаков текста. Хельсинкский аннотированный корпус (ХАНКО) лучше подходит для целей преподавания, поскольку содержит более качественное и традиционное аннотирование [Копотев, 2008: 13–16].

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) www.ruscorpora.ru

Ресурс является крупнейшим сбалансированным корпусом русского языка, сопоставимым с национальными корпусами других языков. Коллекция включает как письменные тексты, так и расшифрованные записи устной речи. Лингвистическая разметка включает морфологическую, синтаксическую и семантическую аннотацию. Примерно 4 % (около 6 млн слов) от общего объема корпуса составляет подкорпус со снятой омонимией. В настоящее время работа над корпусом продолжается.

Состав корпуса	1) различные жанры 18–21 вв. 2) диалектический корпус 3) поэтический корпус 4) корпус разговорной речи
Объем корпуса	около 150 млн слов

Типы разметки

Морфологическая	автоматическая + частично ручная
Словообразовательная	+
Синтаксическая	+
Семантическая	+

Типы поиска

По форме слова	+
По лемме	+
По нескольким словам	+
По грамматическим приз.	+
По семантическим признакам	+
По пунктуационным знакам	+

Как используется корпус в лингвистических исследованиях?

М. В. Копотев и А. Мустайоки приводят 12 примеров использования корпуса в различных сферах: от исследования и преподавания до решения задач судебной лингвистической экспертизы.

1. Использование корпусов в грамматических и лексикологических исследованиях, что стало уже обычным в современной исследовательской практике.
2. Частотные списки и списки ключевых слов активно создавались и использовались задолго до создания современных электронных корпусов. Эти исследования в большинстве случаев представляли частотные характеристики лексем (точнее, лемм).
3. Исследование коллокаций (то есть сочетаний лексем).
4. Исследование нормы / узуса.
5. Корпусные методы с самого возникновения активно использовались в социолингвистических исследованиях.
6. Создание и изучение корпусов устной речи. Так, в крупнейшие национальные корпуса (BNC, НКРЯ и др.) включены транскрипты записей устной речи.
7. Корпусная лингвистика с самого своего возникновения была тесно связана с преподаванием языка в иностранной аудитории.
8. Относительно новой областью является создание корпусов ученических текстов, которые позволяют классифицировать типы ошибок и учитывать их в процессе преподавания. Сведения такого рода учитываются в некоторых из указанных выше англоязычных учебных словарях.
9. Тесно связанным с различными педагогическими задачами, однако имеющим и собственно лингвистическое значение является создание многоязычных параллельных корпусов.
10. Наличие электронных текстов, принадлежащих одному автору, дает возможность расширить круг задач, традиционно решаемых стилистикой и авторской стилеметрией.

11. Еще одна задача, которая успешно решается с помощью корпусных методов, – это установление плагиата и скрытого цитирования
12. Наконец, корпусные методы применяются для решения задач судебно-лингвистической экспертизы [Копотев, 2008].

Таким образом, основное предназначение корпуса – поиск и отбор языкового материала, соответствующего запросам исследователя, для последующего проведения его лингвистического анализа.

Как использовать корпус при проведении лингвистической экспертизы?

Способы поиска в корпусе:

Поиск по лемме:

По словоформе:

Поиск по грамматическим признакам, присущим искомой единице:

Грамматические признаки - Google Chrome

ruscorporpora.ru/reqgrm.html

Часть речи ☐ существительное ☐ прилагательное ☐ числительное ☐ числ-прил ☒ <u>глагол</u> ☐ наречие ☐ предикатив ☐ вводное слово ☐ мест-сущ ☐ мест-прил ☐ мест-предикатив ☐ местоименное наречие ☐ предлог ☐ союз ☐ частица ☐ междометие	Падеж ☐ именительный ☐ звательный* ☐ родительный ☐ родительный 2 ☐ дательный ☐ винительный ☐ винительный 2* ☐ творительный ☐ предложный ☐ предложный 2 ☐ счётная форма	Наклонение / Форма ☒ <u>изъявительное</u> ☐ повелительное ☐ повелительное 2 ☐ инфинитив ☐ причастие ☐ деепричастие	Степень / Краткость ☐ сравнительная ☐ сравнительная 2 ☐ превосходная ☐ полная форма ☐ краткая форма
		Время ☐ настоящее ☐ будущее ☐ прошедшее	Переходность ☐ переходный* ☐ непереходный*
Имена собственные ☐ фамилия ☐ имя ☐ отчество	Число ☐ единственное ☒ множественное	Лицо ☐ первое ☐ второе ☒ <u>третье</u>	Прочее ☐ цифровая запись ☐ аномальная форма* ☐ искажённая форма* ☐ инициал* ☐ сокращение* ☐ несклоняемое* ☐ топоним**
	Род ☐ мужской ☐ женский ☐ средний ☐ общий*	Залог ☐ действительный ☐ страдательный ☐ медиальный	
	Одушевленность ☐ одушевленное ☐ неодушевленное	Вид ☐ совершенный ☐ несовершенный	

OK Очистить Отмена

* - только в корпусе со снятой омонимией
 ** - только в корпусе с неснятой омонимией

Поиск по семантическим признакам, присущим искомой единице:

Семант. признаки ? [выбрать](#)

1-е знач. др. знач. фильтр 1 фильтр 2 ?

Семант. признаки ? [выбрать](#)

1-е знач. др. знач. фильтр 1 фильтр 2 ?

Предметные имена

Такономия	Мереология	Топология
☐ лица в том числе: <ul style="list-style-type: none"> ☐ этнонимы ☐ имена родства ☐ сверхъестественные существа 	☐ части в том числе: <ul style="list-style-type: none"> ☐ части тела и органы человека ☐ части тела и органы животных ☐ части растений ☐ части зданий и сооружений ☐ части приспособлений в том числе: <ul style="list-style-type: none"> ☐ части инструментов ☐ части механизмов и приборов ☐ части транспортных средств ☐ части оружия ☐ части музыкальных инструментов ☐ части предметов мебели ☐ части предметов посуды ☐ части одежды и обуви 	☐ вместилища ☐ горизонтальные поверхности
☐ животные ☐ растения ☐ вещества и материалы ☐ пространство и место ☐ здания и сооружения ☐ инструменты и приспособления в том числе: <ul style="list-style-type: none"> ☐ инструменты ☐ механизмы и приборы ☐ транспортные средства ☐ оружие ☐ музыкальные инструменты ☐ мебель ☐ посуда ☐ одежда и обувь 	☐ кванты и порции веществ ☐ множества и совокупности объектов ☐ имена классов	☐ Оценка в том числе: <ul style="list-style-type: none"> ☐ положительная ☐ отрицательная
☐ еда и напитки ☐ тексты		Словообразование <ul style="list-style-type: none"> ☐ диминутивы ☐ аугментативы ☐ сингулятивы ☐ nomina agentis ☐ nomina feminina
<input type="button" value="OK"/> <input type="button" value="Очистить"/> <input type="button" value="Отмена"/>		

Поиск в текстах определенного типа:

 институт лингвистической экспертизы
 РАЗСКОГО
 ЯЗЫКА

Главная Основной корпус

основная Поиск точных форм

- корпус Слово или фраза

- безразличия

- типичности

Выбор подкорпуса

Вы можете задать подмножество корпуса, по которому в дальнейшем будет вестись поиск. Подробнее о параметрах текста см. в разделе «[Параметры текста](#)».

Омонимия

Только тексты со снятой грамматической омонимией ?
 Только тексты с неснятой грамматической омонимией

Основные параметры текста ?

Название
 Автор текста
 Пол: любой мужской женский
 Год рождения: от до Точное вхождение
 Год создания: от до Точное вхождение

Версии

Дата добавления документа: с самого начала ▼ по текущий момент ▼
 Дата изменения документа: с самого начала ▼ по текущий момент ▼

Жанр и тип текста ?

1. Художественные тексты

Жанр текста [выбрать](#)

 Тип текста [выбрать](#)

 Место и время описываемых событий [выбрать](#)

2. Нехудожественные тексты

Сфера функционирования [выбрать](#)

 Тип текста [выбрать](#)

Примеры анализа

Ресурсы корпуса способствуют решению следующих общих задач:

- 1) определение функциональных особенностей единицы (части слова, слова, словосочетания, предложения);
- 2) определение семантических особенностей единицы (слова, словосочетания, предложения);
- 3) определение стилистических особенностей единицы (слова, словосочетания, предложения).

Задача 1. Определение наличия/отсутствия побуждения в тексте

Текст:

*Твари чтоб вас нах** в Сочи взорвали к х**м
 собачим в Сочи надо теракты делать КАЖДЫЙ
 ДЕНЬ а не в Волгограде.....Путин ты слышишь
 чмо!ты взлетишь на воздух вместе со своими
 еб**ми спортсменами из еб***ой россии.....мрази
 сдохнете как шавки!*

Побудительная информация – информация, в которой содержится побудительный компонент. При побуждении говорящий изъявляет свою волю адресату, склоняя его к преобразованию нереального положения дел в реальное.

Речевая категория побуждения предполагает, что говорящий изъявляет свою волю адресату, склоняет его к преобразованию нереального положения дел в реальное. Побуждение может быть реализовано посредством разных речевых жанров: призыва, приказа, инструкции, рекомендации, просьбы, мольбы, угрозы и др.

Способы реализации побуждения могут быть прямыми и косвенными. К первой группе относятся повествовательные предложения изъявительно-го наклонения с перформативными глаголами (см. *Приказываю тебе уйти!*) и побудительные предложения, содержащие в себе глаголы в форме повелительного наклонения (см. *Убирайся!*). Во вторую группу входят косвенные утвердительные и вопросительные высказывания, в которых побуждение выражено, например, сочетанием модальных предикативов и модальных глаголов с зависимым инфинитивом, содержится в семантике слов и пр.

Инфинитивные конструкции с безличным предикатом обладают двойственной природой, они поддаются двоякой интерпретации: дескриптивной и прескриптивной. «В первом случае предоставляется информация о модальности (дескрипция), во втором – высказывание включается в план взаимодействия говорящего и адресата. Адресат при этом не всегда «материализован» в тексте – чаще всего он лишь «прогнозируется» автором текста» [Туровская, 1997: 190]. Иными словами, говорящий, с одной стороны, употребляя конструкцию типа *надо + inf*, сообщает свою оценку о необходимости, желательности совершения названного действия, с другой стороны, подобная конструкция может включаться в систему императивных жанров и нести в себе побудительный компонент.

Для определения того, какой компонент актуализируется в данном конкретном случае и для подбора доказательной базы следует проанализировать особенности функционирования единицы *надо + инфинитив* в речи.

С этой целью следует воспользоваться данными Национального корпуса русского языка.

Формулировка запроса к корпусу

Чтобы составить запрос к корпусу, следует предварительно описать параметры искомой единицы.

В нашем случае неизменным, с точки зрения плана содержания и плана выражения, будет компонент «надо», следовательно, в запрос он будет включен в исконном виде: в разделе «лексико-грамматический поиск» в поисковую строку вводим слово «надо».

Второй компонент конструкции – глагол «делать» в форме инфинитива. Значимым для данного компонента будут именно грамматические характеристики, а не семантические, следовательно, во вторую поисковую строку мы не вводим слова, а задаем только грамматические параметры: *глагол, инфинитив*. При этом следует учесть, что между данными элементами в предложении способны размещаться иные члены предложения (см. «надо нам делать», «надо хорошо делать», «надо очень быстро сейчас это сделать») – таким образом, расстояние между искомым компонентами может быть > 1 единицы. С учетом такой вероятности следует выставить расстояние между элементами запроса в 4 единицы. В результате запрос примет следующий вид:

Лексико-грамматический поиск

Слово ? A B V
надо

Грамм. признаки ? выбрать

Доп. признаки ? выбрать

Словообразование выбрать

Расстояние: от 1 до 4

Слово ? A B V
V.inf

Грамм. признаки ? выбрать

Доп. признаки ? выбрать

Словообразование выбрать

искать | очистить

Анализ полученных контекстов (Найдено 24 473 документа, 166 267 вхождений.) позволяет сделать следующие наблюдения: в случаях, когда адресат определен, интенция говорящего обращена непосредственно к нему, актуализируется именно прескрипционный, директивный компонент. Например, начальник, обращаясь к подчиненному, говорит: «Работу надо сделать к понедельнику, а не к среде». Очевидно, что в этом случае речь идет о побуждении к действию. В случае, когда явный адресат отсутствует, высказывание обращено в «пустоту», императивная функция высказывания нивелируется по причине отсутствия субъекта желаемого действия и остается только оптативный компонент. Значение оптативности актуализируется в оптативной ситуации. «Оптативные ситуации представляют собой ту разновидность модальных ситуаций, которые включают в себя: 1) модальность желания; 2) субъект модальности желания (кореферентный говорящему); 3) желаемое действие; 4) субъект желаемого действия, как одушевленный, так и неодушевленный» [Шустова, 2006: 99]. В рассматриваемом высказывании модальность желания актуализируется говорящим посредством безличного предиката «надо», субъектом модальности желания является говорящий: именно он считает необходимым, желательным осуществление называемых действий; в качестве желаемых действий обозначены «террористические акты»; субъект желаемого действия не определен говорящим.

Высказывания типа *надо+action1*, а не *action2* содержат две пропозиции, два положения дел. Например:

А). *По мнению лидера ЦСКА Даниэля Карвальо, одной из главных причин неудачи его команды в Бухаресте стало состояние поля, которое полузащитник назвал болотом. При этом бразилец сообщил, что у румын армейцы выиграть были просто обязаны. Зажрался Карвальо – Выгонять его пора! **Играть надо, а не ныть**, что там поле дерьмовое или бури там магнитные! Кони они и есть кони! Зенит с Локо Плохо сыграли этот чемпионат, так они теперь стараются на международной орене хорошо выступить, честь и хвала им за это!*¹

Б). *От тех людей и дел, которые составляли величие России, остались кости и воспоминания. Что, кости великие? Это то же самое, что гордиться издыхающей клячей, потому что ее дедушкой был выигравший эпсомское Дерби жеребец. Тут плакать надо, а не гордиться. – Нет, нет, нет, нет... – забормотал Петр Ильич, с каждым «нет» все ниже опуская ослабевающую голову.*

В приведенных примерах используется модель *надо+action1*, а не *action2* (выделено полужирным). Где *action2* – реальное положение дел, оно осуществилось или осуществляется на момент речи (*нытье, чувство гордости*), а *action1* (*хорошая игра, плач*) – положение дел, осуществление которого видится говорящему целесообразным, желательным, более предпочтительным, по сравнению с реальным положением дел, о чем он и заявляет. Высказывание в Сочи *теракты надо делать КАЖДЫЙ ДЕНЬ а не в Волгограде* является авторской оценкой существующего положения дел. В отсутствие конкретного адресата прескрипционная семантика нивелируется, и на первый план выходит оценочно-оптативный компонент высказывания: осуществленное положение дел не является «правильным», с точки зрения автора высказывания, а правильное положение дел должно быть иным (указывается, каким).

Задача 2. Определить значение оборота гнать на в контексте «Гонят на русских, и борзуют, на центральной площади Центрального рынка. <...> Ходят по рынку и намеренно провоцируют русских людей, оскорбляют нашу русскую нацию, и наш русский менталитет»

Словарные данные не дают ответа на поставленный вопрос, поскольку содержащиеся в словаре обороты имеют иную грамматическую структуру: *гнать + существительное в винительном падеже без предлога*, нежели исходное выражение *гнать + предлог «на» + существительное в форме родительного падежа*.

¹ Здесь и далее иллюстративный материал представлен контекстами Национального корпуса русского языка.

<p>ГЛОТ — 1. Крикнуть. 2. Ожгора.</p> <p>ГЛОТАРЬ — то же, что ГЛАТОКЕША (см.).</p> <p>ГЛОТАТЬ — совершать минет.</p> <p>ГЛОТАТЬ ВЕРЕВКУ (КОЛЕСА) — принимать наркотики (в т. ч. наркотические таблетки).</p> <p>ГЛОТАТЬ ЖИВЧИКОВ — совершать минет.</p> <p>ГЛОТКУ СМАЗАТЬ — выпить спиртное.</p> <p>ГЛОТНИЧАТЬ — 1. Кричать, скан-</p>	<p>ГНАТЬ — 1. Притворяться, симулировать. 2. Передавать. 3. Воровать. 4. Бежать, убегать.</p> <p>ГНАТЬ БЕСА (ГУСЕЙ) — 1. Симулировать психическое заболевание, сумасшествие. 2. Лгать, выкручиваться.</p> <p>ГНАТЬ ГАММУ (ПОДЛИВУ) — 1. Фантазировать, присочинять. 2. Лгать, обманывать.</p> <p>ГНАТЬ ДУРУ — 1. Угрожать оружием. 2. Обманывать.</p>	
57	СЛОВАРЬ	Г
<p>ГНАТЬ КОСЯКА — см.: ПРОГНАТЬ КОСЯКА.</p> <p>ГНАТЬ ЛАЖУ — см.: ЛАЖУ ГНАТЬ.</p> <p>ГНАТЬ МАЙДАН — 1. Играть в карты во время ж. д. поездки (о поездном шулере). 2. Ехать поездом.</p> <p>ГНАТЬ (ГОНЯТЬ) МАРКУ (КОРОВКУ, ЖЕЛЕЗКУ) — совершать карманные кражи в общественном транспорте.</p> <p>ГНАТЬ ПОГАНКУ — делать кому-либо неприятности.</p> <p>ГНАТЬ (ГОНЯТЬ) ПОРОЖНЯК — 1. Лгать, обманывать. 2. Вести несерьезный разговор, болтать. 3. Говорить на воровском жаргоне.</p> <p>ГНАТЬ ПРОГОНЫ — см.: ПРОГОНЫ ГНАТЬ.</p> <p>ГНАТЬ ПУРГУ (ТУФТУ, ТУХТУ) — обманывать, лгать, притворяться.</p> <p>ГНАТЬ (ГОНЯТЬ) РОТОР — симулировать психическое заболевание.</p> <p>ГНАТЬ ТЮЛКУ — то же, что ГНАТЬ ПОРОЖНЯК (см.).</p> <p>ГНАТЬ ФУФЛО — 1. Лгать, обманывать. 2. Обещать, сулить что-либо невыполнимое.</p> <p>ГНАТЬ (ГОНЯТЬ) ШАРЫ — 1. Собирать компрометирующие материалы, сведения. 2. Выдавать, доносить.</p>	<p>ГНИЛУШКИ — 1. Мозг. 2. Рассудок, ум.</p> <p>ГНИЛЬ — 1. Вольнонаемный сотрудник ИТУ, хорошо знающий мир блатных (см.). 2. Сотрудник ИТУ, берущий взятки за услуги заключенным. 3. Спирт.</p> <p>ГНУС — 1. Мелкий ворюшка. 2. (презр.) Пустой, никчемный, беспотолковый человек.</p> <p>ГНУТКИ — модные женские сапожки.</p> <p>ГНУТЬ, ГНУТЬ ДУГУ — 1. Лгать, обманывать. 2. Давать ложные показания.</p> <p>ГНУТЬ ОСИНУ — работать на главаря группировки.</p> <p>ГОА (ин.) — женщина.</p> <p>ГОВЗБИТЬ — совершать половой акт.</p> <p>ГОВЕТЬ — сидеть в карцере.</p> <p>ГОВНОЕД — 1. Опустившийся, презираемый заключенный. 2. Жадный, скряга.</p> <p>ГОВНОМЕС — активный гомосексуалист.</p> <p>ГОВОРИЛЬНЯ — собрание, лекция.</p> <p>ГОВОРИТЬ МАЯКОМ (СВЕТОМ) — переговариваться с помощью условных знаков, жестов.</p> <p>ГОВР (ин.) — могила.</p> <p>ГОГАРЬ — содержатель воровского притона.</p> <p>ГОДУХА — возраст человека.</p> <p>ГОДЯРА — год.</p>	

Следовательно, для выяснения значения оборота необходимо проанализировать контексты, в которых функционирует именно такой вариант. Параметрический анализ компонентов, составляющих оборот, позволяет нам построить следующий запрос:

Компонент выражения	Грамматические признаки компонента	Семантические признаки компонента
<i>Гонят</i>	Глагол в форме 3 лица, множественного числа	—
<i>на</i>	Предлог	—
<i>русских</i>	Существительное в форме родительного падежа, одушевленное	Наименование лица

Чтобы получить больше контекстов для анализа, следует, по возможности, задать такие критерии, которые бы, с одной стороны, соответствовали параметрам компонентов, а с другой, позволяли бы получить максимально возможное число контекстов. Так, форма глагола в исследуемом случае не имеет принципиального значения (*гонит на русских, гонят на русских, гнать на русских, гонц на русских*), поэтому можно не ограничивать поиск конкретными глагольными формами, указав лишь, что первым словом в искомой единице должен быть глагол «гнать».

Вторым словом является предлог «на», следовательно, необходимо указать во второй поисковой строке, что искомое слово «на» является предлогом, а не, например, усеченной формой вводного слова «на х*й» (*ты гонишь, на...*).

Третьим словом в искомом выражении является одушевленное существительное в форме родительного падежа со значением лица. Грамматические параметры (частеречная принадлежность, падежная форма, одушевленность) задаются в разделе «грамматические признаки»; семантические параметры (наименование лица) задаются в разделе «семантические признаки».

При отборе важно также учесть вероятные модификации выражения в позиционном аспекте: так, между глаголом и предлогом может, например, стоять наречие (*гонит по беспонту на меня*), в этом случае расстояние между глаголом и предлогом будет > 1 единицы. Поэтому расстояние между словами имеет смысл увеличить (см. рис. 10.1).

The screenshot shows a web-based search interface titled "Лексико-грамматический поиск". It contains three identical search rows. Each row has the following fields:

- Слово:** A text input field containing the word "на".
- Грамм. признаки:** A dropdown menu with "V" selected.
- Семант. признаки:** A dropdown menu with "Предлог" selected.
- Доп. признаки:** A dropdown menu with "Выбрать" selected.
- Словообразование:** A dropdown menu with "Выбрать" selected.
- Расстояние:** A range selector set from 1 to 2.
- Filters:** A row of checkboxes for "1-4 знак", "др. знак", "фильтр 1", and "фильтр 2".

At the bottom left of the interface, there are links for "История" and "Выход".

Результат поиска по заданным критериям:

Результаты поиска в основном корпусе

Объем всего корпуса: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов.

гнать V
на расстоянии от 1 до 2 от на PR
на расстоянии 1 от S:gen,anim & S :r:concr & (t:hum | t:hum:etn | t:hum:kin | t:hum:supernat) r:concr & (t:hum | t:hum:etn | t:hum:kin | t:hum:supernat)

Найдено 12 документов, 13 вхождений.

[Распределение по годам](#) [Статистика](#)

Поискать в других корпусах: [акцентологическом](#), [газетном](#), [диалектном](#), [культурологическом](#), [образовательном](#), [параллельном](#), [поэтическом](#), [синтаксическом](#), [устном](#).

Страницы: 1 2 [следующая страница](#)

1. [Алексей Иванов. Комьянити \(2012\)](#) [омонимия не снята] [Все примеры \(1\)](#)
Ультразвуковые пушки, чтобы **гнать** на врага почтища чуждых крас. [Алексей Иванов. Комьянити (2012) [омонимия не снята] ...]
2. [Дмитрий Виноградов. Родители поневоле // «Русский репортер», № 15 \(143\), 22-29 апреля 2010, 2010](#) [омонимия не снята] [Все примеры \(1\)](#)
И вдруг слышу, как Татьяна Юрьевна начинает **гнать** волну на отца Павла. [Дмитрий Виноградов. Родители поневоле // «Русский репортер», № 15 (143), 22-29 апреля 2010, 2010] [омонимия не снята]
3. [коллективный. Форум: Хенде Хох, Гитлер Капут \(2008-2009\)](#) [омонимия не снята] [Все примеры \(1\)](#)
[r:yuoda, nick] Если не понимаете сказанного — не **гоните** на человека. [коллективный. Форум: Хенде Хох, Гитлер Капут (2008-2009) [омонимия не снята] ...]
4. [Д. И. Саврасов. Таежные были и небылны \(2003-2008\)](#) [омонимия не снята] [Все примеры \(1\)](#)
Трое загонщиков с кастриками, сквородками, ведрами устранили с какого-либо боку плавней шум и **гнали** зайцев на стрелков. [Д. И. Саврасов. Таежные были и небылны (2003-2008)]
5. [Автогонк-1 \(форум\) \(2005\)](#) [омонимия не снята] [Все примеры \(1\)](#)
ЗЫ: и нечего просто **гнать** на шинников, почему то в остальных командах бригдах проблем было мизер, что называется норма для сезона: {} [Автогонк-1 (форум) (2005) [омонимия не снята] ...]
6. [Юрий Азаров. Ползороваемый \(2002\)](#) [омонимия не снята] [Все примеры \(1\)](#)
Много дней спустя я понял, что в ней жила удивительная способность выключать где-то внутри себя какие-то тайные фары и **гнать** на собеседника потоки небесного света, дабы [Юрий Азаров. Ползороваемый (2002) [омонимия не снята] ...]

И вдруг слышу, как Татьяна Юрьевна начинает **гнать** волну на отца Павла: [Дмитрий Виноградов. Родители поневоле // «Русский репортер», № 15 (143), 22–29 апреля 2010, 2010]

С детства не люблю такое кино – слишком много смерти и насилия для меня. [r:yuoda, nick] **Не гоните на Тему**. Если не понимаете сказанного – **не гоните на человека**. [коллективный. Форум: Хенде Хох, Гитлер Капут (2008–2009)] [омонимия не снята] ←...→

Артемка в ответ **гнал** на тестя контрреволюцию, называл его «семеновцем», «карателем» и «кровососом». [Андрей Геласимов. Разгуляевка (2008)] [омонимия не снята]

и нечего просто **гнать** на шинников, почему то в остальных командах бригдах проблем было мизер, что называется норма для сезона: {} [Автогонк-1 (форум) (2005)].

Прости, Вован. **Не гони на меня** понапрасну телегу. У меня про ефрейтора как-то случайно вырвалось. [Александр Логинов. Мираж (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.12.21].

В результате анализа полученных данных можно сделать следующие наблюдения: оборот не является окказиональным, употребляется в современной речи, имеет значение: **предъявлять претензии, высказывать недовольство кому-либо.**

Задача 3. Определить жанр представленного на исследование текста, а именно: относится ли текст к таким жанрам официально-делового стиля, как приказ, предписание или распоряжение.

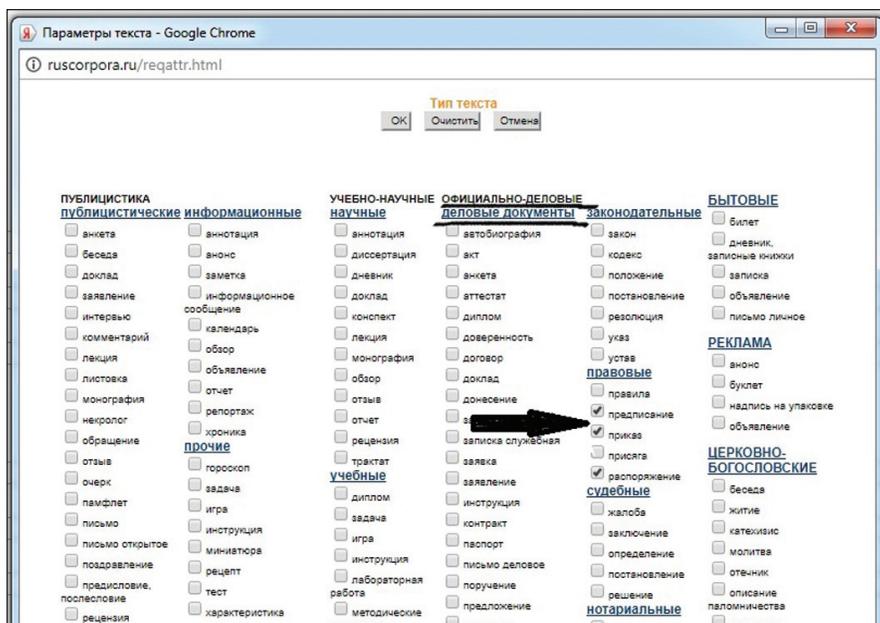
Решение данной задачи с опорой на языковой материал предполагает отбор и анализ текстов соответствующего стиля и соответствующих жанров для выявления их типологических черт с последующем сравнением с таковыми у представленного на исследование объекта.

Для решения такой задачи следует ограничить круг поиска только текстами соответствующего стиля и соответствующих жанров. Для этого требуется задать подкорпус, в котором впоследствии будет осуществлен поиск необходимых контекстов:

1. Перейти в раздел «Задать подкорпус»:

2. Выбрать нужные типы текста:

Результат отбора будет представлен в следующем виде:

Сохранить подкорпус и перейти к странице поиска

Страницы: [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [следующая страница](#)

1. [О выделении средств \(2003\)](#) [омонимия снята]
2. [О всероссийском конкурсе «Лидер в образовании – 2004» \(2002\)](#) [омонимия снята]
3. [Приказ \(2002\)](#) [омонимия снята]
4. [Михаил Касьянов. Аффилированные лица \(2000\)](#) [омонимия снята]
5. [Михаил Задорнов. Приказ министра финансов РФ Об утверждении положения по бухгалтерскому учету \(1998\)](#) [омонимия снята]
6. [О всероссийском конкурсе «Лидер в образовании – 2004» \(2004\)](#) [омонимия не снята]
7. [О подготовке автотранспорта к техосмотру \(2004\)](#) [омонимия не снята]
8. [Об учете результатов единого государственного экзамена \(2004\)](#) [омонимия не снята]
9. [О предоставлении грантов Мэра Москвы \(2003\)](#) [омонимия не снята]
10. [О техническом надзоре за строительством \(2003\)](#) [омонимия не снята]
11. [Приказ о незаконном сборе средств \(2003\)](#) [омонимия не снята]
12. [Приказ о переводе на бюджетную форму \(2003\)](#) [омонимия не снята]
13. [Приказ об увольнении \(2003\)](#) [омонимия не снята]
14. [Приказ – Инструкция \(2003\)](#) [омонимия не снята]
15. [Судебный приказ \(2003\)](#) [омонимия не снята]

К сожалению, механизмы Национального корпуса русского языка не позволяют обращаться к полным текстам документов, поэтому после сохранения подкорпуса мы вновь попадаем на страницу поиска:

 НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС
РУССКОГО
ЯЗЫКА

Результаты поиска в основном корпусе

Объем всего корпуса: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов.

Найдено 262 документа общим объемом 68 481 предложение, 781 097 слов.

Сохранить подкорпус и перейти к странице поиска

Страницы: [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [следующая страница](#)

Таким образом, дальнейший поиск будет проводиться в текстах приказов, распоряжений, предписаний. Чтобы получить языковой материал для сравнительного анализа, нужно задать такой параметр поиска, которому будет соответствовать каждый текст приказа, распоряжения, предписания, содержащийся в заданном подкорпусе. Например, в каждом тексте, скорее всего,

присутствуют существительные, поэтому, чтобы получить доступ к самим текстам, следует задать именно такой параметр поиска.

Часть речи	Падеж	Наклонение / Форма	Степень / Краткость
☒ существительное	☐ именительный	☐ изъявительное	☐ сравнительная
☐ прилагательное	☐ звательный*	☐ повелительное	☐ сравнительная 2
☐ числительное	☐ родительный	☐ повелительное 2	☐ превосходная
☐ числ-прил	☐ родительный 2	☐ инфинитив	☐ полная форма
☐ глагол	☐ дательный	☐ причастие	☐ краткая форма
☐ наречие	☐ винительный	☐ деепричастие	
☐ предикатив	☐ винительный 2*		
☐ вводное слово	☐ творительный		
☐ мест-сущ	☐ предложный	Время	Переходность
☐ мест-прил	☐ предложный 2	☐ настоящее	☐ переходный*
☐ мест-предикатив	☐ счётная форма	☐ будущее	☐ непереходный*
☐ местоименное наречие		☐ прошедшее	

После чего можно получить достаточно полные фрагменты текстов приказов, распоряжений, предписаний (262 документа).

Результаты поиска в основном корпусе

Объем всего корпуса: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов.

Поиск ведётся по пользовательскому подкорпусу объемом 262 документа, 68 481 предложение, 781 097 слов.

S

Найдено 262 документа, 359 324 вхождения.

Это позволит провести их стилистический анализ, выявить типовые черты, сравнить с таковыми в исследуемом тексте, подкрепить сделанные наблюдения иллюстративным материалом.

2. О всероссийском конкурсе «Лидер в образовании – 2004» (2002) [поискные сита] [Все примеры \(11\)](#)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (МИНОБРАЗОВАНИЕ РОССИИ) ПРИКАЗ [O всероссийский конкурс «Лидер в образовании – 2004» (2002)] [поискные сита] ----
 МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (МИНОБРАЗОВАНИЕ РОССИИ) ПРИКАЗ [O всероссийский конкурс «Лидер в образовании – 2004» (2002)] [поискные сита] ----
 (МИНОБРАЗОВАНИЕ РОССИИ) ПРИКАЗ 24. 02. 2004 Москва № 836 [O всероссийский конкурс «Лидер в образовании – 2004» (2002)] [поискные сита] ----
 ПРИКАЗ 24. 02. 2004 Москва № 836 О всероссийском конкурсе "Лидер в образовании— 2004" [O всероссийский конкурс «Лидер в образовании – 2004» (2002)] [поискные сита] ----
 О всероссийском конкурсе «Лидер в образовании— 2004» [O всероссийский конкурс «Лидер в образовании – 2004» (2002)] [поискные сита] ----
 В целях выявления и изучения новых направлений теории и практики управления в области образования, поддержки инновационных разработок и технологий, способствующих развитию [O всероссийский конкурс «Лидер в образовании— 2004» (2002)] [поискные сита] ----
 Объявить по согласованию с ЦК профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации "Учительской газетой" Всероссийский конкурс "Лидер образования 2004" (далее [O всероссийский конкурс «Лидер в образовании— 2004» (2002)] [поискные сита] ----
 Утвердить по согласованию с ЦК профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации "Учительской газетой" состав всероссийского оргкомитета Конкурса (приказ [O всероссийский конкурс «Лидер в образовании— 2004» (2002)] [поискные сита] ----
 Опубликовать в журнале "Лидеры образования" состав всероссийского оргкомитета Конкурса. [O всероссийский конкурс «Лидер в образовании – 2004» (2002)] [поискные сита] ----
 Контроль за исполнением настоящего приказа оставляю за собой. [O всероссийский конкурс «Лидер в образовании – 2004» (2002)] [поискные сита] ----

3. Иванов (2003). Семантический анализ. М.: КомКнига (18)

Алгоритм действий по использованию Национального корпуса русского языка

- Определить границы единицы в исследуемом тексте, анализ функционирования которой в речи является целью исследователя.
- Параметризовать единицу: определить значимые для составления запроса к корпусу особенности единицы в аспекте грамматики, словообразования, синтаксиса, семантики.
- Задать в поисковом разделе корпуса необходимые параметры.
- При необходимости ограничить сферу функционирования единицы временными, стилистическими, авторскими, гендерными и другими рамками, задав соответствующий подкорпус.
- Получить ответ в виде множества контекстов употребления искомой единицы.
- Отсеять контексты, не соответствующие запросу.
- Проанализировать контексты, соответствующие запросу.
- Использовать полученные контексты в качестве иллюстративного материала.

3.2.10. Анализ средств звучания в семантических исследованиях

При исследовании звучащего (устного) текста большое значение имеет учет средств звучания, поскольку указанные средства играют важную роль при формировании смысла такого текста. Наибольшее значение среди таких средств имеет интонация. Е. А. Брызгунова выделила в русском языке семь типов интонационных конструкций (ИК): моделей, типов соотношения тона, тембра, интенсивности и длительности звучащей речи, способных противопоставить смысловые различия высказываний с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом.

Каждая конструкция реализует то или иное коммуникативное значение (см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Нейтральные реализации интонационных конструкций русского языка¹

ИК	Краткая характеристика	Значение
ИК-1	На гласном центра нисходящий тон ниже уровня предцентра, уровень тона постцентра ниже предцентра.	Выражает собственно завершенность, в которой отсутствует смысловое противопоставление или сопоставление.

¹ См. подробнее: Русская грамматика. Т. 1. – М., 1980. – § 164–170.

Продолжение таблицы 1

ИК	Краткая характеристика	Значение
ИК-2	На гласном центра усиление словесного ударения, нисходящий тон в пределах уровня предцентра или ниже; постцентр ниже предцентра.	Употребляется при вопросе, повествовании и волеизъявлении (выражении требования, приказания, желания, досады).
ИК-3	На гласном центра восходящий тон выше уровня предцентра, уровень постцентра ниже предцентра.	Употребляется при вопросе, повествовании, волеизъявлении. Также употребляется при собственно вопросе, при повторении вопроса (в ответе), переопросе, также широко употребляется для выражения высокой степени проявления признака, служит средством усиления возражения или категоричности утверждения в предложениях с частицами соответствующих значений. При волеизъявлении ИК-3 служит средством выражения просьбы в отличие от требования.
ИК-4	На гласном центра нисходяще-восходящий тон, уровень постцентра выше предцентра.	Употребляется при вопросе, повествовании и волеизъявлении. ИК-4 употребляется при выражении вопроса, который связан сопоставительными отношениями с предшествующим предложением. ИК-4 усиливает оттенки недовольства и назидания, подчеркивает противопоставление, категоричность утверждения, удивление, вызов.
ИК-5	Два центра; на гласном первого центра восходящий тон, на гласном второго – нисходящий.	При повествовании служит средством выражения высокой степени проявления признака. При волеизъявлении усиливает значение желания, сожаления, предпочтительности. В предложении с вопросительными местоименными словами служит средством выражения нетерпения, досады.

Окончание таблицы 1

ИК	Краткая характеристика	Значение
ИК-6	На гласном центра восходящий тон, уровень постцентра выше предцентра.	Употребляется при выражении высокой степени проявления признака, служит средством уточняющего пере-спроса, употребляется при выражении недоуменного вопроса.
ИК-7	На гласном центра восходящий тон, в конце – смычка голосовых связок; уровень постцентра ниже предцентра.	Употребляется в повествовании. В предложениях с местоименными словами, функционирующими как частицы, сигнализирует невозможность или отрицание. В предложениях без местоименных слов служит средством усиления отрицания, утверждения, качественной характеристики.

Таблица 2

Модальные реализации интонационных конструкций русского языка¹

ИК	Отличие от нейтральной реализации	Значение
ИК-1	Большая длительность, более высокий уровень тона гласного предцентрового слога и низкий ровный тон гласного центра и постцентральной части.	В монологической речи эта интонация передает различные оттенки несоответствия ожидаемому. В ответных репликах диалога эта интонация передает уверенность или утверждение чего-либо как неопровержимого.
	Большая длительность, более высокий уровень тона гласного предцентрового слога и нисходяще-восходящее направление тона на гласном центра; при этом гласный центра произносится ниже предцентрового слога, но выше начальных слогов конструкции.	Эта интонация активизирует внимание, подчеркивает взаимосвязанность явлений. В ответных репликах эта интонация подчеркивает несогласие или выражает утверждение в ответ на сомнение.

¹ См. подробнее: Русская грамматика. Т. 2. – М., 1980. – § 2223–2230.

Продолжение таблицы 2

ИК	Отличие от нейтральной реализации	Значение
ИК-1	Резкое увеличение длительности гласного центра (в три-четыре раза больше, чем в нейтральной реализации).	Подчеркивание, усиление.
	Разнообразные направления движения тона в предцентральной части, например резкие колебания тона.	Ирония, хвастовство.
	Регистровые различия.	Верхний регистр ИК-1 с центром в начале передает удивление.
ИК-2	Усиление одного или двух компонентов на гласном центра.	<p>Увеличение длительности гласного центра (в три-четыре раза больше нейтральной) оформляет «втолковывание». Это значение может акцентироваться усилением словесного ударения.</p> <p>Увеличение длительности гласного центра (в полтора-два раза по сравнению с нейтральной) в сочетании с ровным движением тона передает доброжелательность.</p> <p>Высокий уровень восходяще-нисходящего движения тона на гласном центра составляет особенность модальной реализации, выражающей возражение, несогласие.</p>
	Особенности движения тона в составных частях ИК-2.	Более высокий по сравнению с нейтральной реализацией уровень тона, который начинается на ударном гласном первого слога и продолжается до гласного центра, передает недо-вольство.

Продолжение таблицы 2

ИК	Отличие от нейтральной реализации	Значение
ИК-3	Особенности движения тона в центре, предцентровой и постцентровой частях.	Различные оттенки удивления.
	Особенности изменения нескольких компонентов интонации на гласном центра и предцентровой части.	<p>Усиление словесного ударения и увеличение длительности гласного (ударного и предударного) в словах, обозначающих высокую степень признака, эмоционально усиливает это значение.</p> <p>Увеличение длительности (в три-четыре раза по сравнению с нейтральной реализацией ИК-3) и ровно восходящий тон на гласном центра передает непрерывность и интенсивность действия.</p> <p>Сокращение длительности гласного, стремительное повышение тона и усиление словесного ударения гласного центра передает мгновенность и интенсивность действия.</p> <p>Увеличение фонетической самостоятельности слов за счет усиления словесного ударения или выделения ударных гласных по длительности и тону осуществляется в повествовательных предложениях эмоциональное и смысловое подчеркивание, в вопросительных – подчеркивание удивления.</p>

Окончание таблицы 2

ИК	Отличие от нейтральной реализации	Значение
ИК-4	Глубокое понижение тона на гласном центра и высокий уровень тона на постцентральной части.	В предложениях с местоименным словом эта интонация выражает удивление с оттенком недовольства, а в тех повествовательных предложениях, в которых центр ИК-4 находится на слове с качественно-характеризующим значением – вызов или недовольствие.
ИК-5	Плавный восходяще-нисходящий тон на гласном первого и второго центров.	Ирония при отрицании.
ИК-6	Различие уровня тона в центре и постцентральной части, длительности гласных центра и конечных слогов, уровня интенсивности на гласном центра.	Раздражение, недовольство.
ИК-7	ИК-7 – средство выражения разнообразных оттенков субъективного отношения говорящего к высказываемому.	Подчеркивание качественно-характеризующих значений, отрицания, утверждения, пренебрежения, добродушной снисходительности.

Одно и то же предложение в зависимости от цели высказывания может быть расчленено на разное количество синтагм, а одна и та же синтагма может быть произнесена с разными типами ИК или с разным местом интонационного центра. Взаимодействием этих средств передаются различные смысловые и эмоционально-стилистические оттенки сообщения.

Алгоритм использования метода интонационного анализа в экспертной практике

- Произвести синтагматическое членение высказывания, т. е. выделить в высказывании синтагмы.
- В каждой синтагме выделить части интонационной конструкции: предцентровую, центр и постцентровую.
- Определить количество интонационных центров в синтагме.

- Определить соотношение уровня тона в предцентральной, центре и постцентральной частях.
- Определить характер движения тона на центре (восходящий, нисходящий, восходяще-нисходящий).
- Соотнести полученный интонационный контур с моделями интонационных конструкций, выделенными Е. А. Брызгуновой и представленные в табл. 1 и 2.
- Исходя из соотношения лексического, грамматического, интонационного оформления и контекста сформулировать значение, реализуемое в высказывании.

Примеры анализа

Пример 1. Вопрос: Какое значение содержится в высказывании «*Может, по-другому как-нибудь решим вопрос?*»

В данном высказывании выделяются 2 синтагмы: *Может, по-другому / как-нибудь решим вопрос?*

В первой синтагме гласным центра является «о» в слове «по-другОму», соответственно, предцентральной частью является «Может, по-дру», а постцентральной – «му». На гласном центра восходящий тон выше уровня предцентра, уровень постцентра ниже предцентра. Следовательно, в данном случае имеет место нейтральная реализация ИК-3: *Может, по-друго³му*.

Во второй синтагме гласным центра является «о» в слове «вопрОс», вся оставшаяся часть синтагмы представляет собой предцентр. На гласном центра наблюдается усиление словесного ударения, нисходящий тон в пределах уровня предцентра. Следовательно, в данном случае имеет место нейтральная реализация ИК-2: *как-нибудь решим вопро²с?*

Учитывая указанное интонационное оформление высказывания, использованные лексические и грамматические средства, а также коммуникативную ситуацию и контекст (данное высказывание является ответной репликой водителя, нарушившего правила дорожного движения, на высказывание сотрудника ГИБДД о необходимости составления протокола о нарушении), в данном высказывании содержится ненастойчивая просьба (предложение) говорящего, адресованное слушающему, не составлять протокол, а выйти из сложившейся ситуации.

Пример 2. Вопрос: Какое значение содержится в высказывании «*Я тебя научу, как в чужую квартиру залезать*».

В данном высказывании выделяются 2 синтагмы: *Я тебя научу, / как в чужую квартиру залезать*.

В первой синтагме гласным центра является «у» в слове «научУ», соответственно, предцентральной частью является «Я тебя науч». В данной синтагме

наблюдается более высокий уровень тона, который начинается на ударном гласном первого слога и продолжается до гласного центра, а также увеличенная длительность гласного центра. Следовательно, в данном случае имеет место модальная реализация ИК-2: *Я тебя научу*².

Во второй синтагме гласным центра является «а» в слове «залезАть», вся оставшаяся часть синтагмы представляет собой предцентр. На гласном центра наблюдается усиление словесного ударения, нисходящий тон в пределах уровня предцентра. Следовательно, в данном случае имеет место нейтральная реализация ИК-2: *как в чужую квартиру залеза²ть*.

Учитывая указанное интонационное оформление высказывания, использованные лексические и грамматические средства, а также коммуникативную ситуацию и контекст (данное высказывание является репликой собственника квартиры, в которую залез слушающий), в данном высказывании содержится значение угрозы совершения говорящим неконкретизированных действий в отношении слушающего за то, что последний без ведома говорящего проник в его квартиру.

3.2.11. Анализ невербального компонента текста в семантических исследованиях

Основным приемом анализа при исследовании креолизованного (поликодового) текста является вербализация невербального компонента, т. е. его «перевод» в текстовый вид: «Часть смысла сообщения может передаваться визуально, например с помощью изображения действий, ситуации, внешних признаков предмета речи, а не их вербального описания. В этом случае лингвист “переводит” визуальное невербальное сообщение в текстовый вид. Если однозначная вербализация затруднена, это отмечается в заключении экспертов» [Кукушкина, Сафонова, Секараж, 2014: 46].

При вербализации невербального компонента эксперту следует как можно более подробно его описать (с учетом всех деталей, символов, цветов и т. п.), поскольку та или иная деталь может играть важную роль в формировании смысла креолизованного текста (например, изображение людей в красных мокасынах, являющихся в современном социокультурном контексте одним из признаков, позволяющих идентифицировать группу «кавказцы»). При вербальной интерпретации жестов эксперт может обращаться к соответствующим лексикографическим изданиям¹. Само описание необходимо производить с использованием стилистически нейтральных языковых средств.

¹ См., напр.: Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. – М.–Вена, 2001; Акишина А., Кано Х., Акишина Т. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. – М., 2017

Алгоритм исследования креолизованных текстов

- Вербализация (описание) невербального компонента.
- Семантическое протоколирование вербального компонента (текста), включающее в себя экспликацию всех заложенных в нем смыслов.
- Установление отношений, в которых находится информация, содержащаяся в вербальной и невербальном компонентах.
- Выведение общей информации, содержащейся в объекте (в совокупности вербальной и невербальной составляющей).

Пример анализа

На исследование представлено изображение с текстом (см. рисунок):

1. Невербальный компонент содержит контурное изображение, выполненное белым цветом, человека, который нацеливает пистолет на стоящего на коленях человека, контур которого выполнен черным цветом и который выставил одну руку вперед в защитном жесте. Справа и слева имеются окружности, внутри которых перечеркнуты изображения темнокожего человека и полумесяца со звездой (символическое изображение ислама). На фоне имеется контурное изображение города и знак «черное солнце», распространенный среди людей, придерживающихся неонацистской идеологии. Надпись на изображении: «Вооружайся оккупанта не остановят слова оккупанта остановит пуля».
2. Вербальный компонент содержит следующую информацию:

- есть люди, для обозначения которых используется номинация «оккупанты»;
 - «оккупанты» совершают какие-то действия;
 - действия, которые совершают «оккупанты», нежелательны для автора и адресата объекта;
 - действия, которые совершают «оккупанты», не будут прекращены, если попросить их об этом;
 - данные действия будут прекращены, только если стрелять (то есть совершать насильственные действия) в «оккупантов»;
 - адресату сообщается, что надо вооружаться, чтобы прекратить действия, которые совершают «оккупанты».
3. Невербальный компонент (изображение) конкретизирует и частично дублирует информацию, содержащуюся в тексте:
- перечеркнутые изображения темнокожего человека и полумесяца со звездой, а также контурные изображения людей, выполненные белым и черным цветами, уточняют, что «оккупантами» называются группы лиц, выделенные по расовому признаку и признаку отношения к религии (темнокожие и мусульмане);
 - изображение пистолета, направленного на человека, контурное изображение которого выполнено черным цветом, повторяет информацию о совершении насильственных действий, а именно убийств темнокожих и мусульман (а не, например, изгнание под конвоем) («оккупанта остановит пуля»);
 - изображение «черного солнца» в совокупности с белым цветом контура человека с пистолетом сообщает об идеологической принадлежности тех, кто совершает и побуждается совершать насильственные действия в отношении темнокожих и мусульман.
- В совокупности вербальной и невербальной составляющей объекта содержится следующая информация: есть представители групп лиц, выделенных по расовому признаку и признаку отношения к религии (темнокожие и мусульмане), которые называются оккупантами и которые совершают некоторые действия в отношении противопоставленных им групп (белокожие и немусульмане); чтобы эти действия были прекращены (а они нежелательны для автора и адресата), нужно не говорить об этом, а совершать насильственные действия, то есть убивать представителей данных групп лиц.

3.3. Специальные методы семантических исследований в лингвистической экспертизе: предметно-тематический, экспрессивно-оценочный, целевой

Помимо общенаучных и частнонаучных методов, в семантических исследованиях широко используются и специальные методы исследований, т. е. методы, специально разработанные для решения специфических экспертных задач [Эджубов, 2012б: 192]. Применительно к семантическим исследованиям в судебной лингвистической экспертизе к таким методам относятся предметно-тематический анализ, оценочно-экспрессивный анализ и целевой анализ. Эти виды анализа были разработаны в целях выявления «экстремистских» значений (см. [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2011, 2014]). В настоящее время они широко применяются при проведении судебных лингвистических экспертиз по другим категориям дел, например, по делам об оскорблении (см. [Изотова, Кузнецов, Плотникова, 2016]).

Сущность указанных видов анализа заключается в установлении основных семантических составляющих сообщения после того, как экспертом выявлено значение этого сообщения: «После того, как установлено, что именно сообщено и как его нужно понимать, лингвист анализирует значение обязательных компонентов сообщения: что именно является предметом речи; что именно сообщается о нем; какое отношение к предмету речи и сообщаемому выражено автором; какова заявленная речевая цель сообщения. Такой анализ можно назвать **анализом основных семантических составляющих сообщения**. Значение, которое имеют (принимают в данном конкретном сообщении) эти компоненты, это и есть экспертно значимые лингвистические признаки сообщенного. Именно они затем сопоставляются с признаками, входящими в диагностический комплекс» [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014: 47].

Исследование указанных семантических составляющих проводится на основе предметно-тематического анализа, оценочно-экспрессивного анализа и целевого анализа. Подробно данные виды анализа описаны в [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2011: 37–109]. В связи с этим кратко остановимся на ключевых моментах, важных для проведения семантических экспертных исследований.

Предметно-тематический анализ связан с установлением предмета речи, того, что конкретно сказано о предмете речи, а также содержательного типа сказанного [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014: 47].

Для дел, связанных с противодействием экстремизму и терроризму, значимыми предметами речи являются группы лиц, «устои», защищаемые законодательно, определенная идеология, символика и пр. Если рассматривать судебную лингвистическую экспертизу в целом, вне зависимости от категории

дела, круг предметов речи очень трудно очертить: это могут быть конкретные лица, группы лиц, предметы, явления, действия, качества и т. п. Эксперту следует ориентироваться на вопрос, поставленный на разрешение, и в соответствии с этим определять, идет ли речь о том или ином предмете речи или нет. Например, при постановке вопроса «Идет ли в разговорах речь о наркотиках?» искомым предметом речи являются наркотики.

Информация о предмете речи содержится в пропозиции высказывания, в связи с чем «в основе этого типа анализа лежит исследование пропозитивного содержания высказывания. <...> Пропозиция представляет собой семантическую структуру, образуемую двумя главными элементами: предмет речи (носитель предикативного признака) и приписываемый ему признак (предикат). Анализ пропозитивного содержания сказанного – отправная точка экспертного исследования» [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2011: 37].

Оценочно-экспрессивный анализ связан с установлением всех выраженных значений оценочно-экспрессивного типа, субъекта и объекта оценки, а также того, чем обосновывается, мотивируется оценка [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014: 47].

Для решения задач судебной лингвистической экспертизы в целом значимыми являются различные виды оценок: прежде всего это оценки типа «хороший/плохой», «нужно/не нужно», «важно/не важно» и др. В задачу лингвистического анализа оценочной информации входит установление, выражен ли в высказывании (тексте) с помощью языковых средств тот вид авторской оценки, который обязателен для того или иного типа значения, и описание того, какими языковыми средствами он выражен [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2011: 56].

Оценочные компоненты значения содержатся в пропозициональной установке (модальной рамке) высказывания.

Целевой анализ связан с установлением речевых (коммуникативных) целей – «обязательного компонента значения любого высказывания. Это сообщаемая адресату информация о том, зачем производится то или иное речевое действие (типовая совокупность речевых действий)» [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2011: 80]. В ходе лингвистического анализа речевой цели устанавливается, какова речевая (прагматическая) цель конкретного высказывания, т. е. цель, сообщаемая адресату, какую информацию о речевых целях несет избранный автором жанр сообщения, какие текстовые функции выполняет высказывание [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014: 47].

Российским законодательством запрещены высказывания определенного содержания, имеющие следующие цели: угроза, побуждение, требование (сопровождающееся угрозой) и др. Многие из этих целей повторяются в нормативных актах (см. выше, п. 2.3 настоящего пособия).

Целевой компонент содержится в пропозициональной установке (прагматической рамке) высказывания.

Как показывает экспертная практика, эти виды анализа в своей совокупности целесообразно применять при решении задачи, связанной с выявлением значения и отнесения его к определенному классу (задача 3 п. 2.3 настоящего пособия), т. е. при выявлении юридически значимых значений (побуждение, угроза, требование, обвинение и др.).

Кроме того, эти же виды анализа могут применяться и по отдельности в случае решения задачи, связанной с выявлением информации определенного содержания (задача 2 п. 2.2 настоящего пособия):

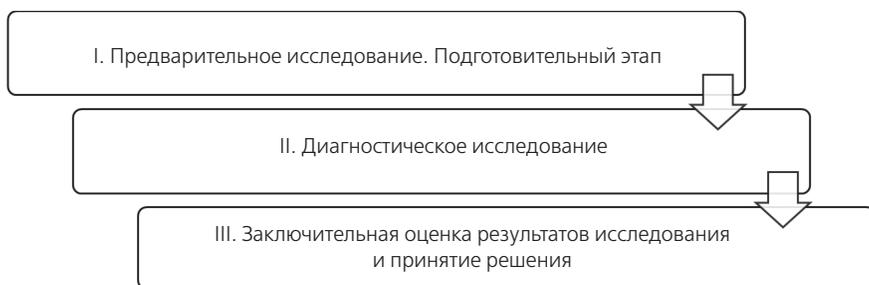
- предметно-тематический анализ – при выявлении информации об определенном предмете речи (например, о деньгах, наркотиках, негативной информации),
- предметно-тематический анализ + оценочно-экспрессивный анализ – при выявлении оценочной информации (например, негативной оценки предмета речи).

Часть 4

ЭКСПЕРТНЫЕ МЕТОДИКИ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕМАНТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Как указывалось выше, все задачи семантических экспертных исследований являются диагностическими и классификационно-диагностическими. Как и любые другие экспертные задачи, указанные виды задач имеют общую схему решения, определяемую общими принципами экспертного исследования: «а) уровневый принцип, предполагающий обязательное выделение в качестве первоначального предварительное исследование (первый уровень решения задачи), или подготовительный этап; б) двойственный принцип – исследовательский и оценочный характер экспертного познания, предполагающий обязательное выделение оценки результатов на каждом этапе процесса решения задачи и заключительном, предшествующем принятию решения эксперта по задаче в целом; в) использование в качестве основных психологических механизмов исследования выдвижение гипотез и формирование, а также распознавание образов» [Корухов, Майлис, Орлова, 2003: 164].

В соответствии с общей схемой решения экспертной диагностической задачи (см. [там же: 165–189]) методики решения семантических экспертных задач предполагают проведение исследования в 3 этапа (стадии):

Исследование **на первом этапе** является общим для всех типов экспертных задач. На этом этапе эксперт знакомится с постановлением (определением) о назначении экспертизы и со всеми поступившими материалами, проверяет их наличие и пригодность для диагностического исследования, решает вопрос о достаточности исходных данных для полного и всестороннего исследования и решения поставленных задач, описывает объект, выдвигает экс-

пертные версии и составляет план исследования. Особенности этого этапа не отличаются принципиально от исследований по другим видам экспертизы и подробно изложены в [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014: 33–35]. Решение задачи начинается уже на этом уровне, где возникает начальное, гипотетическое приближение к этому решению.

Исследование **на втором и третьем этапах**, в отличие от предварительного исследования, зависит от типа экспертной задачи. Прежде всего это касается собственно диагностического исследования. На этом этапе исследования решение задачи того или иного типа различается по следующим параметрам:

- методам исследования (совокупности методов);
- структуре исследования, включающей либо только аналитическую стадию, либо аналитическую и сравнительную стадию.

Исследование на третьем этапе зависит от типа экспертной задачи и результатов решения задачи на втором этапе.

По результатам судебной лингвистической экспертизы составляется заключение эксперта или сообщение о невозможности дать заключение (см. ст. ст. 23, 25 ФЗ о ГСЭД). При производстве несудебной экспертизы (на основании обращения физических и юридических лиц) составляется Акт экспертного исследования (в системе СЭУ Минюста России). При обращении следственных органов на стадии до возбуждения уголовного дела (по материалам проверки, проводимой в порядке ст. 144 УПК РФ) составляется Заключение эксперта либо Акт экспертного исследования.

Заключение эксперта оформляется в соответствии с требованиями части 2 статьи 204 УПК РФ, статьи 25 ГСЭД и должно содержать следующие сведения:

- дата, время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначившем судебную экспертизу;
- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов и методик;

- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Содержание каждого этапа экспертного исследования в зависимости от типа экспертной задачи раскрывается в представленных ниже экспертных методиках решения выделенных типов семантических экспертных задач.

4.1. Методика выявления значения (смысла) единиц различных уровней: слова, словосочетания, предложения (высказывания), текста

Рекомендуемые вопросы к эксперту

Возможные формулировки вопросов, отражающих указанную задачу:

- В каком значении использовано слово/словосочетание «...» в представленном тексте?
- Какой именно предмет (лицо) обозначен словом/словосочетанием «...»?
- Каково значение предложения/высказывания «...»?
- Однозначно или многозначно предложения/высказывания «...»?
- К какому слову или словам в предложении относится фрагмент «...»?
- Каково смысловое содержание представленного текста (фрагмента текста)?
- Какая информация о лице/организации/группе лиц/предмете содержится в представленном тексте?
- Имеют ли слова/словосочетания «...» и «...» одинаковое (тождественное, противоположное) значение?
- Находятся ли слова/словосочетания «...» и «...» в родо-видовых отношениях?
- Какие смысловые различия существуют между словами/словосочетаниями «...» и «...»?

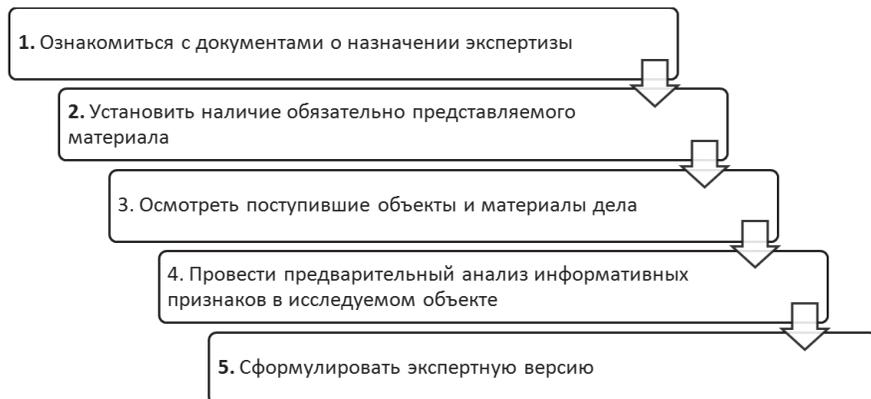
Объекты исследования

- Слово
- Фразеологизм
- Словосочетание
- Предложение/высказывание
- Фрагмент текста
- Текст (письменный, звучащий, поликодовый, электронный)

Структура решения экспертной задачи

Предварительное исследование

Алгоритм решения задачи на этапе предварительного исследования:

1. Ознакомление с документами о назначении экспертизы

На этом этапе эксперт изучает документ о назначении экспертизы (постановление или определение), знакомится с фабулой дела, основаниями назначения экспертизы, получает информацию об объекте исследования.

При ознакомлении с вопросами, поставленными на разрешение, эксперт решает, относятся ли вопросы (в предложенной формулировке или вообще) к его компетенции. Если решение вопроса выходит за пределы специальных знаний эксперта, эксперт обязан составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу.

При неясности или некорректности вопроса эксперт вправе без изменения объема и существа задания изложить, как он понимает вопрос. Эксперт может уточнить существо вопроса у лица, назначившего экспертизу, заявив соответствующее ходатайство. При редактировании исходной формулировки эксперт должен указать в заключении причины ее изменения и без изменения объема задания дать корректную с экспертной точки зрения формулировку.

При решении какой-либо нестандартной задачи, требующей привлечения экспертов других специальностей, эксперт-лингвист вправе заявить ходатайство о включении в состав комиссии экспертов других специальностей, если их специальные знания необходимы для дачи показания.

2. Установление обязательно представляемого материала

Исследование на этом этапе предполагает проверку наличия материалов и сведений, которые обязательны для производства экспертизы: эксперт про-

веряет, все ли исследуемые объекты имеются в наличии, все ли необходимые исходные данные (сведения о коммуникативной ситуации) сообщены.

Если в качестве материала представлены фрагменты, отдельные реплики диалога, отдельные слова, эксперт должен установить, представлен ли весь контекст их употребления, так как без учета контекста невозможно оценить коммуникативную ситуацию, реализуемое объектом значение.

Если исследованию подлежит устное высказывание, звучащий текст, эксперту должны быть предоставлена аудио- или видеозапись, а также стенограмма (дословное содержание) подлежащего исследованию текста.

Информация об обстоятельствах дела извлекается из документа о назначении экспертизы и материалов, представленных для исследования. К таким материалам относятся протоколы допроса свидетелей и обвиняемых, протоколы осмотра предметов (аудио- или видеозаписей, скриншотов интернет-страниц и др.). Отсутствие обстоятельств дела в постановлении (определении) органа или лица, назначившего экспертизу, а также документов, на основании которых могут быть восстановлены обстоятельства дела, не позволяет эксперту проводить исследование.

При недостаточности материалов для производства судебной экспертизы эксперт может ходатайствовать о дополнении материалов. В случае отказа в дополнении материалов эксперт вправе составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу.

3. Осмотр поступивших объектов, материалов дела

Основное содержание этого этапа предварительного исследования – определение пригодности подлежащих исследованию объектов для решения экспертной задачи. Для этого представленный объект оценивается по ряду параметров, к которым в первую очередь относится полнота и точность записи.

Если эксперт в результате осмотра установит непригодность объекта, то он составляет мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направляет данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу.

При описании обстоятельств дела эксперт обращает внимание на факты, которые необходимы для установления коммуникативной ситуации. Раздел «Обстоятельства дела» содержится во вводной части заключения с подзаголовком «Обстоятельства дела» и с вводной формулировкой «Обстоятельства дела известны экспертам из постановления о назначении экспертизы (исследования)» (далее следует краткое изложение обстоятельств).

4. Проведение предварительного анализа информативных признаков в исследуемом объекте

На этом этапе выделяются наиболее яркие диагностические признаки, т. е. признаки первичные, непосредственно выраженные в объектах, выявление которых не требует применения сложных методов и глубокого, развернутого изучения. На основе выделения информативных признаков предварительно оцениваются свойства исследуемых объектов. Такое исследование позволяет окончательно определить, уточнить и конкретизировать задачу экспертизы, выдвинуть версию возможного решения.

5. Формулирование экспертной версии

Формулирование экспертной версии представляет собой определение на основе исходных данных возможных альтернативных решений, которые проверяются в ходе диагностического исследования. Версии выдвигаются с разной степенью вероятности, и с учетом этого определяется очередность их проверки.

Выдвижение версий позволяет оценить достаточность исходных данных для решения экспертной задачи, произвести планирование дальнейшего исследования: определить последовательность действий эксперта, выбор необходимых методов, очередность их применения и т. п.

Диагностическое исследование

В большинстве случаев диагностическое исследование в силу особенностей указанной задачи состоит только из аналитического исследования. Проведение сравнительного исследования имеет место только при установлении семантических отношений между языковыми единицами.

Последовательность экспертных действий такова.

Аналитическое исследование

При выявлении значения слова/фразеологизма/словосочетания:

1. Исследование особенностей коммуникативной ситуации.
2. Проверка наличия/отсутствия значения исследуемого слова/фразеологизма/слов, входящих в словосочетание, в толковых словарях русского языка.
3. При наличии значения этих объектов в толковых словарях русского языка применяются следующие методы:
 - дефиниционный анализ (см. п. 3.2.1 настоящего пособия);
 - синонимическое перифразирование (см. п. 3.2.2 настоящего пособия);
 - семантическая декомпозиция слова (см. п. 3.2.3А настоящего пособия);
 - контекстуальный анализ (см. п. 3.2.4 настоящего пособия).

При отсутствии значения этих объектов в толковых словарях русского языка применяется корпусный анализ (см. п. 3.2.9 настоящего пособия).

4. Фиксация (представление) выявленного значения или вариантов понимания слова/фразеологизма/словосочетания.

При выявлении значения **предложения/высказывания**:

1. Исследование особенностей коммуникативной ситуации.

2. Установление значения предложения/высказывания путем применения следующих методов:

- синонимическое перифразирование (см. п. 3.2.2 настоящего пособия);
- семантическая декомпозиция предложения (см. п. 3.2.3Б настоящего пособия).

В случае недостаточности указанных методов (при необходимости выявления значения отдельных входящих в предложение слов, фразеологизмов, словосочетаний) экспертом применяются методы, используемые при выявлении значения указанных языковых единиц (см. выше).

При выявлении значения устного высказывания также применяется анализ средств звучания (см. п. 3.2.10 настоящего пособия).

3. Фиксация (представление) выявленного значения или вариантов понимания предложения/высказывания, в экспликации перечисляются все необходимые смыслы.

При выявлении значения, содержащегося в **тексте (фрагменте текста)**:

1. Исследование особенностей коммуникативной ситуации.

2. Исследование особенностей текста (функционально-стилистических, речевых, композиционных и др.) путем применения текстового анализа (см. п. 3.2.8 настоящего пособия).

3. Установление значения, содержащегося в тексте (фрагменте текста), путем применения следующих методов:

- синонимическое перифразирование (см. п. 3.2.2 настоящего пособия);
- семантическая декомпозиция предложения (см. п. 3.2.3Б настоящего пособия).

В случае недостаточности указанных методов (при необходимости выявления значения отдельных входящих в предложение слов, фразеологизмов, словосочетаний) экспертом применяются методы, используемые при выявлении значения указанных языковых единиц (см. выше).

При выявлении значения звучащего текста также применяется анализ средств звучания (см. п. 3.2.10 настоящего пособия), а при выявлении значения креолизованного текста применяется анализ невербального компонента (описание и соотнесение вербального и невербального в тексте см. в п. 3.2.11 настоящего пособия).

4. Фиксация (представление) выявленного значения или вариантов понимания текста (его фрагмента), в экспликации перечисляются все необходимые смыслы.

Сравнительное исследование

Проводится **только** при необходимости установления **семантических отношений** (синонимия, антонимия, родо-видовые отношения) между языковыми единицами и состоит из следующих этапов:

1. Сопоставление выявленных на этапе аналитического исследования значений.
2. На основе соотнесения совпадающих и различающихся компонентов значения эксперт устанавливает тип семантических отношений между языковыми единицами.

**Заключительная оценка результатов исследования
и принятие решения**

На этой стадии исследования осуществляется оценка результатов исследования и принимается экспертное решение.

Если эксперту удалось в полном объеме установить значение исследуемого объекта, дается категорический положительный вывод. При этом могут быть использованы следующие формулировки:

- *Слово/словосочетание «...» в представленном тексте использовано в следующем значении: «...».*
- *Предложение/высказывание «...» реализует следующее значение: «...».*
- *Предложение/высказывание «...» понимается однозначно, реализует следующее значение: «...».*

При установлении значения, содержащегося в тексте или его фрагменте, возможна ссылка на исследовательскую часть заключения.

Если имеет место недостаточность данных или недостаточная информативность выявленных признаков, на основе которых устанавливается значение, эксперт дает вывод в форме НПВ: *Установить значение слова «...» не представляется возможным в связи с недостаточностью данных.*

Если в результате проведенного исследования установлено, что объект понимается неоднозначно, то эксперт должен сделать вывод об этом и привести в формулировке вывода все возможные значения, реализуемые объектом. Эксперт в этом случае также может дать вероятный вывод при установлении экспертом наиболее вероятной реализации того или иного значения.

4.2. Методика установления наличия/отсутствия в объекте информации определенного содержания

Рекомендуемые вопросы к эксперту

- Употреблено ли слово/словосочетание «...» в представленном тексте в следующем значении: ...?

- Следует ли из содержания следующего предложения (фрагмента текста) «...», что ...?
- Содержится ли в тексте информация о ... (деньгах/наркотиках/сексуальных действиях и др.)?
- Содержится ли в исследуемом объекте негативная оценка предмета/лица/действий/явления и т. д.?
- Содержится ли в высказывании/тексте негативная информация о лице/организации?

Объекты исследования

- Слово
- Фразеологизм
- Словосочетание
- Предложение/высказывание
- Фрагмент текста
- Текст (письменный, звучащий, поликодовый, электронный)

Структура решения экспертной задачи

Предварительное исследование

Алгоритм решения задачи на этапе предварительного исследования совпадает с описанным в п. 4.1 настоящего пособия.

Диагностическое исследование

Последовательность экспертных действий такова.

Аналитическое исследование

1. Исследование особенностей коммуникативной ситуации.
2. Выявление значения, содержащегося в подлежащем исследованию объекте, а также письменная его фиксация (см. содержание аналитического исследования в п. 4.1 применительно к исследованию высказывания и текста).
3. Исследование основных семантических составляющих сообщения:
 - при решении задач, связанных с выявлением информации о предмете речи (в том числе негативной информации), применяется предметно-тематический анализ (см. п. 3.3 настоящего пособия);
 - при решении задач, связанных с выявлением оценки, применяется предметно-тематический и оценочно-экспрессивный анализ (см. п. 3.3 настоящего пособия).

Сравнительное исследование

Установленные на аналитическом этапе лингвистические признаки общенного сравниваются с искомым типом информации:

- при решении задач, связанных с выявлением информации **о конкретном предмете речи** (например, о деньгах, наркотиках, сексуальных действиях и др.), эксперт должен иметь представление о тех языковых средствах, которые используются носителями языка для номинации этого предмета речи и обозначения его свойств, качеств и действий с ним. В этом случае эксперту следует использовать идеографические (семантические)¹ и специализированные² лексикографические издания, в которых дается описание семантических полей этих предметов речи. На этапе сравнительного исследования эксперт сравнивает установленные на аналитическом этапе лингвистические признаки сообщенного с семантическим полем искомого типа информации;
- при решении задач, связанных с выявлением **конкретизированной в вопросе информации** (например, информации о превосходстве одной группы над другой, гарантировании положительного действия объекта рекламирования, его безопасности, эффективности и отсутствии побочных действий и т. п.), выявленные лингвистические признаки сообщенного сравниваются с семантическим представлением искомой информации, устанавливаемом методом синонимического перифразирования (см. п. 3.2.2 настоящего пособия);
- решение задачи, связанной с выявлением в объекте **негативной информации**, аналогично решению предыдущей задачи, поскольку так же предполагает выявление конкретизированной информации, в данном случае – информации об общественно осуждаемых действиях, поступках лица, деятельности организации: «Информация отрицательная (негативная) – информация (сведения), которая содержит отрицательные характеристики лица – юридического или физического, поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали («неписаного закона») или с правовой точки зрения (по отношению к экспертам-лингвистам – в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции)» [Спорные тек-

¹ Например, Русский семантический словарь / Сост.: Ю. Н. Караулов, В. И. Молчанов, В. А. Афанасьев, Н. В. Михалёв. – М., 1982; Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. – М., 1990; Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. – М., 2000; Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : В 6 т. / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1998–2007; Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М., 2005 и др.

² Например, Словарь арготизмов наркобизнеса / Авторы-состав.: к.ф.н. Т. И. Голощапова, А. М. Полосина, И. В. Курьянова / Под редакцией д.ю.н., профессора А. М. Черенкова. – М.: ЭКУ 9 Департамента ФСКН России, 2006; Кузьменко А. В., Шукин А. М. Термины и выражения, принятые в среде лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков: словарь. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2008 и др.

сты СМИ и судебные иски, 2005: 59]. В п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» конкретизируются типы такой информации об общественно осуждаемых действиях, поступках, деятельности: «Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица»;

- при решении задач, связанных с выявлением **оценки предмета/лица/действий/явления и др.** (например, негативной оценки лица), установленные на аналитическом этапе лингвистические признаки сообщенного сравниваются с семантической формулой общей оценки «хорошо/плохо» «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой» [Вольф, 2014: 5–6].

Заключительная оценка результатов исследования и принятие решения

На заключительной стадии исследования осуществляется оценка результатов сравнения и принимается экспертное решение.

Оценка результатов исследования строится на основе установленных совпадений (соответствий) и различий с искомыми типами значений.

При установлении различия выявленных лингвистических признаков значения с искомым типом значения экспертом формулируется вывод следующим образом:

- *Слово/словосочетание «...» в представленном тексте не употреблено в следующем значении: ...;*
- *Из содержания следующего предложения (фрагмента текста) «...», не следует, что ...?*
- *В тексте не содержится информация о деньгах/наркотиках/сексуальных действиях и др.;*
- *В исследуемом объекте отсутствует негативная оценка предмета/лица/действий/явления и т. д.;*
- *В высказывании/тексте отсутствует негативная информация о лице/организации.*

При установлении полного совпадения лингвистических признаков с искомым типом значения экспертом формулируется вывод о наличии в высказывании (тексте, исследуемом материале) этого значения, в этом случае вывод формулируется следующий образом:

- Слово/словосочетание «...» в представленном тексте употреблено в следующем значении: ...;
- Из содержания следующего предложения (фрагмента текста) «...» следует, что ...;
- В тексте содержится информация о деньгах/наркотиках/сексуальных действиях и др.;
- В исследуемом объекте содержится негативная оценка предмета/лица/действий/явления и т. д.;
- В высказывании/тексте содержится негативная информация о лице/организации.

Неоднозначность значения сказанного приводит к выводу в форме НПВ или условно-разделительному выводу.

4.3. Методика выявления значения/формы выражения значения и отнесение их к определенному классу

Методика решения данной задачи изложена в следующих пособиях:

- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. – М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014 (см. ч. 2 указанного пособия)
- Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. – М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016 (см. ч. II указанного пособия).

В указанных пособиях представлена методика выявления ряда юридически значимых форм и значений: пропаганды взглядов, побуждения (в форме призыва), угрозы, обвинения, оправдания, унижения, возбуждения вражды, ненависти; унижительной оценки лица (данное значение соотносится с унижением) и неприличной формы выражения.

В настоящем пособии на основе уже существующего методического подхода к решению указанной задачи, изложенного в вышеуказанных пособиях, представлена методика выявления других типов юридически значимых форм и значений: утверждения о фактах и событиях, мнения, предположения, оценочного суждения, побуждения, угрозы, требования.

Рекомендуемые вопросы к эксперту

Возможные формулировки вопросов, отражающих указанную задачу:

Категория дела	Формулировка вопроса
Клевета, защита чести, достоинства, деловой репутации (ст. 128.1, 298.1 УК РФ, ст. 151, 152 ГК РФ)	<ul style="list-style-type: none"> – Какова форма выражения негативной информации: утверждение о фактах и событиях, мнение, предположение, оценочное суждение? <p>или</p> <ul style="list-style-type: none"> – Выражена ли негативная информация в форме утверждения о фактах и событиях?
Реабилитация нацизма (ч. 1 ст. 354.1 УК РФ (в части распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны)	<ul style="list-style-type: none"> – Содержится ли в тексте «...» информация о ..., выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?
Дела, связанные с нарушением закона о защите конкуренции	
Преступления против правосудия, заведомо ложный донос (ст. 302, 305, 306, 307, 309 УК РФ)	
Угроза (ст. 119, 296 УК РФ)	<ul style="list-style-type: none"> – Содержится ли в высказывании/тексте «...» значение угрозы совершения каких-либо действий? <p>или</p> <ul style="list-style-type: none"> – Содержатся ли в высказывании/тексте лингвистические признаки угрозы совершения каких-либо действий?
Вымогательство (ст. 163 УК РФ)	<ul style="list-style-type: none"> – Содержится ли в высказывании/тексте «...» требование, сопровождающееся угрозой совершения каких-либо действий?

Категория дела	Формулировка вопроса
Дела, связанные с противодействием коррупции (ст. 204, 204.1, 204.2, 290, 291, 291.1, 291.2, 304 УК РФ)	– Содержится ли в высказывании/тексте «...» побуждение к совершению каких-либо действий?
Дела, связанные со сбытом наркотических веществ (ст. 228, 228.1, 228.3, 228.4, 229, 230, 230.1 УК РФ)	– Побуждает ли один коммуникант другого коммуниканта к совершению каких-либо действий?
Проституция – склонение и организация (ст. 240, 241 УК РФ)	
Наемничество, вербовка (ст. 359 УК РФ)	
Дела, связанные с защитой половой неприкосновенности (ст. 132, 133, 135 УК РФ)	

Объекты исследования

- Высказывание
- Текст (письменный, звучащий, поликодовый, электронный)

Структура решения экспертной задачи

Предварительное исследование

Алгоритм решения задачи на этапе предварительного исследования совпадает с описанным в п. 4.1 настоящего пособия.

Диагностическое исследование

Последовательность экспертных действий такова.

Аналитическое исследование

1. Исследование особенностей коммуникативной ситуации.
2. Выявление значения, содержащегося в подлежащем исследованию объекте, а также письменная его фиксация (см. содержание аналитического исследования в п. 4.1 применительно к исследованию высказывания и текста).
3. Исследование основных семантических составляющих сообщения:
 - при выявлении значений (побуждение, угроза, требование) применяются предметно-тематический, оценочно-экспрессивный и целевой анализ (см. п. 3.3 настоящего пособия);
 - при выявлении форм (утверждение о фактах и событиях, мнение и др.) применяется анализ модальной организации предложения (см. п. 3.2.5 настоящего пособия).

Сравнительное исследование

Установленные на аналитическом этапе лингвистические признаки общенного сравниваются с диагностическими комплексами.

1. *Выявление значения*

В диагностических комплексах значений «побуждение», «угроза», «требование», «предупреждение» признаки разбиты на три типа: «тематика», «отношение», «цель». В разделе «Тематика» высказывание охарактеризовано с точки зрения предмета речи и типов сообщаемой о нем информации, в разделе «Отношение» – с точки зрения того типа отношения к предмету речи, которое должно быть выражено: это отражаемый в сообщении тип оценки, эмоционального отношения, в разделе «Цель» – речевые цели, которые должны быть выражены в высказывании.

Диагностический комплекс «побуждение к совершению действия» применительно к «неэкстремистским» преступлениям и правонарушениям существенно не отличается от лингвистической части диагностического комплекса «побуждение к совершению действия (в том числе в форме призыва)», представленного в [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014: 61] (см. таблицу 3)

Таблица 3

Диагностический комплекс «побуждение к совершению действия»

Компонент значения	Лингвистические признаки значения
Тематика	Предмет речи: а) адресат/аудитория; б) различные объекты, на которые направлено действие, которое необходимо совершить адресату. Содержательные типы высказываний: описание действий, которые нужно совершить адресату в отношении предмета речи.
Отношение	Положительная оценка описываемых действий: автор считает их совершение необходимым, целесообразным для адресата/аудитории (эта оценка часто выражена имплицитно – побудительной конструкцией, в семантику которой она обязательно входит).
Цель	Выражено побуждение к аудитории к совершению описанного действия. При этом могут использоваться разные явные речевые цели (вопрос, сообщение о событии, оценка этого события и др.), а побуждение может быть выражено неявно (жанром, особенностями коммуникативной ситуации и др.).

Диагностический комплекс «**требование**» схож с диагностическим комплексом «побуждение к совершению действия», поскольку это значение является одной из разновидностей побуждения. Ключевым отличительным признаком требования от собственно побуждения и от остальных речевых действий, связанных с побуждением, является обязательность выполнения действия адресатом. Так, М. Г. Безьева целеустановку требования определяет следующим образом: «Требование представляет собой коммуникативный тип целеустановки, под которым мы понимаем выражение желания говорящего, чтобы слушающий совершил то или иное действие (каузировать действие слушающего), которое он должен совершить, что не зависит от его желания» [Безьева, 2002: 55]. Авторы методического пособия «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму», сравнивая требование с «экстремистским» значением «призыв», отмечают, что требование предполагает вынуждение к действию: «Требования отличаются от призывов тем, что предполагают не убеждение, а вынуждение к действию. Принятие мнения, согласия адресата они не требуют. Это речевое действие фиксирует различие позиций автора и исполнителя действия» [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2011: 95].

Таблица 4

Диагностический комплекс «требование»

Компонент значения	Лингвистические признаки значения
Тематика	Предмет речи: а) адресат; б) различные объекты, на которые направлено действие, которое должен совершить адресат. Содержательные типы высказываний: описание действий, которые должен совершить адресат в отношении предмета речи.
Отношение	Положительная оценка описываемых действий адресантом: они желательны для адресанта. Негативная оценка описываемых действий адресатом: адресат может не желать их совершать.
Цель	Выражено побуждение к аудитории к совершению описанного действия.

Диагностический комплекс «**угроза совершения действий**» применительно к «неэкстремистским» преступлениям и правонарушениям существенно не отличается от лингвистической части диагностического комплекса «угроза совершения насильственных, разрушительных действий», представленного в [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014: 76–77] (см. таблицу 5).

Диагностический комплекс «угроза совершения действий»

Компонент значения	Лингвистические признаки значения
Тематика	<p><i>Предмет речи:</i> негативные действия кого-либо в отношении кого-чего-либо;</p> <p><i>Содержательные типы высказываний:</i></p> <p>а) утверждение (скрытое или явное) о наличии «вреда», принесенного объектом угрозы, и обещание, возможности, неотвратимости применения указанных действий к нему – при угрозе-наказании;</p> <p>б) описание требуемых от объекта угрозы действий (когда требование не выражено вербально, оно следует из ситуации и предполагает прекращение действия, выполняемого адресатом) и негативных последствий отказа – при угрозе-предупреждении («что будет, если...»).</p>
Отношение	<p>Выражена оценка негативных действий: их наступление, совершение желательно для автора, они заслужены с его точки зрения.</p> <p>При угрозе-наказании имеет место также негативная оценка деятельности объекта угрозы («он заслуживает наказания»).</p> <p>При угрозе-предупреждении имеет место также оценка действия, к которому побуждается адресат: «вам необходимо это сделать» и оценка последствий отказа: «иначе вам будет плохо».</p>
Цель	<p>Выраженные речевые цели: информирование объекта угрозы (о возможности негативных последствий его поведения).</p> <p>В случае угрозы-предупреждения также побуждение к совершению действия (выбору рекомендуемой линии поведения).</p>

2. Выявление формы

В диагностических комплексах форм «утверждение о фактах и событиях», «мнение», «предположение», «оценочное суждение»¹ признаки разбиты на два типа: исследуется диктумная семантика предложения и модусные смыслы.

¹ При создании диагностических комплексов форм «утверждение о фактах и событиях», «мнение», «предположение», «оценочное суждение» авторы пособия опирались на работы [Кукушкина, 2016б; Баранов, 2007; Баранов, Грунченко, Левонтина, 2010; Дмитровская, 1988; Шатуновский, 2016; Кузнецов, Олейников, 2014].

Таблица 6

Диагностический комплекс «утверждение о фактах и событиях»

Компонент значения	Признаки значения	Языковые средства выражения
Объективная семантика предложения (диктумная семантика)	1. Информационный характер сообщения (сообщение обладает признаком акциональности). 2. Совершенство (действие произошло в прошлом или происходит в настоящее время). 3. Верифицируемость, то есть возможность проверить информацию на ее соответствие действительности (сообщается информация о конкретных наблюдаемых (т. е. описывающих события и признаки физической сферы) действиях ¹).	Эксплицитные способы выражения: глаголы действия (акциональные предикаты) в форме настоящего или прошедшего времени изъявительного наклонения. ИмPLICITные способы выражения: пресуппозиции, обязательные следствия и др. (см. подробнее в [Баранов, 2007: 40–55]).

¹ Как отмечает О. В. Кукушкина, «конкретность информации о совершённом лингвистически проявляется в следующем: (а) совершённое описано в той или иной мере, т. е. адресату назван хотя бы тип имевшей место ситуации, сделанного; (б) оно локализовано во времени, т. е. произошло в какой-то момент времени или повторялось какое-то ограниченное число раз (см. лингвистическое понятие «конкретнореферентный контекст»). Под наблюдаемостью имеется в виду сообщение о таком событии, которое может быть зафиксировано в результате внешнего наблюдения, «засвидетельствовано» [Кукушкина, 2016б: 139].

Окончание таблицы 6

Компонент значения	Признаки значения	Языковые средства выражения
Субъективная семантика предложения (модусная семантика)	Безальтернативность сообщаемого (персуазивность – сообщаемая информация мыслится, оценивается говорящим как достоверная).	Показатели недостоверности информации отсутствуют. Возможно наличие маркеров отсутствия альтернативы («верификатор», маркеров истинности): 1) языковые средства со значением уверенности говорящего (<i>точно, безусловно, конечно, без сомнения</i>), иные показатели уверенности, например, модально-предикатные слова (<i>уверен, убежден</i>); 2) языковые средства с семантикой знания: уверения в достоверности утверждения: (<i>это факт, это правда, я знаю точно, что...</i>), заверения о наличии фактов (<i>у меня есть факты, я могу доказать это фактами</i>), ссылки на всеобщее знание (<i>все знают, всем известно</i>), верификаторы, обозначающие факт получения знания (<i>фактологические предикаты оказалось, выяснилось,, что; подтвердилось, обнаружилось, было установлено, доказано, узнал, видел, слышал и т. п.</i>).

Таблица 7

Диагностический комплекс «предположение»

Компонент значения	Признаки значения	Языковые средства выражения
Объективная семантика предложения (диктумная семантика)	1. Информационный характер сообщаемого. 2. Совершенство (действие произошло или происходит) / несовершенство (действие еще не произошло). 3. При совершенности – верифицируемость.	Глаголы действия (акциональные предикаты) в форме настоящего, прошедшего и будущего времени изъявительного наклонения. Глаголы в форме сослагательного наклонения.
Субъективная семантика предложения (модусная семантика)	Альтернативность сообщаемого: сообщаемая информация мыслится, оценивается говорящим как недостоверная (говорящий выражает неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из ряда возможных версий).	Альтернативность сообщаемого выражается союзами <i>то ли... то ли, не то... не то, или... или</i> , вводными словами <i>наверное, может быть, вероятно</i> , лексикой со значением сомнения <i>сомнительно, сомневаться</i> и предположения <i>предположительно, предполагать</i> . Альтернативность сообщаемого может быть выражена и вне пределов высказывания, содержащего исследуемую негативную информацию (см. правила наследования модальностей в [Баранов, 2007: 36–39]).

Диагностический комплекс «мнение»

Компонент значения	Признаки значения	Языковые средства выражения
Объективная семантика предложения (диктумная семантика)	Информационный либо неинформационный характер сообщаемого. В случае информационного характера сообщения также имеет место реализация признаков «совершенство» и «верифицируемость» (см. табл. 6, 7).	Глаголы действия (акциональные предикаты), состояния (статальные) и отношения (релятивные предикаты) ¹ в любых грамматических формах.
Субъективная семантика предложения (модусная семантика)	Альтернативность сообщаемого: – информационная альтернатива: содержится указание на носителя мнения;	Имеются маркеры авторизации – вводные конструкции, указывающие на носителя, источник мнения (<i>по словам..., по мнению...</i>), предикаты мнения, вводящие основную пропозицию (<i>думаю, считаю, полагаю</i>), слова с включенной рамкой наблюдения (<i>казаться, представляться</i>). Альтернативность сообщаемого может быть выражена и вне пределов высказывания, содержащего исследуемую негативную информацию (см. правила наследования модальностей в [Баранов, 2007: 36–39]).

¹ Относительно предложений с предикатами состояния и отношения О. В. Кукушкина пишет: «...о мыслях и чувствах другого лица мы можем догадываться только на основе анализа их внешних проявлений. Поэтому в предложениях типа *Он задумал меня обокрасть; Вот тогда-то он меня и возненавидел; Он понял, что... и решил...; Он жутко разозлился...* излагается наша интерпретация этого поведения, т.е. мнение о чужом внутреннем мире, сделанная на основе фактов мира физического. Она не подлежит проверке в силу принципиальной ненаблюдаемости событий в сфере внутреннего мира человека и представляет собой то, что можно назвать «чтением мыслей». В силу ненаблюдаемости «чтения мыслей», несмотря на присутствие в нем компонента «совершенство», можно целиком относить к области мнения. По той же причине неверифицируемости и утверждения о собственных мыслях и чувствах – отсутствует внешний наблюдатель, который мог бы их зафиксировать и подтвердить» [Кукушкина, 2016: 139–140].

Окончание таблицы 8

Компонент значения	Признаки значения	Языковые средства выражения
	– логическая альтернатива: полное знание о ситуации у говорящего отсутствует и недостающие факты он вынужден восполнять путем умозаключений [Кукушкина, 2016: 143]).	Имеются маркеры логического вывода <i>следовательно, отсюда вытекает, можно сделать вывод, это значит, что..., однозначный вывод таков</i> и т. п. ¹

Таблица 9

Диагностический комплекс «оценочное суждение»

Компонент значения	Признаки значения	Языковые средства выражения
Объективная семантика предложения (диктумная семантика)	1. Оценочный характер сообщаемого. 2. Неверифицируемость (не сообщается информация о конкретных наблюдаемых действиях).	Репертуар языковых средств, выражающих оценку лица, предмета, действия (оценочные прилагательные, модально-предикативные наречия, глаголы эмоционально-оценочного отношения, оценочные фразеологизмы и др.).

¹ «...Даже при указании на однозначность вывода показатели логического вывода открывают путь для альтернативных утверждений. При появлении новых фактов однозначный логический вывод может быть пересмотрен. В силу этого их относят к сфере мнения. В отличие о верификаторов, вносящих в сообщение утверждение о наличии достоверного факта, показатели логического вывода переводят любое утверждение о факте в субъективную сферу, добавляя в него возможную альтернативу. Ср.: *Он сделал это!* (утверждение о факте); *Я знаю, что он сделал это!* (верифицированное утверждение о факте) и *Я пришел к выводу, что он сделал это!* В последнем случае сообщается не об истинности утверждения «он сделал это», а о его обоснованности имеющимися на момент речи фактами» [Кукушкина, 2016: 143].

Окончание таблицы 9

Компонент значения	Признаки значения	Языковые средства выражения
Субъективная семантика предложения (модусная семантика)	Возможна альтернативность сообщаемого: содержится указание на носителя оценки.	Оценочные суждения могут вводиться предикатами мнения я считаю, я нахожу, по моему, мне кажется и т. п. ¹

Трудные случаи определения типа информации и формы ее выражения

Сложность речевой организации текста обуславливает множественность интерпретаций, определяемых самой природой текста как речевого произведения. Когда перед экспертом стоит задача реконструкции всей совокупности смыслов, реализуемых в тексте, то неизбежно возникают вопросы, касающиеся правильной квалификации, выявления всех возможных вариантов значения слова, высказывания, текста. Систематизировать все трудные случаи, возникающие в экспертной практике, безусловно, невозможно, однако следует обозначить некоторые спорные ситуации или сложные случаи, связанные с определением формы выражения

¹ М. А. Дмитриевская, говоря о специфике оценочного суждения и отличии значения глаголов, вводящих собственно мнение от глаголов, вводящих оценочное суждение, отмечает следующее: «Формулируя оценку, говорящий описывает не возможность осуществления какого-нибудь положения дел, а свой взгляд на воспринимаемые, имеющие объективный статус предметы, явления, события. Понятие вероятности в оценку не входит, ср. *Я считаю, что книга интересная / Книга, возможно, интересная*» [Дмитриевская, 1988: 11–12]; «Для говорящего его собственная оценка является аналогом истины, однако он осознает (скорее, всегда должен осознавать), что оценка того же объекта другим человеком может быть иной. Употребление глаголов мнения при оценочных суждениях отражает двойственную природу их истинностного значения. Эксплицитное употребление глаголов мнения при мнении-оценке в принципе является избыточным (это отражает тот факт, что для говорящего суждение имеет статус аналога истины), ср. А: *Вы читали эту книгу! Интересная!* В: *Интересная.* (Глагол *знать*, который вводит верифицируемые суждения, обладает этим же свойством, ср. А: *Книга продана!* В: *Продана.*) С другой стороны, употребление пропозиционального глагола становится возможным, когда говорящий хочет подчеркнуть, что его мнение является субъективным, и он не претендует на то, чтобы остальные люди обязательно его разделяли. При этом модальный показатель становится логически выделенным, ср. А: *Эта книга интересная!* В: *Многие ругают, но по-моему/ я считаю, что интересная.* Употребление глагола *считать*, вводящего оценочные суждения, также как и употребление глагола *знать* при верифицируемых пропозициях, зависит от определенных прагматических факторов [там же: 13–14].

1. Тип информации

Вопрос о негативной информации многими специалистами в области лингвистической экспертизы рассматривается как нецелесообразный. Так, К. И. Бринев пишет: «В этом случае компетенция лингвиста-эксперта ограничена квалификацией модальной оценки в спорном высказывании, а этим навыком, как мы полагаем, обладает любой носитель языка, и для квалификации информации в этом аспекте не требуются специальные познания в области лингвистики, так как все и лингвисты, и нелингвисты имеют опыт употребления негативной оценки в своих речевых произведениях, а также речевой и неречевой опыт реакции на негативную оценку, высказанную в их адрес» [Бринев 2014: 148]. Тем не менее, практика лингвистической экспертизы показывает, что вопрос о негативном характере информации сохраняет актуальность, что может быть объяснено тем, что существует расхождение между юридическим и обыденным пониманием негативного: та информация, которая в обыденном сознании рассматривается как негативная, в юридической интерпретации не является нарушением норм закона. В практике встречаются случаи, когда нейтральная информация помещена в негативный контекст, автор (говорящий или пишущий) выбирает такие языковые средства, которые направлены на дискредитацию даже самых положительных качеств и действий лица.

Негативная информация обычно определяется как «информация (сведения) о ситуации, событии (явлении, о лице, поступках лица), которые в системе ценностей данного общества (или на основании социально и культурологически обусловленных местных стереотипов восприятия и реагирования) считаются нехорошими, непохвальными, неблагоприятными для данного общества» [Памятка, 2004: 26]. Под негативной информацией принято понимать выраженную при помощи языковых средств информацию о плохих свойствах, действиях человека, которые противоречат представлениям о норме (правовой, этической, религиозной и т. п.). Негативная информация о юридическом лице формирует отрицательный образ этого юридического лица в обществе, создавая угрозу его деловой репутации.

Негативная информация может представлять собой следствие, выводимое из описания каких-то действий, поступков лица, идущих вразрез с бытующим в обществе представлением о норме. В отдельных случаях нейтральная информация о лице попадает в отрицательный контекст и подается автором текста как негативная (например, информация о высоком заработке лица оценивается автором текста как намек на совершение сомнительных сделок: *Как видим, доходы этого конкретного нотариуса в рамки среднестатистического не то, что не укладываются, они превышают его в несколько раз. Ни один государственный служащий ни при каких условиях не сможет получать столь внушительные доходы, даже работая круглосуточно*).

2. Утверждение «под маской» других типов высказываний

2.1. Утверждение способно сопровождаться показателями мнения.

Известно, что при разграничении утверждений как верифицируемых суждений и субъективно-оценочных высказываний, которые не подлежат верификации, эксперты обращают внимание на формальные показатели мнения: лингвисты «выявляют фрагменты текста, которые могут быть верифицированы судом, потому что имеют языковую форму утверждений о фактах, выражающих знание автора, и те, которые не могут быть верифицированы, потому что имеют форму выраженного мнения» [Бельчиков, Горбаневский, Жарков, 2010: 111–112].

Является ли способом ухода от ответственности наличие в высказывании ссылок на некие источники информации? Безусловно, нет. Например, в высказывании *По информации источников издания, компания X осуществляет поставки запчастей, игнорируя решение суда* содержится фактологическая информация о том, что компания X поставляет запчасти, игнорируя решения суда. Перед нами утверждение со ссылкой на источник информации. Такого рода ссылки снижают категоричность сказанного за счет указаний на некие источники, но не переводят высказывание в разряд мнений.

С семантико-синтаксической точки зрения ссылки на разнообразные источники сведений о ситуации формируют категорию эвиденциальности (засвидетельствованности, пересказываемости), примыкающую к сфере модальности.

Ссылка на слухи не переводит высказывание автоматически в разряд мнений, например: *По городу ходят слухи, что Л. берет 13 % с подрядчиков и делится с Б.* Слухи имеют обычно нарративный характер: информация, которая передается в высказываниях со ссылкой на слухи, чаще всего фактологическая. Ссылки на слухи позволяют автору дистанцироваться от сказанного, вместе с тем показывая, что распространенность информации, участие многих людей в передаче этой информации свидетельствует о том, что она является, скорее всего, надежной. Ссылка на слухи не избавляет автора от ответственности за передачу информации.

Модусная перспектива высказывания может быть усложнена за счет введения нескольких субъектов, оценивающих ситуацию, включения экспликаторов модальных значений уверенности/неуверенности, гипотетичности, сомнения (в лингвистической литературе существует сложная система модальных значений, в том числе значений эпистемической, алетической модальности, которые могут быть учтены при анализе речевого материала). Например, такое усложнение модуса можно наблюдать в высказывании: *Представляю, какой начался бы цирк, если бы кому-то пришло в голову разобратся, скажем, с рейдерским перераспределением крупной собственности на территории Кемеровской области и ролью в этих операциях лично Тулеева.*

Исследуемый фрагмент включен в модальную рамку «Представляю...», указывающую на субъективный характер последующей информации, связанной с воображением. Придаточная часть *какой начался бы цирк*, присоединяемая присловной подчинительной связью к глаголу «представляю», выражена в синтаксическом сослагательном наклонении, то есть событие представлено не как реальное, а как воображаемое. В сослагательном наклонении выражена информация и в части *если бы кому-то пришло в голову разобраться*. Следовательно, в предложении сообщается о том, что автор воображает, какой начался бы цирк, если бы кому-то пришлось разобраться в тех фактах, о которых сообщает автор. В представленном фрагменте звучит утверждение о том, что на территории Кемеровской области происходит перераспределение крупной собственности. В этом перераспределении мог участвовать Тулеев.

2.2. Утверждение может быть скрыто в вопросе или побуждении.

Принадлежность высказывания к вопросительным или побудительным не свидетельствует о том, что оно не содержит утверждений.

Рассмотрим фрагмент текста, в котором содержатся как оценочные суждения, так и утверждения о фактах: *Положительный или отрицательный герой Алферов? Почему продолжает уходить обученный квалифицированный персонал? Коррупция или нет использовать государственные деньги в целях личной заинтересованности? Если «да», почему все сходит с рук? Почему этот человек открыто продолжает демонстрировать свою безнаказанность?*

Данный фрагмент представляет собой цепочку риторических вопросов, в структуре некоторых из них содержатся утверждения о фактах. Так, в вопросе *Почему продолжает уходить обученный квалифицированный персонал?* представлена информация о том, что обученный квалифицированный персонал уходит. Эта информация помещена в пресуппозитивную часть высказывания.

Вопрос *Коррупция или нет использовать государственные деньги в целях личной заинтересованности?* содержит утверждение о том, что государственные деньги используются в целях личной заинтересованности. Автор как будто бы обращается к адресату с вопросом, является ли это коррупцией, однако факт использования государственных денег в личных целях рассматривается ими как совершившийся.

Следующий вопрос *Если «да», то почему все сходит с рук?* предполагает наличие актанта – *сходить с рук (кому?)*. В следующем высказывании появляется номинация «этот человек», безусловно, указывающая на Алферова, так как именно он был обозначен в первом предложении. Форма вопроса *Почему этот человек открыто продолжает демонстрировать свою безнаказанность?* не подвергает сомнению сам факт демонстрации безнаказанности – это установка вопроса, его исходное предположение. Сам вопрос относится к объяснению причин действий Алферова, а информация о безнаказанности

помещается в ту часть семантики предложения, которая является условием осмысленности высказывания. Эта информация представлена в форме оценочного суждения.

Итак, в данном фрагменте текста, несмотря на вопросительные предложения, содержатся следующие утверждения:

- обученный квалифицированный персонал больницы уходит;
- Алферов использует государственные деньги в целях личной заинтересованности.

В форме оценочного суждения представлена информация о том, что Алферов демонстрирует свою безнаказанность и продолжает это делать.

Аналогичным образом побуждение также может содержать пресуппозитивный компонент, например, в лозунге «Владимир Лыжин, перестань обманывать людей!» имеется утверждение в форме пресуппозитива: «Владимир Лыжин обманывал людей».

2.3. Утверждение представлено в образной (метафорической форме).

Метафорическое выражение необязательно переводит высказывание в разряд субъективно-оценочных суждений, хотя, безусловно, метафора может создавать неоднозначность сказанному. Например, в предложении *Есть известное выражение, что у каждого хирурга есть свое персональное кладбище* автор цитирует образно выраженную мысль о том, что у каждого хирурга бывают случаи смерти пациентов. В следующем предложении *Так вот, у Левина на этом кладбище могил – за горизонт* эта информация о смерти пациентов приложена к деятельности Левина. Для количественной характеристики умерших больных автор использует пространственную метафору: *...у Левина на этом кладбище могил – за горизонт*. Предложение представляет собой эллиптическую конструкцию, которая может быть восстановлена как «уходить за горизонт», то есть простирается даже дальше чем линия, ограничивающая видимое пространство. В данном контексте выражение «за горизонт» реализует значение «много, в большом количестве», то есть автор сообщает в оценочной и образной форме о том, что у Левина много случаев смертности пациентов. С другой стороны, метафорическое выражение может быть интерпретировано следующим образом: смертность среди пациентов Левина значительно превышает смертность среди пациентов других врачей. В таком случае информация приобретает верифицируемый характер и является утверждением.

2.4. Конфликт модальных значений.

К приемам речевого воздействия А. Н. Баранов относит «использование множественных показателей модальности предположения и модальности факта», что в результате приводит к «дезориентации адресата повторяющей

сменой противоположных модальностей» [Баранов, 2007: 226227]. Конфликт между эпистемической модальностью и эвиденциальностью наблюдается в примере *Выяснилось, что организовал новый вид бутлегерства, по неподтвержденной информации, некто Д. Р.* С одной стороны, информация не подтверждена, а с другой стороны, выбор глагола «выяснилось» предполагает, что информация стала ясной, получила какое-то подтверждение. Глагол «выясниться» относится к группе верификаторов, или фактологических предикатов, наряду с *подтвердилось, обнаружилось, было доказано, было установлено* и т. д.

Несмотря на более очевидный характер выражения предположения в сравнении с утверждением и мнением, в экспертной практике встречаются случаи, трактуемые неоднозначно. Например, в предложении *Сложно сказать, имеется ли конфликт интересов в деятельности данного сотрудника, но то, что «доходы в конверте» присутствуют, предположить несложно...* выделяются две части, причем средством выражения противопоставления, помимо союза «но», служит антонимия «сложно – несложно». В первой части предложения выражено сомнение в наличии конфликта интересов, а во второй части говорится о наличии доходов в конверте. Хотя автор использует форму глагола «предположить», который в данном случае сигнализирует о некоторой догадке, к которой пришел автор в результате анализа ситуации, данное высказывание не является предположением, так как не содержит языковых средств, указывающих на неуверенное знание; напротив, автор указывает, что вывод о наличии «доходов в конверте» очевиден. Информация о наличии у истца «доходов в конверте» представляет собой выводное суждение, то есть суждение, сделанное автором на основании имеющейся у него и проанализированной им информации.

Как справедливо указывает А. Н. Баранов, «бесконечное сочетание противоречивых модальностей преследует очевидную цель: сделать так, чтобы адресат (зритель) перестал понимать, где предположение, а где – факт» [там же: 228].

Заключительная оценка результатов исследования и принятие решения

На заключительной стадии исследования осуществляется оценка результатов сравнения и принимается экспертное решение.

Оценка результатов исследования строится на основе установленных совпадений (соответствий) и различий с диагностическими комплексами.

При установлении различия (неполного совпадения) выявленных лингвистических признаков значения с диагностическим комплексом экспертом формулируется вывод следующим образом:

В высказывании (тексте, исследуемом материале) не реализовано значение угрозы.

При установлении полного совпадения лингвистических признаков с диагностическим комплексом экспертом формулируется следующий вывод о наличии в высказывании (тексте, исследуемом материале) этого значения:

В высказывании (тексте, исследуемом материале) реализовано значение угрозы.

Негативная информация выражена в форме утверждения о фактах и событиях.

Неоднозначность значения сказанного приводит к выводу в форме НПВ или условно-разделительному выводу.

4.4. Методика установления степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста (семантическое сравнение речевых произведений)

Рекомендуемые вопросы к эксперту

- Сходны ли по смыслу высказывание (фрагмент текста, текст) «...» и высказывание (фрагмент текста, текст) «...»?
- Искажает ли смысл следующего высказывания (фрагмента текста, текста) «...» пересказ этого высказывания (абзаца, текста), содержащийся в следующем фрагменте спорного текста «...», или смысл исходного высказывания (абзаца, текста) при пересказе передан адекватно?

Объекты исследования

- Предложение/высказывание
- Фрагмент текста
- Текст (письменный, звучащий, поликодовый, электронный)

Структура решения экспертной задачи

Предварительное исследование

Алгоритм решения задачи на этапе предварительного исследования совпадает с описанным в п. 4.1 настоящего пособия.

Диагностическое исследование

При решении данной задачи выделение двух стадий диагностического исследования – стадии раздельного исследования и стадии сравнительного исследования – является условным. В данном случае раздельное и сравнительное исследование объектов в чистом виде отсутствует, они совмещаются в одном процессе, в котором каждый из этих видов исследования выделяется в качестве определенного момента.

Раздельное (аналитическое) исследование

Выявление значения, содержащегося в каждом из подлежащих исследованию объектов, а также письменная его фиксация (см. содержание аналитического исследования в п. 4.1 применительно к исследованию высказывания и текста).

Сравнительное исследование

1. Сопоставление установленных на этапе аналитического исследования значений.

2. Выявление совпадающих и различающихся компонентов значения и определение их характера.

Под совпадающими компонентами значения понимаются либо тождественные (значение передается одними и теми же языковыми средствами), либо большей частью сходные в семантическом отношении компоненты (в данном случае для передачи значения в тексте используются синонимические средства языка: лексические синонимы, стилистические синонимы, лексические конверсивы, синтаксические синонимы и т. п.).

Под различающимися компонентами значения понимаются имеющиеся в одном тексте и отсутствующие в другом тексте смысловые компоненты, а также компоненты, имеющие противоположные значения.

3. Установление соотношения совпадающих и различающихся компонентов значения в исследуемом объекте (каких компонентов больше, а каких – меньше или равное количество)

4. Определение значимости выявленных различающихся компонентов значения, т. е. определение их существенности или несущественности для смысла текста в целом.

Под существенными различающимися компонентами значения понимаются такие компоненты, которые значительно влияют на понимание сообщения. К таким компонентам относятся: заглавие, вступление, заключение, описание ситуации в тексте, ее актантов, т. е. участников событий, объектов ситуации и их функций, количество, состав событий, их последовательность и т. п.

Под несущественными различающимися компонентами значения понимаются такие компоненты, которые незначительно влияют на понимание сообщения. К таким компонентам относятся: сообщение дополнительной информации по отношению к выявленной сходной информации в сравниваемых текстах (например, в тексте имеется фрагмент, отсутствующий в сравниваемом тексте, причем в данном фрагменте сообщается дополнительная информация, более подробно раскрывающая определенный аспект, о котором сообщается в обоих текстах), незначительное различие в заглавии текста (например, использование средств синтаксической синонимии), перестановка абзацев при сохранении последовательности описываемых событий, ис-

пользование гипонимов и гиперонимов для обозначения объектов (например, «доллары» и «денежки» в высказываниях *Мы славно гуляли в республике вашей, Мы доллары черпали полною чашей* и *Мы славно гуляли в республике вашей, Мы денежки черпали полною чашей*) и т. п.

Заключительная оценка результатов исследования и принятие решения

На этой стадии исследования осуществляется оценка результатов исследования и принимается экспертное решение.

Если эксперт в результате исследования установил, что выявленные им значения в исследуемых текстах полностью совпадают, т. е. выявлены только совпадающие компоненты значения, дается категорический положительный вывод. При этом могут быть использованы следующие формулировки:

Высказывание (фрагмент текста, текст) «...» и высказывание (фрагмент текста, текст) «...» тождественны по смыслу.

При пересказе высказывания (абзаца, фрагмента текста) смысл исходного высказывания (абзаца, текста) передан адекватно.

Если в результате исследования эксперт установил, что совпадающих компонентов значения в сравниваемых объектах больше, чем различающихся компонентов, и различающиеся компоненты являются несущественными, так же дается категорический положительный вывод. При этом могут быть использованы следующие формулировки:

Высказывание (фрагмент текста, текст) «...» и высказывание (фрагмент текста, текст) «...» в целом сходны по смыслу.

При пересказе высказывания (абзаца, фрагмента текста) смысл исходного высказывания (абзаца, текста) в целом передан адекватно.

Если в результате исследования эксперт установил, что в сравниваемых объектах отсутствуют совпадающие компоненты значения, дается категорический отрицательный вывод. При этом могут быть использованы следующие формулировки:

Высказывание (фрагмент текста, текст) «...» и высказывание (фрагмент текста, текст) «...» различаются по смыслу.

Если в результате исследования эксперт установил, что совпадающих компонентов значения в сравниваемых объектах больше, чем различающихся компонентов, и различающиеся компоненты являются существенными, дается категорический отрицательный вывод. Если в результате исследования эксперт установил, что совпадающих компонентов значения в сравниваемых объектах меньше, чем различающихся компонентов, и различающиеся компоненты являются существенными, также дается категорический отрицательный вывод. При этом могут быть использованы следующие формулировки:

Высказывание (фрагмент текста, текст) «...» и высказывание (фрагмент текста, текст) «...» различаются по смыслу.

При пересказе высказывания (абзаца, фрагмента текста) смысл исходного высказывания (абзаца, текста) передан неточно.

Если имеет место недостаточная информативность выявленных признаков, на основе которых устанавливается значение, эксперт дает вывод в форме НПВ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. М., 2006.
2. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания, №1, 1992. С. 71–78.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.
4. Ариас А.-М. Поликодовый текст как семиотико-семантическое и эстетическое знаковое единство (на примере немецкой карикатуры) // Известия СПбГЭУ. 2011. № 6. С. 62–64.
5. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Филологический анализ текста. М., 2003.
6. Баева Л. В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. Вып. 4.
7. Баранов А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. С. 23–24.
8. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007.
9. Баранов А. Н. О дискурсивных режимах использования оценочных слов и выражений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – М., 2016. – С. 72–83.
10. Баранов А. Н., Грунченко О. М., Левонтина И. Б. Классификация высказываний в соответствии с их объективной иллюкутивной модальностью (разграничение утверждений, мнений, суждений) / Отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2010.
11. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания в русском диалоге. – М., 2002.
12. Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. – М., 1966.
13. Бельская Н. С. Применение аналитико-описательных методов в решении сравнительных задач судебного лингвистического исследования речевых произведений // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381.
14. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. – М. : ИПК «Информкнига», 2010. 208 с.
15. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002.

16. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза. Методология и методика. – М. : Флинта, 2014.
17. Валгина Н. С. Теория текста. – М., 2003.
18. Венгранович М. А. К проблеме юрислингвистической интерпретации фоновой информации в современном медиатексте // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. – С. 75–79.
19. Винберг А. И., Шляхов А. Р. Общая характеристика методов экспертного исследования // Общее учение о методах судебной экспертизы: Сб. науч. тр. ВНИИСЭ. – М., 1977. Вып. 28.
20. Винокур Т. Г. Диалогическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1990. – С. 135.
21. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд. стереотип. – М., 2014.
22. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании : Коммуникативно-прагматический аспект. – М. : Наука, 1993. – С. 158–218.
23. Горошко Е. И. Методология изучения текста на электронном носителе. // Актуальные вопросы комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы. Калининград, 2009. – С. 40–50.
24. Дедова О. В. О языке Интернета // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 3.
25. Дедова О. В. Ссылка как элемент структуры электронного сетевого гипертекста // Лингвистическая полифония. Сборник статей в честь проф. Р. К. Потаповой. – М., 2007.
26. Дмитриевская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение: Сб. науч. Тр. / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. 127 с.
27. Захаров В. П. Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие. СПб., 2005.
28. Земская Е. А. Общие вопросы // Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Отв. ред. Е. А. Земская. – М., 1981. – С. 5–27.
29. Земская Е. А. Разговорный язык // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М., 1997. – С. 406–408.
30. Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. – М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016.
31. Кобозева И. М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. Пособие / Отв. ред. – М. В. Володина. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 98–136.
32. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – М., 2004.

33. Копотев М., Мустайоки А. Современная корпусная русистика // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки, 2008. – С. 7–24.
34. Корухов Ю. Г. Диагностика экспертная // Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть II. – М., 2012. – С. 83–85.
35. Корухов Ю. Г., Майлис Н. П., Орлова В. Ф. Криминалистическая экспертная диагностика (Методическое пособие). – М. : РФЦСЭ, 2003.
36. Кузнецов С. А., Олейников С. М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство. – М. : Издательский дом В. Ема, 2014. 312 с.
37. Кузьмина Н. А. Медиатекст как объект лингвистической экспертизы (ответствен ли журналист за интерпретацию текста читателем?) // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. – М. Н. Володиной. – М. : Академический Проект, 2011. С. 172–180.
38. Кукушкина О. В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. 2016а. № 1 (41). – С. 118–126.
39. Кукушкина О. В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. 2016б. № 3 (43). – С. 132–145.
40. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. – М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
41. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2011.
42. Левкова Л. Ю. Обучение созданию вторичных текстов на занятиях по русскому языку // Среднее профессиональное образование. 2010. № 7.
43. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
44. Матвеева О. Н. Художественный текст как объект лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных статей / Под ред. Н. Д. Голева. Кемерово; Барнаул, 2007. – С. 370–378.
45. Москвин В. П. Методы и приемы лингвистического анализа. – М., 2015.
46. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/index.html>, свободный
47. Основы судебной экспертизы. Часть I. Курс общей теории / Отв. ред. Ю. Г. Корухов. – М. : РФЦСЭ, 1997.

48. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации от 16 февр. 2016 г. // КонсультантПлюс [официальный сайт]. (дата обращения: 28.09.2016).
49. Отчет по научно-исследовательской работе «Разработка методики психолого-лингвистического исследования устной речи по записям телефонных и иных разговоров при расследовании преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)» (шифр «Тема») / Исп.: О. В. Кукушкина, А. А. Коростелева, Ю. В. Зайцева, А. А. Сакбаев, А. А. Смирнов, А. Н. Тимашев, Е. В. Щенникова, М. А. Кузнецовская, О. Д. Маланцева. – М. : АНО «Лаборатория прикладной лингвистики», 2008.
50. Падучева Е. В. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении // Науч.-техн. инф. Сб. ВИНТИ. 1981. № 11. – С. 23–30.
51. Падучева Е. В. Модальность // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч. 1. СПб. : Нестор История, 2016. – С. 19–94.
52. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульты / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М. : Медья, 2004. – 104 с.
53. Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Выявление языковых и содержательных признаков речевого акта угрозы в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 9.
54. Русская грамматика: В 2-х тт. – М., 1980.
55. Саженин И. И. К проблеме анализа заглавий при производстве судебных лингвистических экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 2 (42). – С. 120–124.
56. Серль Дж. Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. – М., 1986.
57. Словарь основных терминов судебных экспертиз. – М. : ИПК РФЦСЭ, 2007.
58. Смирнова С. А., Омелянюк Г. Г., Микляева О. В. Методика экспертная // Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть II. – М., 2012. – С. 183–185.
59. Смирнова С. А., Секераж Т. Н., Кузнецов В. О. Междисциплинарные исследования в судебно-экспертных учреждениях Минюста России: актуальные направления лингвистической и психологической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 4.
60. Современный медиатекст: учеб. пособ / Отв. ред. Н. А. Кузьмина. – М., 2013.
61. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М. : Престиж, 2005.

62. Стеклова Т. И. Намеренная двусмысленность как способ привлечения внимания адресата // Вестник Новосибирского государственного университета. 2015. Т. 14, вып. 6. – С. 185–190.
63. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 138 с.
64. Судебная лингвистика: монография / Под ред. О. Н. Матвеевой. Барнаул, 2015.
65. Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение / Под ред. Е. Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. – М., 2017.
66. Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Ленинград : Наука, 1990. 264 с.
67. Трапезникова И. И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятия, признаки, структура): Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.
68. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М. : РУДН, 2009.
69. Туровская С. Н. Перформативная модальность // Труды по русской и славянской филологии: Лингвистика. Tartu Ülikool. Vene Keele Öppetool, 1997. С. 188–194.
70. Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. – М. : Галерея, 2002. 424 с.
71. Шатуновский И. Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 480 с.
72. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1988.
73. Штофф В. А. Моделирование и философия. – М.–Л., 1966.
74. Шустова С. В. Каузативная ситуация // Фундаментальные исследования. 2006. № 3. – С. 97–101.
75. Эджубов Л. Г. Всеобщий метод познания // Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть II. – М., 2012а. – С. 66–67.
76. Эджубов Л. Г. Методы экспертного исследования // Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть II. – М., 2012б. – С. 190–192.
77. Эджубов Л. Г. Моделирование // Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть II. – М., 2012. – С. 197–198.
78. Эджубов Л. Г. Объекты экспертизы // Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка» / Под ред. С. А. Смирновой. Часть II. – М., 2012в. – С. 222.

79. Эджубов Л. Г. Эксперимент // Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть II. – М., 2012г. – С. 416–417.
80. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 17–58.

Словари

81. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2006. – 1536 с.
82. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.
83. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
84. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13000 фразеологических единиц – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 880 с.

Учебное издание

Акуленко Екатерина Владимировна
Бойцов Алексей Александрович
Губаренкова Екатерина Олеговна
Крюк Екатерина Константиновна
Кузнецов Виталий Олегович
Кумкова Татьяна Николаевна
Плотникова Анна Михайловна
Портнова Вероника Борисовна
Саженин Игорь Игоревич
Чумакова Елена Николаевна

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Методическое пособие